



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.


- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

DK
III
.M6





**ALDERMAN LIBRARY
UNIVERSITY OF VIRGINIA
CHARLOTTESVILLE, VIRGINIA**

255 н/69

16. МАЙ 1938

16/10

В. О. Миллеръ.

ОТГОЛОСКИ

СМУТНАГО ВРЕМЕНИ

ВЪ ВЫЛИНАХЪ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1906.

20549

V17/E
52182

В. О. Миллеръ.

ОТГОЛОСКИ

СМУТНАГО ВРЕМЕНИ

ВЪ БЫЛИНАХЪ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лн., № 12.

1906.

DK
III
.MG

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, октябрь 1906 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности
Императорской Академіи Наукъ, т. XI (1906 г.), кн. 2, стран. 155—258.

Отголоски Смутаго времени въ былинахъ.

Въ своей статьѣ «Богатырь-казакъ Илья Муромецъ какъ историческое лицо», написанной въ 1893 г. по поводу моихъ «Экскурсовъ», Д. И. Иловайскій, стараясь доказать, что въ эпической личности Ильи Муромца отразились нѣкоторые историческіе факты изъ походовъ самозванца Лжепетра (Илейки), дѣлаетъ основательное замѣчаніе, что въ историческихъ наслоеніяхъ нашего эпоса «доселѣ слишкомъ мало придавали значенія Смутаго эпохѣ». «Столь великое потрясеніе, испытанное всѣмъ русскимъ народомъ, говоритъ Д. И. Иловайскій, не могло не оставить рѣзкихъ чертъ и на его пѣсенномъ творчествѣ»¹⁾. Дѣйствительно, страшный кризисъ пережилъ русскій народъ во всѣхъ своихъ слояхъ въ періодъ нѣсколькихъ годовъ государственной и общественной «смуты», предшествовавшей вступленію на престолъ Россіи новой династіи. Наши современные историки, глубже изучивъ характеръ этой эпохи, ищутъ причинъ «смуты» не въ одномъ прекращеніи династіи и не въ государствѣ, а главнымъ образомъ въ броженіи общественныхъ элементовъ при переходѣ Московскаго государства съ его вотчиннымъ строемъ, примитивнымъ хозяйствомъ, родовыми отно-

1) Историческія сочиненія Д. И. Иловайскаго, ч. II-я. М. 1897, стр. 111.

шеніями въ государство болѣе сложнаго типа, которое должно было примирить разнородные интересы, боярскіе и крестьянскіе, верхи и низы, сократить притязанія первыхъ, устранить главныя причины недовольства низшихъ классовъ, словомъ, выработать болѣзненнымъ процессомъ новыя формы жизни, болѣе прежнихъ удовлетворявшія развитію сложившагося русскаго народа, какъ государственнаго организма¹⁾. Конечно тяжкія бѣдствія смуты, доведшія, казалось, государство до края гибели, до полного разложенія, приняли такіе размѣры, помимо внутреннихъ причинъ, и вслѣдствіе цѣлаго ряда внѣшнихъ и даже случайныхъ условій, которыя всего болѣе бросались въ глаза современниковъ. Таковы — ужасный голодъ (1601—3 гг.), вслѣдствіе неурожаевъ, отъ котораго люди умирали десятками тысячъ по русской землѣ²⁾, который сильно подорвалъ экономическія силы народа и покрылъ страну толпами нищихъ, бродягъ, разбойниковъ; появленіе и успѣхи Самозванца, неожиданная смерть Бориса и гибель его семьи, нашествіе поляковъ съ Самозванцемъ, сверженіе перваго Лжедмитрія и несчастливое царствованіе Василя Шуйскаго, появленіе новыхъ «воровъ», грабежи и неистовства поляковъ и казаковъ, разореніе состоятельныхъ классовъ и общественный развратъ и проч. Всѣ эти яркія и печальныя событія, сопровождавшія государственный кризисъ, казались современникамъ главными причинами переживаемыхъ бѣдствій и приводили благочестиво настроенныхъ людей къ мысли о карѣ Божіей за великія прегрѣшенія всей русской земли передъ Богомъ и о необходимости всеобщаго покаянія, а людей, утратившихъ всѣ нравственные устои, къ полному разгулу страстей . . .³⁾.

1) Взглядъ проф. Платонова въ его изслѣдованіяхъ и лекціяхъ.

2) Въ одной Москвѣ, говорятъ, погибло около 500,000 человекъ. Соловьевъ — Исторія Россіи, изд. 3, т. VIII, стр. 79. См. Описаніе бѣдствій года въ Сказаніи Авраамія Палицына въ Русск. Ист. библи. XIII стр. 479 и слѣд.

3) См. Плачъ о плѣненіи и о конечномъ разореніи Московскаго государства. Русск. Ист. Библи. XIII, стр. 221—234; также Повесть о нѣкоей брани, лежащей на благочестивую Россію. Тамъ-же, стр. 249—260.

Имѣя въ виду прослѣдить въ памятникахъ народнаго творчества отраженіе фактовъ Смутнаго времени и характера этой эпохи, и предоставляя историкамъ уясненіе причинъ, мы остановимся только на нѣкоторыхъ яркихъ явленіяхъ этого времени, которыя могли дать матеріалъ для народной мысли и чувства, пользуясь для нашей спеціальной цѣли сказаніями современниковъ и соображеніями нашихъ историковъ. Мы постараемся доказать, что Смутное время отразилось въ нашемъ былевомъ эпосѣ весьма существеннымъ образомъ, не только въ отдѣльныхъ чертахъ, именахъ, намекахъ, которые можно отыскать въ современныхъ намъ записяхъ былинь, но и въ характерѣ и дѣйствіяхъ главнаго и любимаго нашего богатыря, стараго казака Ильи Муромца.

Однако, прежде чѣмъ перейти къ этой основной задачѣ нашей статьи, мы сначала разсмотримъ тѣ «московскія» историческія пѣсни, которыя были сложены современниками и посвящены нѣкоторымъ историческимъ лицамъ періода смуты, каковы: Ксенія, Лжедмитрій, Скопинъ-Шуйскій, Василій Шуйскій и друг.

Какъ первый печальный отзвукъ Смутнаго времени достигла до насъ извѣстная жалостная пѣсня, влагаемая въ уста несчастной царевны Ксеніи Годуновой. Извѣстно, что она была записана кѣмъ-то, вѣроятно, какъ пѣсня любимая въ извѣстномъ кругу, для любознательнаго англичанина, оксфордскаго бакалавра Ричарда Джемса, пріѣзжавшаго въ Московію въ 1619 г.¹⁾ Предчувствуя свою печальную судьбу, царевна Ксенія, пользовавшаяся по красотѣ и молодости симпатіями москвичей, трогательно прощается съ «милыми переходами и теремами», которые ей придется промѣнять на темную келію монастыря:

«Ино Боже, Спасъ милосердой,
За что наше царство погибло?

1) См. Памятники великорусскаго нарѣчія. Спб. 1856, стр. 4—5.

За батюшково ли согрѣшенье,
За матушкино ли немоленье?

Историческимъ комментариемъ къ причети Ксеніи можетъ служить мнѣніе боярской среды, выразившееся весьма ярко у князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовскаго въ «Укорахъ и поносахъ сему проклятому Ростригѣ о царевниѣ срамотѣ и о постриженіи». Приведемъ нѣсколько строкъ изъ этого любопытнаго памятника: «О волче хищенный, ненасытимый! Не насытился еси сластолюбіемъ кромѣ сія благородныя дѣвицы! . . . Почто сію благородную дѣвицу, дочь цареву сушу, не пощадѣлъ еси, дѣвственный чертогъ ея опорочилъ, ея же благородію во царствующемъ градѣ никто подобенъ, понеже во царскомъ домѣ воспитана бысть по обычаю своему . . . Ты же сію блудомъ осквернилъ, . . . и законному браку не сподоби, и облеклъ еси ея во мнѣшескій образъ и заточенію предаде! Матерь же ея и единокровнаго брата ея, юношу пресвѣтлаго, горькой смерти предалъ еси, за сію бывшую скорбь почто дѣвицы сія не помилова? О проклятый, богомерскій еретикъ, почто не усрамяся такового дѣла сотворити?»¹⁾

Населеніе Москвы, хорошо знакомое съ трагической судьбой Ксеніи, въ постриженіи Ольги, лишившейся родителей, брата, чести и свободы, могло даже *слышать* вопли царевны въ 1606 г. Принужденный, по выраженію Карамзина, «бороться съ тѣнью Лжедмитрія», царь Василій Шуйскій счелъ нужнымъ «оправить» Бориса и семейство его, погибшее жертвою самозванца. Съ этой цѣлью онъ повелѣлъ вынуть гробы Годуновыхъ изъ Варсонофѣевскаго монастыря. «Въ присутствіи безчисленнаго множества людей, рассказываетъ Карамзинъ по свидѣтельствамъ Бера и Петрея, всего духовенства, двора и синклита, открыли могилы: двадцать иноковъ взяли раку Борисову на плеча свои

1) Повѣсть кн. И. М. Катырева-Ростовскаго, Русск. Историч. Библіотека, т. XIII, стр. 579—580.

(ибо сей царь скончался инокомъ); Теодорову и Маринну несли знатные савовники, провождаемые святителями и боярами. Позади ѣхала въ закрытыхъ саняхъ несчастная Ксенія и *вромко вопила* о гибели своего дома, жалуясь Богу и Россіи на изверга-самозванца. Зрители плакали, вспоминая счастливые дни ея семейства¹⁾. Быть можетъ, къ этому времени, къ этому событію, подновившему въ московскомъ обществѣ трагическія впечатлѣнія недавняго прошлаго, относится и сложеніе пѣсни Ксеніи, которую сохранилъ намъ пріѣзжій англичанинъ, хотя она влагается въ уста царевны, какъ будто, еще въ то время, когда Самозванецъ только готовится вступить въ Москву:

«Охте мнѣ молоды горевати,
Что ѣдетъ къ Москвѣ измѣнникъ,
Ино Гришка Отреньевъ Рострига,
Что хочеть меня полонити,
А, полонивъ меня, хочеть пострищи,
Чернечской чинъ наложити»²⁾).

Чувства и мысли москвичей, враждебно настроенныхъ противъ Лжедмитрія, особенно подъ дѣйствіемъ распущенныхъ въ народѣ слуховъ со стороны Василя Шуйскаго и его сторонниковъ, ярко выражены въ пѣсняхъ о разстригѣ, сѣвшемъ на московское царство вмѣстѣ съ женой, еретичкой Маринкой³⁾. Какъ и современные книжники, пѣсни эти видятъ въ самомъ вступленіи Гришки Отрепьева на Московскій престолъ дѣйствіе гнѣва Божія:

«Господь-то на насъ поразгнѣвался,
На славное царство Рассейское,

1) Карамзинъ, т. XII (изд. 1868 г.), стр. 45. Ср. Соловьевъ, т. VIII², стр. 182.

2) Памятники великорусскаго нарѣчія, стр. 5.

3) См. Пѣсни Кирѣевскаго, VII, стр. 3—6; Гильфердингъ, Онежскія былины №№ 14, 111, 143, 236; Пѣсни Рыбникова, I, № 69, III, № 45.

На расейское царство Московское.

Далъ намъ Господь царя несчастливаго (т. е. нечестиваго),
Назвался собака-воръ прямымъ царемъ,
Прямымъ царемъ, царемъ Митриемъ,
Царевичемъ Митриемъ Московскимъ¹⁾.

Негодование москвичей на то, что Лжедмитрій вызвалъ невѣсту-католичку изъ Польши съ ея отцомъ, паномъ Юриемъ Сандомирскимъ, слышится въ слѣдующихъ словахъ одной пѣсни старинной записи, сохранившейся въ бумагахъ Калайдовича:

«Не успѣлъ воръ-собака на царство сѣсть,
Поизволилъ воръ-собака жениться:
Не у князя онъ беретъ, не у боярина:
Не у насъ онъ беретъ въ каменной Москвѣ,
Беретъ воръ-собака въ проклятой Литвѣ,
Проклятой Литвѣ, у Юрья, пана Стредомирскаго,
Беретъ онъ Маринку, дочь Юрьеву»²⁾ . . .

И современники, и дошедшія до насъ пѣсни возмущены противнымъ обычаю выборомъ дня для вѣнчанія и пренебреженіемъ Лжедмитрія къ требованіямъ церкви. Царь вѣнчался въ четвергъ, слѣдовательно подъ постный день. На слѣдующій день справлялся свадебный праздникъ (слѣдовательно въ пятницу), что случилось, по свидѣтельству Паерле, «къ неудовольствію москвитянъ, которые считали такое обстоятельство худымъ предзнаменованіемъ»³⁾. Вслѣдствіе цѣлаго ряда отступленій Лжедми-

1) Гильфердингъ, № 143, срв. № 236.

2) Кирѣевскій, VII, Приложение, стр. 63.

3) Записки Паерле, см. Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ, изд. 8-е, ч. I. Спб. 1859, стр. 188. Срв. также «Четыре сказанія» и проч. 1863, стр. 125: «Окаянный же разстрига тщашеся повелѣнное имъ (т. е. папой Римскимъ) сотворити и абіе браку присягнувъ съ еретицею, вѣнчанъ же бысть въ дому Божіи мѣсяца маія въ 8 день, въ четвертокъ, въ праздникъ апостола и евангелиста Іоанна Богослова, противъ пятка и противъ памяти чудотворца Николая».

трія отъ русскихъ обычаевъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ Москвѣ, даже помимо стараній бояръ и духовенства, ходили о немъ самыя неблагопріятныя слухи. За нѣсколько дней до развязки, подготовлявшейся въ боярскомъ заговорѣ, по свидѣтельству Бера¹⁾, «уже разнеслась въ городѣ молва, что Дмитрій измѣнилъ православію; говорили, что онъ весьма рѣдко посѣщаетъ Божіи храмы, гдѣ прежде такъ часто присутствовалъ, слѣдуетъ чуждымъ обычаямъ, ѣсть нечистую пищу, не выпарившись ходить къ обѣднѣ, не кладетъ поклоновъ передъ образомъ чудотворца Николая, послѣ свадьбы ни разу со своей поганою женою не мылся въ банѣ, хотя она безпрестанно топится: все убѣждало народъ, что царь не истинный Дмитрій, и что страшная бѣда грозитъ отечеству. Такъ говорили вслухъ на всѣхъ рынкахъ».

Эти и подобные имъ городскіе слухи доносятся до насъ въ еще болѣе искаженной и преувеличенной версіи въ слѣдующихъ стихахъ пѣсни о разстригѣ:

«А свадьба была на вешній праздникъ,
Миколинъ день былъ въ пятницу,
А у Гришки свадьба въ четвертокъ была:
Стали благовѣститъ къ заутренѣ,
У святого Михаила архангела,
Гдѣ кладутся цари благовѣрные,
Благовѣрные, благочестивые;
Бояре пошли ко заутренѣ,
Ко святому Михаилу архангелу:
А Гришка рострига въ баню пошелъ
Съ своею Маринкой дочь Юрьевой,
Бояря идутъ отъ заутрени,
А Гришка рострига изъ бани идетъ,

1) Беръ—Лѣтопись московская, въ Сказаніяхъ современниковъ о Дмитріи Самоованцѣ, ч. I, стр. 58.

Шуба на немъ соболиная,
На Маринкѣ саянъ краснаго золота ¹⁾).

На пиру, заданномъ Лжедмитріемъ пану Юрію «Стредомир-
скому», онъ, по словамъ пѣсни:

Скоромную ѣству самъ кушаетъ,
А постну ѣству раздачей даетъ,
А мѣстныя иконы подъ себя стелеть,
А чудны кресты подъ пяты кладеть ²⁾).

Пересказывая далѣе въ искаженныхъ чертахъ смерть раз-
стриги, пѣсни помнятъ, что послѣднее сомнѣніе въ личности
царя было устранено свидѣтельствомъ матери истиннаго Дми-
трія инокини Марѣы ³⁾).

Изъ дальнѣйшихъ событій, послѣдовавшихъ за смертью Лже-
дмитрія, только немногія сохранились въ исторической пѣснѣ.
Сильное впечатлѣніе произвелъ на русскій народъ молодой ге-
рой князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, на котораго возлагали
всѣ надежды на спасеніе отечества, рухнувшія затѣмъ внезапно
вслѣдствіе его неожиданной кончины. Отсылая читателя къ
моимъ замѣчаніямъ о пѣсняхъ про Скопина-Шуйскаго по поводу
двухъ новоизданныхъ сибирскихъ вариантовъ ⁴⁾), замѣчу, что
недавно вышедшій сборникъ Печорскихъ былинъ г. Ончукова ⁵⁾
принесъ еще три варианта пѣсенъ на тему о смерти этого на-
роднаго героя, сильно подвергшихся переработкѣ въ былинномъ
пошибѣ. Это обстоятельство, отмѣченное мною и въ нѣкоторыхъ
раньше извѣстныхъ вариантахъ тѣхъ же пѣсенъ, свидѣтель-
ствуютъ объ интересѣ народа къ личности безвременно погиб-

1) Кирѣевскій VII, Приложение стр. 63.

2) Тамъ же, стр. 64.

3) Гильфердингъ, № 143.

4) См. мою статью: Историческія пѣсни изъ Сибири, въ *Извѣстіяхъ От-
дѣленія русск. языка и словесности Имп. Акад. Наукъ*, 1904 г., т. IX, кн. 1-я,
стр. 27—36.

5) Н. Е. Ончуковъ—Печорскія былины. Спб. 1904, №№ 5, 60 и 81.

шаго молодого воеводы. Въ виду былинной обработки темы о смерти Скопина мы коснемся пѣсенъ о немъ въ дальнѣйшей части нашей статьи.

Нѣкоторую память о себѣ въ исторической пѣснѣ оставилъ неудачливый «боярскій» царь Василій Шуйскій. Извѣстна пѣсня о сведеніи его съ царства, причежъ симпатіи народа, или точнѣе слагателя пѣсни, на сторонѣ царя, а не бояръ:

Ужъ не бояре ли взбунтовалися,
Ужъ не злыя ли собаки повзбѣсилися,
Ужъ и живъ ли нашъ православный царь,
Православный царь Василій Ивановичъ?
Ужъ и что, братцы, во дворцѣ его не видно,
Что косящеты окошечки всѣ завѣшаны?

На эти тревожные вопросы народа отвѣчаетъ одинъ добрый молодецъ:

«Охъ вы, братцы, вы не знаете бѣды-горести,
Что царя нашего Василья злы бояре погубили,
Злы собаки погубили, во Сибирь его послали».

Пѣсня, очевидно сложенная сторонникомъ Шуйскаго, вѣроятно въ болѣе раннемъ изводѣ еще помнила, что царь Василій былъ увезенъ изъ Москвы въ Польшу, но дошедшая до насъ единственная запись внесла вмѣсто Польши уже Сибирь, какъ обычное мѣсто ссылки. Въ окончаніи пѣсни интересно упоминаніе, повидимому, о самозванцѣ Лжепетрѣ (Илейкѣ), съ которымъ пришлось воевать царю Василю, хотя историческія обстоятельства совершенно перепутаны: Лжепетръ, какъ извѣстно, казненный Шуйскимъ, оказывается его преемникомъ на престолѣ, ставленникомъ бояръ и самъ бояриномъ:

«А ужъ сдѣлали царемъ какова басурмана,
Что Петрушку-самозванца, злого боярина»¹⁾.

1) Кирѣевскій, VII, стр. 17.

Такимъ же уваженіемъ къ царю Василию проникнута странная пѣсня (Тульск. г., Чернск. у., с. Соколы) въ сборникѣ Кириѣвскаго ¹⁾, скорѣе похожая на прозаическую реляцію о Гришкѣ Отрепьевѣ, составленную на основаніи слуховъ, пущенныхъ о немъ въ народѣ боярами. Пѣсня рассказываетъ, какъ въ Симоновомъ (т. е. Чудовомъ) монастырѣ «невѣрный» монахъ, прогнанный братіей, Григорій Трепушкинъ, сталъ выдавать себя въ народѣ за Дмитрія царевича, ушелъ затѣмъ въ Польшу къ «свельможѣ-сатанѣ», который, повѣривъ ему, далъ ему помощь и свою дочь Маринку. «Получивъ-то Трепушкинъ въ помощь войска отъ полякъ, онъ *вступилъ-то* съ польскимъ войскомъ во святую Русь, а народъ то *безумный*, *устрашась* войска его, призналъ его своимъ царемъ. Ужъ немного то Трепушкинъ поцарствовалъ въ Москвѣ: *образумился* народъ московскій, сталъ искать себѣ *настоящаго* царя; сыскали настоящаго царя Василя Ивановича, а разбойника Гришку стали мучить и казнить, мучили, казнили, буйну голову съ плечъ срубили». Впрочемъ, быть можетъ, эта подозрительная пѣсня съ ея книжными оборотами, почти лишенная метрическаго склада, основана не на народномъ преданіи, а на перепутанномъ рассказѣ, почерпнутомъ изъ какого-нибудь письменнаго произведенія. Во всякомъ случаѣ цѣнность ея очень сомнительна.

Не позабыло народное преданіе и послѣдняго акта кровавой драмы «Смутнаго времени», связаннаго съ именами Минина и кв. Пожарскаго. Единственная, дошедшая до насъ пѣсня о нижегородскомъ земскомъ ополченіи, записанная въ калужской губерніи (Боровскаго у. с. Слобода, отъ 70-лѣтней старухи), рассказываетъ, довольно близко къ историческимъ фактамъ, объ обращеніи Кузьмы Сухорукаго къ нижегородскому населенію съ рѣчью идти на освобожденіе Москвы отъ поляковъ:

«Охъ вы гой еси товарищи, нижегородскіе купцы!
Оставляйте вы свои дома,

1) Тамъ же, VII, стр. 3.

Покидайте вашихъ женъ, дѣтей,
Вы продайте все ваше злато-серебро,
Накупите себѣ вострыхъ копійевъ,
Вострыхъ копійевъ, булатныхъ ножей,
Выбирайте себѣ изъ князей и бояръ удалова молодца,
Удалова молодца воеводушку;
Пойдемъ-ка мы сражатися
За матушку за родну землю,
За родну землю, за славный городъ Москву:
Ужъ заполонили-то Москву проклятые народы поляки злы!
Разобьемъ ихъ, много веревѣшаемъ,
Самого-то Сузмунда короля ихъ въ полонъ возьмемъ;
Освободимъ мы матушку Москву отъ нечестивыхъ жидовъ,
Нечестивыхъ жидовъ, поляковъ злыхъ!

Молодые ратнички, нижегородскіе купцы выбрали «воеводой удалова молодца» изъ славнаго княжескаго роду — князя Дмитрія по прозванью Пожарскаго.

Далѣе пѣсня кратко рассказываетъ, какъ Пожарскій подвелъ ополченье къ московскимъ стѣнамъ, велѣлъ «солдатушкамъ» помолиться на «святыя Спасскія врата», какъ затѣмъ, проломивъ ворота, они вошли въ бѣлокаменный Кремль:

Какъ и начали солдатушки поляковъ колоть, рубить,
Колоть, рубить, въ большія кучи валить,
Самого-то Сузмунда въ полонъ взяли,
Въ полонъ взяли, руки-ноги ему вязали,
Руки-ноги вязали, буйну голову рубили.

Здѣсь, какъ и въ пѣснѣ о Ляпуновѣ, народное преданіе, отступая отъ исторіи, расправляется по своему съ ненавистнымъ польскимъ королемъ Сигизмундомъ, будто бы сидѣвшимъ въ Москвѣ съ поляками. Упрощая историческія событія согласно съ своими понятіями, народное преданіе не могло не поставить во главѣ поляковъ ихъ короля, котораго современная молва счи-

тала главнымъ виновникомъ польскаго нашествія. По взгляду народа, онъ долженъ былъ поплатиться головою за все зло, причиненное Руси его подданными. Карая Сузмунда, гѣсія съ другой стороны возвеличиваетъ паче мѣры доблестнаго воеводу князя Пожарскаго. Когда князья-бояре московскіе собрались «думу думати», кому царемъ быть, —

Какъ и взговорють бояре, воеводы московскіе:
«Выбираемъ мы себѣ въ цари
Изъ бояръ боярина славнаго —
Князя Дмитрія Пожарскаго сына».

Этимъ избраніемъ въ цари народное преданіе считаетъ справедливымъ вознаградить князя Пожарскаго за очищеніе Москвы, а такъ какъ на московскій престолъ взошелъ не онъ, а Михаилъ Романовъ, то это объясняется великодушнымъ отказомъ князя Пожарскаго, что еще болѣе возвышаетъ его нравственную доблесть.

Какъ и взговорить къ боярамъ Пожарскій князь:
«Охъ, вы гои еси бояре, воеводы московскіе!
«Не достоинъ я такой почести отъ васъ,
«Не могу принять я отъ васъ царства московскаго.
«Ужъ скажу же вамъ бояре, воеводы московскіе:
«Ужъ мы выберемъ себѣ въ православные цари
«Изъ славнаго, изъ богатаго дому Романова —
«Михаила сына Федоровича».

Оцѣнивая историческія лица съ своей точки зрѣнія, народное преданіе не считается здѣсь съ исторіей, которая не знаетъ, чтобъ Пожарскій игралъ руководящую роль въ избраніи на царство Михаила Федоровича, а тѣмъ менѣе, чтобы самъ могъ считаться кандидатомъ на престолъ. Какъ извѣстно, Пожарскій не пользовался особымъ авторитетомъ и самъ сознавалъ это, указывая на то, что къ дѣлу предводительства ополченіемъ зем-

скимъ его «приневолили бояре и вся земля». Со взятіемъ Моеквы оканчивается его первостепенная роль; въ грамотахъ пишется уже первымъ имя князя Д. Т. Трубецкаго, а имя Пожарскаго стоитъ вторымъ, въ товарищахъ. Въ разладѣ мнѣній, обнаружившемся на соборѣ, созванномъ для выбора царя, имя Михаила Романова было названо не Пожарскимъ, а другими: «Однажды говоритъ хронографъ, какой то дворянинъ изъ Галича принесъ на соборъ письменное мнѣніе, въ которомъ говорилось, что ближе всѣхъ по родству съ прежними царями былъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, его и надобно избрать въ царя. Раздались голоса недовольныхъ: «кто принесъ такую грамоту, кто, откуда? Въ это время выходитъ донской атаманъ и также подаетъ письменное мнѣніе: «что это ты подалъ, атаманъ, спросилъ его князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій». «О природномъ царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ», отвѣчалъ атаманъ. Одинаковое мнѣніе, поданное дворяниномъ и донскимъ атаманомъ, рѣшило дѣло: Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ провозглашенъ царемъ»¹⁾).

Если о личности Ксеніи, Лжедмитрія, Василия Шуйскаго, Скопина-Шуйскаго, Минина и кн. Пожарскаго были сложены отдѣльныя пѣсни, то имена и личности нѣкоторыхъ другихъ дѣятелей Смутнаго времени сохранились только въ отдѣльныхъ упоминаніяхъ, вставленныхъ иногда въ болѣе раннія историческія пѣсни царствованія Грознаго. Народная молва о событіяхъ царствованія Бориса и Василия Шуйскаго иногда спутывалась съ фактами предшествующаго царствованія, и въ пѣсняхъ получались несообразности, которыя могутъ быть объясняемы указаннымъ синкретизмомъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ, изъ которыхъ одни вполне несомнѣнны, другіе — по крайней мѣрѣ — вѣроятны. Такъ, въ старую пѣсню объ осадѣ Пскова Баторіемъ на мѣсто защитника этого города князя Шуйскаго вставленъ князь Карамышевъ. Имя послѣдняго, именно Ивана Константиновича Карамышева, свя-

1) Соловьевъ, т. VIII², стр. 499.

зано съ самымъ концомъ Смутнаго времени, съ осадой Волока-Ламскаго королемъ Сигизмундомъ III въ 1612 г. «Когда Москва была очищена отъ поляковъ ополченіемъ Пожарскаго, король, еще не зная объ этомъ событіи, двинулся на помощь своимъ и дошелъ до Волока-Ламскаго, гдѣ воеводой былъ Карамышевъ. Гарнизонъ этого города, состоявшій преимущественно изъ казаковъ, отбилъ всѣ приступы непріятелей, и король со стыдомъ отступилъ». Понятно отсюда, говоритъ Д. И. Иловайскій, почему народная пѣсня потомъ, смѣшавъ два сходныя событія, на мѣсто князя Шуйскаго поставила кн. Карамышева при оборонѣ Пскова отъ «Стефана Баторія»¹⁾).

Другой случай вставки историческаго имени болѣе поздняго времени въ пѣсни царствованія Грознаго можно указать въ нѣкоторыхъ вариантахъ извѣстной пѣсни о женидбѣ Ивана на Маріи Темгрюковнѣ, гдѣ борцы, поборовшіе и осрамившіе брата царицы, Кострюка Темгрюковича, называются Калашниковыми, дѣтьми Кулашниковыми или «калачниками». Въ предложенномъ мною комментаріи къ недавно изданному сибирскому варианту этой пѣсни я припоминаю, для объясненія имени борцовъ, историческаго Колачникова или колачника, посадскаго человѣка, открыто возмущавшаго народъ московскій противъ Лжедмитрія и казненнаго, вмѣстѣ съ дворяниномъ Тургеновымъ, въ 1605 г.²⁾

1) Иловайскій—Назв. соч. стр. 121; такое же объясненіе было дано уже Безсоновымъ. См. Кирѣевскій, Пѣсни, VII, Прил. стр. 121—122. О внесеніи имени Карамышева въ былыи см. ниже.

2) Къ указаннымъ мною вариантамъ, въ которыхъ русскіе борцы называются калашниковыми, могу прибавить еще одинъ (изъ Калуги), недавно изданный мною въ «Этнографическомъ Обзорѣніи». Въ этой записи на хвастаньѣ Кострюка-Вострюка:

«Сколько, сколько я земель произошелъ,
По себѣ бойца я не нашелъ», —

царь Иванъ Васильевичъ *возговорилъ*:

«У насъ, у насъ есть бойцы,
Удалые молодцы,
Они люди Калашниковы,
Они дѣти Заложниковы».

«Въ сказаніи Авраамія Палицына мы читаемъ слѣдующее свѣдѣтельство объ атомъ лицѣ, несомнѣнно въ свое время привлечшемъ къ себѣ вниманіе московскаго населенія: «Мученицы же новіи явльшеся тогда дворянинъ Петръ Тургеневъ, да Ѳедоръ Колачникъ: безъ боязни бо того (т. е. Лжедмитрія) обличивше, имъ же по многихъ мукахъ главы отсѣкоша среди царствующаго града Москвы. Той же Ѳедоръ, ведомъ къ посѣченію, вопіяше всему народу: се пріяли есте образъ антихристовъ и поклонистеса посланному отъ сатаны, и тогда уразумѣете его, егда вся отъ него погибнете! Москвичи же ему смѣяхуся и по дѣломъ судъ тому смертный судяще и Петрову казнь ни во что же виѣниша». Трудно сказать, носилъ ли Ѳедоръ прозвище *Колачникъ*, какъ фамиліное, или онъ былъ калачникомъ по занятіямъ (въ вариантахъ пѣсни о Кострюкѣ встрѣчается и то, и другое), но во всякомъ случаѣ геройскій поступокъ Колачника, изобличавшаго передъ казнью всенародно царя въ самозванствѣ, долженъ былъ произвести сильное впечатлѣніе въ народѣ и особенно припомниться уже вскорѣ послѣ его казни, когда былъ свергнутъ и убитъ изобличенный имъ Лжедмитрій. Хотя раздѣлившій судьбу Колачника дворянинъ Тургеневъ названъ у Палицына на первомъ мѣстѣ, но передъ казнью *созналъ* къ народу не онъ, а посадскій челоуѣкъ Ѳедоръ Колачникъ, что могло придать ему еще больше славы въ простонародной средѣ. Немудрено, что тоже прозвище могло быть дано удалымъ борцамъ изъ простонародья, посрамившимъ ненавистнаго ему жестокаго царскаго шурина Кострюка, брата нелюбимой въ народѣ жены Грознаго Маріи Темрюковны»¹⁾.

Не болѣе, какъ въ видѣ догадки, предлагаю слѣдующее объясненіе одной подробности пѣсни о царѣ Иванѣ Васильевичѣ и его сынѣ. Когда разгнѣванный царь велитъ Малютѣ Скуратову казнить сына Ѳедора Ивановича, царевича спасаетъ его

1) См. Извѣстія Отдѣленія русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. IX, кн. 1, стр. 24—25.

дядя Никита Романовичъ, вырвавъ его изъ рукъ палача и поставивъ на его мѣсто своего молодого слугу, иногда любимаго ключника. Такимъ образомъ царевичъ, которому угрожала смерть, спасенъ чрезъ подстановку другого лица, что въ послѣдствіи и обнаруживается. Конечно, мотивъ этотъ напоминаетъ подобныя же подмѣны въ сказкахъ, но въ данномъ случаѣ его появленіе въ исторической пѣснѣ могло быть вызвано народной молвой о подобной подмѣнѣ, совершившейся въ русской царской семьѣ. Лжедмитрій и его сторонники усердно распускали въ народѣ слухи, что вмѣсто обреченнаго смерти Борисомъ царевича Дмитрія въ Угличѣ былъ зарѣзанъ другой мальчикъ (слуга Дмитрія или іерейскій сынъ), съ которымъ царевичъ по настоянію своего врача (нѣмца Симона) обмѣнялся платьемъ. Слуга былъ зарѣзанъ злодѣями, подосланными Борисомъ, а Дмитрій спасся бѣгствомъ. Такъ самъ Лжедмитрій передавалъ обстоятельства своего спасенія, такъ объявили въ народѣ официально, та же молва дошла до иностранныхъ писателей-современниковъ — Товянскаго ¹⁾, Маржерета ²⁾, Гревенбука, Паерле ³⁾, де-Ту ⁴⁾ и друг.

Можетъ быть, молва объ этой подмѣнѣ царевича другимъ лицомъ, подновляемая слухами о другихъ подобныхъ подмѣнахъ (вспомнимъ слухи о подмѣнѣ мнимаго сына (Петра) царя Феодора Ивановича дѣвочкой (Феодосіей), слухъ объ убіеніи вмѣсто Лжедмитрія I-го другого лица), въ періоды смуты внесли разсматриваемый мотивъ въ прежнюю пѣсню о чудесномъ спасеніи царе-

1) См. Карамзинъ, Примѣч. 576, къ т. XI-му.

2) Сказанія современниковъ и проч. I, 256: «Разсказываютъ, что царица (Марія Нагая) и нѣкоторые бояре, предугадывая, къ чему стремится Борисъ, и зная, какая опасность ожидаетъ младенца (Дмитрія), . . . нашли средство подмѣнить царевича и вмѣсто его приняли другого мальчика».

3) Тамъ же I, стр. 154. Паерле разсказываетъ, что наставникъ Дмитрія Симеонъ съ его согласія взялъ отрока, весьма похожаго на Дмитрія, и въ ту же ночь положилъ его на постель царевича, гдѣ онъ и былъ зарѣзанъ.

4) Тамъ же, I, стр. 329: «Говорить, что мать царевича, свѣдавъ чрезъ своихъ друзей о преступномъ замыслѣ Борисовомъ, спасла сына отъ смерти, подмѣнивъ его отрокомъ, очень похожимъ на царевича и возрастомъ, и наружнымъ видомъ».

вича Федора его дядей посредством подмѣны царевича другимъ лицомъ.

Такимъ же смѣшеніемъ лицъ изъ эпохи Ивана Грознаго съ лицами, выдвинутыми смутнымъ временемъ, объясняется появленіе имени Марѣы въ одномъ вариантѣ ¹⁾ той же исторической пѣсни объ Иванѣ Грозномъ и его сынѣ, гдѣ мать царевича Федора, вмѣсто обычнаго имени Настасьи Романовны, носитъ имя *Марѣы* Романовны. Это имя, могло войти въ пѣсню чрезъ народную молву о царицѣ Марѣѣ (т. е. Маріи Нагой послѣ ея постриженія), игравшей значительную роль въ событіяхъ Смутнаго времени, особенно въ конечной судьбѣ Лжедмитрія.

Насколько всякіе слухи о правительственныхъ лицахъ и разныхъ дѣятеляхъ Смутнаго времени, иногда явно тенденціозные и партійные, проникали въ народъ, особенно въ московское населеніе, видно изъ разныхъ мелкихъ указаній историческихъ пѣсень. Пѣсня отиѣтила, напримѣръ, пущенный въ народъ слухъ, что Дмитрій царевичъ былъ умерщвленъ въ то время, когда вышелъ играть на дворъ ²⁾, или что царь Борисъ кончилъ жизнь самоубійствомъ, какъ утверждали его недруги (Хронографы, Морозовск. лѣт.) ³⁾. Въ сущности эти отголоски историческихъ лицъ и событій періода смуты не особенно многочисленны. Казалось бы, что эпоха полная драматическаго движенія, громкихъ событій, яркихъ красокъ, эпоха такъ много привлекавшая къ себѣ вниманіе нашихъ драматурговъ и беллетристовъ, должна была бы ярче отразиться въ народной поэзіи. Но такова, повидимому, судьба подобныхъ бурныхъ эпохъ: при разгромѣ государства, при разореніи населенія, при неисчислимыхъ бѣдствіяхъ, обрушившихся на всѣ сословія, было не до сложенія пѣсень.

1) Гильфердингъ, № 183.

2) Кирѣевскій, VII, стр. 1.

3) Тамъ же, стр. 8; см. Карамзинъ XI стр. 172, примѣч. 305. Вѣря слуху, будто царь Борисъ отравился, Беръ говоритъ о немъ: «Объ немъ можно по истинѣ сказать, что онъ жилъ, какъ левъ, царствовалъ, какъ лисица, умеръ, какъ песь».

Вспомнимъ ужасную картину тогдашняго состоянія Россіи, начертанную Аврааміемъ Палицынымъ и краснорѣчиво воспроизведенную Карамзинымъ. Набросавъ ее передъ читателемъ, историкъ говоритъ въ заключеніе: «Россія бывала пустынею; но въ сіе время не Батыевы, а собственные варвары свирѣпствовали въ ея нѣдрахъ, изумляя и самыхъ неистовыхъ иноплемениковъ. Россія могла тогда завидовать временамъ Батыевымъ, будучи жертвой величайшаго изъ бѣдствій, разврата государственнаго, который мертвитъ и надежду на умиловленіе небесное»¹⁾. При всемъ паеосѣ своемъ эта тирада Карамзина вѣрно воспроизводитъ впечатлѣніе, получаемое и современнымъ читателемъ отъ ужасныхъ картинъ смуты, сохраненныхъ въ историческихъ свидѣтельствахъ.

Конечно, нужно предположить, что не всѣ пѣсни, сложенные по поводу событій смутнаго времени, дошли до насъ, но едва-ли по условіямъ этого времени онѣ были многочисленны. Отголоски эпохи въ видѣ отдѣльныхъ фактовъ, именъ могли наслоиться на пѣсни болѣе ранняго времени лишь позднѣе, послѣ прекращенія смуты, когда въ царствованіе Михаила общество и народъ оправались отъ погрома, и въ наступившее болѣе спокойное время молодое поколѣніе прислушивалось къ рассказамъ стараго о пережитыхъ имъ страшныхъ событіяхъ. Указавъ нѣкоторыя изъ такихъ отзвуковъ Смутнаго періода въ историческихъ пѣсняхъ, мы можемъ перейти къ нашей главной задачѣ, къ изысканію тѣхъ наслоеній этого періода, которыя можно, иногда съ большей, иногда съ меньшей вѣроятностью, найти въ нашемъ былевомъ эпосѣ, котораго эволюція завершилась въ теченіе XVII-го столѣтія.

Прежде всего соберемъ отдѣльные факты, воспоминанія о событіяхъ и лицахъ смутнаго времени, оказывающіяся въ былинахъ, чтобы получить возможность судить о томъ, насколько глубоко былъ пластъ, отложившійся въ эпосѣ отъ этой эпохи.

1) Карамзинъ XII, стр. 135.

Въ «Очеркахъ» при разборѣ былины Кирши Данилова о Саулѣ Леванидовичѣ, стараясь разобраться въ странныхъ чертахъ разсказа объ отношеніяхъ царя Саула къ городу Угличу, я заподозрѣлъ въ этомъ эпизодѣ смутныя воспоминанія объ углицкомъ погромѣ. «Хотя очень путанно и безтолково, былина, упоминаетъ о какомъ то погромѣ, которому подвергнулись главные мужики Углича отъ царя Саула. Упоминаются заплечные мастера и казни¹⁾ «Заздорили» угличане съ царемъ изъ-за *десятилтннйо* царевича. Онъ навлекъ на угличанъ царскій гнѣвъ и погромъ. Если мы припомнимъ эти факты и поищемъ имъ объясненія историческаго, то естественно придемъ къ предположенію, что въ былинѣ, хотя и въ смутномъ видѣ, отразилось историческое событіе, великое бѣдствіе, которое стряслось надъ городомъ Угличемъ послѣ убіенія Дмитрія царевича. Какъ въ былинѣ, такъ и въ исторіи малолѣтній царевичъ является причиной казней угличанъ. Припомнимъ, что послѣ убіенія Дмитрія царевича было, по указу царя Феодора, наряжено слѣдствіе и что угличане жестоко поплатились за расправу съ предполагаемыми убійцами Дмитрія. Какъ въ былинѣ угличане «заздорили» съ царемъ, такъ результатомъ слѣдствія было то, что до 200 угличанъ было наказано смертью и отнятіемъ языка, что множество изъ нихъ было разсажено по тюрьмамъ и большинство сослано въ Сибирь, гдѣ ими былъ заселенъ городъ Пелымъ. Торговый и людный городъ Угличъ послѣ такого разгрома запустѣлъ надолго. Понятно, что память объ этой бѣдѣ цѣлаго города должна была долго сохраняться среди невольныхъ эмигрантовъ и ихъ потомковъ. Позднѣйшія поколѣнія могли поза-

1) «А и втапоры царь Саулъ Леванидовичъ
Спрашиваетъ мужиковъ угличевъ:
«Есть ли у васъ мастеръ заплечной съ подмастерьями?
И тутъ скоро таковыхъ сыскали и ко царю привели.
Царь Саулъ Леванидовичъ
Приказалъ казнить и вѣшати,
Которые мужики были главные въ Угличѣ».

быть подробности и имена, но все же помнили, что *царская* гроза постигла угличанъ изъ-за молодого царевича. Эти уже смутныя воспоминанія могли припутаться къ былинѣ, записанной въ Сибири, и исказить ея первоначальный видъ¹⁾.

Въ былинахъ сохранились, повидимому, глухія воспоминанія о шишахъ, этихъ шайкахъ всякаго сброда, не признававшихъ ничего начальства, кромѣ своихъ атамановъ и бродившихъ въ смутное время по Русь. О встрѣчахъ поляковъ съ этими партизанами рассказываетъ Маскѣвичъ въ своемъ дневникѣ. «Едва отошли мы на милю или двѣ отъ гетманскаго лагеря (это было зимою 1612 г.), напали на насъ шиши и безъ труда одержали побѣду, ибо находившіеся при возахъ нашихъ москвитяне тотчасъ передались своимъ. . . Враги разорвали нашъ отрядъ надвое: одни изъ насъ воротились къ гетману, а другіе, педшіе впереди, въ числѣ коихъ и я былъ, пробившись сквозь шишей, съ трудомъ достигли Можайска»²⁾. И далѣе: «Итакъ по милости Божіей, въ праздникъ тѣла Господня, мы отправились къ границѣ. Тревожили насъ правда шиши, однако безъ успѣха: мы вездѣ ихъ прогоняли»³⁾. Изъ другого мѣста дневника можно заключить, что шишами назывались и предводители этой вольницы, которая, повидимому, въ своихъ грабежахъ и внезапныхъ нападеніяхъ не слишкомъ разбирала между своими и чужими: «1611 г. 29 Мая съ паномъ Сапѣгой мы отправили сколько могли своихъ челядинцевъ за живностью; я послалъ четырехъ; всѣхъ же было 1500 подъ надзоромъ Руцкаго шиша»⁴⁾.

Эти свидѣтельства Маскѣвича могутъ служить намъ къ объясненію страннаго прозвища, прилагаемаго былиной къ Ильѣ Муромцу, переодѣтому каликой: Когда Илья, въ одеждѣ калики, входитъ въ палату къ царю Василю Боголюбевичу въ Царь-

1) Очерки русск. нар. словесности, стр. 450—451.

2) Дневникъ Маскѣвича. Сказанія соврем. о Дмитріи Самозванцѣ, 1859, II, стр. 88.

3) Тамъ же, стр. 90.

4) Тамъ же, стр. 72.

градѣ, проклятое чудовище (Идолище) обращается къ нему съ вопросомъ:

«Ай-же ты, калика-*шмиг* переходящая!
Ты коей земли, да ты коей орды,
Коего отца да коей матушки?»

И далѣе: «Видалъ ли ты *шмиг*-калика переходящая,
Видалъ ли ты да Илью Муромца?»¹⁾

Былина изъ Олонецкой губерніи, но и въ сибирскомъ «репертуарѣ» тотъ же Илья Муромецъ носить, повидимому, такое же прозвище, сопровождаемое другими отголосками смутнаго времени. Такъ гуляевская былина (запис. въ Барнаулѣ Томской губ.) рассказываетъ, какъ Илья Муромецъ, избавившій городъ Кидощъ отъ «силы поганой», проѣхалъ къ церкви соборной. Здѣсь его встрѣтили «попы, отцы-діаконы», приглашаютъ его за столъ и спрашиваютъ объ отчинѣ.

Прогдворилъ удалой добрый молодець:
Я по поѣздкѣ Юришъ-Маришъ-Шипш-Маретинъ
По потѣхѣ Борисъ-королевичъ младъ,
Не изволю я хлѣбъ-соль купати,
А скажите мнѣ дорожку-прямоѣзжую
Ко стольному городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владимиру,
Ко солнышку ко Сеславьеву»²⁾.

Мы не знаемъ, почему Илья Муромецъ скрываетъ свое имя передъ попами Кидоша, почему прибѣгаетъ къ какому то странному псевдониму; но въ послѣднемъ, кромѣ назвенія *шмиг*, находимъ еще два имени, какъ будто отзывающіяся смутнымъ

1) Был. стар. и новой записи II стр. 55 (Былина № 13: «Илья у царя Василія Боголюблева»).

2) Былины старой и новой записи, II, № 1, стр. 2.

временемъ: Юришь, можетъ быть, Юрій, панъ Сендомирскій, Маришь, кажется, имя его дочери Марины, Маришки. Вольный казакъ Илья Муромецъ, являющійся иногда атаманомъ, не признающій надъ собой ничьей власти, нерѣдко пренебрежительно относящійся къ князю Владимиру, по понятіямъ смутнаго времени, могъ вполне быть названъ шишемъ, и если это прозвище уцѣлѣло за нимъ только въ двухъ приведенныхъ мѣстахъ нашего эпоса, то вѣроятно только потому, что названіе шишь стало непонятнымъ и имѣло другое значеніе, неподходящее къ главному русскому богатырю.

Перейдемъ теперь къ нѣкоторымъ историческимъ личностямъ смутнаго времени, вошедшимъ въ былины иногда только въ видѣ именъ, иногда же получившимъ въ нихъ значительную и своеобразную роль.

Главный герой этой эпохѣ Лжедмитрій, по убѣжденію современниковъ Гришка Отрепьевъ, разстрига въ одной былинѣ¹⁾ играетъ, какъ и слѣдовало ожидать, предосудительную роль. Былина рассказываетъ про женитьбу Добрыни, но въ сущности Добрыня играетъ роль Ивана Годиновича. Добрыня, взявъ невѣсту Настасью Митріевичну изъ Кіева отъ князя Владимира, поѣхалъ съ нею, повидимому, домой. Когда онъ, раскинувъ въ полѣ шатеръ, сталъ забавляться съ Настасьей,

Наѣзжалъ *Гришка-Растрижка* нечистой духъ,

И самъ говоритъ таково слово:

— Ай же ты, Настасья Митріевична!

— За емъ будешь, Настасья Митріевична,

— Будутъ бабой звать портомойницей,

— Кабы за мной была Настасьюшка,

— Былъ бы старый малый кланялся. —

Настасья, соблазненная словами Гришки, поступаетъ такъ-же, какъ невѣста Ивана Годиновича, и въ концѣ подвергается же-

1) Гильфердингъ № 194 «Женитьба Добрыни».

стокой казни отъ Добрыни. Очевидно, Гришка играетъ здѣсь роль обычно принадлежащую царицу Кощеницу, старающемуся отбить невѣсту у Ивана Годиновича. Былина неважная и путанная, но любопытно то, что роль лакомага до сватанья лица придана Гришкѣ-разстрижкѣ, вѣроятно какъ глухое воспомина- ние о нечестивомъ, съ народной точки зрѣнія, бракѣ Лжедмитрія съ Мариной. Припомнимъ извѣстные стихи исторической пѣсни о Разстригѣ:

«Не успѣлъ воръ собака воцариться,
Похотѣлъ воръ собака жениться» и проч.

Перешедшій изъ исторической пѣсни въ былины Скопинъ-Шуйскій получилъ въ нихъ довольно скромную роль. Онъ нашелся недавно въ Печорскихъ былинахъ г. Ончукова въ слѣдующихъ двухъ мѣстахъ. Въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ и Сокольникѣ (Застава богатырская) сказательница (Федосья Чуркина), напрягая память, чтобъ перечислить побольше богатырей, стоявшихъ на заставѣ при атаманѣ Ильѣ Муромцѣ, назвала между другими и Скопина.

«Да я былъ тутъ Скопинъ сынъ Ивановичъ ¹⁾).

Въ другой былинѣ о Дунаѣ Ивановичѣ Скопинъ играетъ еще болѣе скромную роль въ свадебной обстановкѣ. Когда устраивается свадьба Владимира въ Кіевѣ съ привезенною богатыремъ невѣстою Апросиньей Семеновной, то

Стараго казака сталъ князь ставить тысяцкимъ,
Дуная Ивановича сталъ—дружкою,
Добрыню Микитяча другою,
Скопина Михаила Ивановича бережателемъ ²⁾).

Здѣсь по крайней мѣрѣ имя Скопина названо правильно,

1) Печорскія былины № 1, стр. 6.

2) Тамъ же № 45, стр. 191.

хотя отчество уже забыто и замѣнено шаблоннымъ *Ивановичемъ*.

Если такимъ образомъ въ старыхъ «богатырскихъ» былинахъ Скопинъ-Шуйскій является лишь случайнымъ гостемъ, то историческая московская пѣсня о немъ, попавъ въ сѣверный былинный районъ, перерабатывалась часто сказателями подъ воздействием былинныхъ образцовъ, и мы вправѣ причислить эти «старинки» прямо къ богатырскимъ *былинамъ* тѣмъ болѣе, что онѣ иногда прикрѣплены къ циклу кн. Владимира и даже мѣсто дѣйствія иногда переносится въ Кіевъ. Отсылая читателей къ нашей статьѣ «Историческія пѣсни Сибири»¹⁾, гдѣ разсмотрѣна эта пѣсня-былина въ сибирскихъ вариантахъ, остановимся вкратцѣ на недавно явившихся печорскихъ былинахъ о Скопинѣ въ записи г. Ончукова. Онѣ начинаются обычнымъ пиромъ у кн. Владимира въ Кіевѣ²⁾, при чемъ въ одномъ вариантѣ (№ 81) это пированье устроено по случаю рожденія у Владимира чада милаго. На пиру кн. Владимиръ распотѣшился (мы излагаемъ № 81) и спрашиваетъ княгиню Апраксию, кого поставить въ кумушки.

Говорить-то княжна мать Апраксія:
— Надо-бы съѣздить во Галичу во Малую,
Во ту-же Карелу пребогатую,
Позвать удаля добра молодца
А Скопина-ли Михаила сына Ивановича,
Его же поставить въ кумушки. —

Князь посылаетъ за Скопинымъ его крестоваго брата Добрыню Никитича, который немедленно сряжается, ѣдетъ въ Карелу пребогатую и входитъ въ гридню свѣтлую. Здѣсь онъ принимается за матушку Скопина ея служаночку (вліяніе былины

1) Сл. Извѣст. русск. отд. Имп. Академіи Наукъ 1904, т. IX, кн. 1-я, стр. 29—36.

2) №№ 60, 81; въ № 5 начало отсутствуетъ.

о Дюкѣ), и повторяетъ эту ошибку въ слѣдующей свѣтлой гряднѣ. Найдя Скопина, онъ сообщаетъ ему о приглашеніи кн. Владимира. Скопинъ идетъ вмѣстѣ съ нимъ къ матушкѣ и проситъ ея благословенія на поѣздку въ Кіевъ. Мать не хочетъ благословить сына.

— Не дамъ благословеніе великое,
Итти тебѣ, ѣхать въ стольнѣй Кіевъ градъ,
А ты-же во хмелю да не сурядливой,
Тамъ злыя бояришка подмолвщики,
Кособрюхіе воры, подговорщики ¹⁾—

Однако вслѣдствіе обычнаго отвѣта богатыря, что онъ поѣдетъ и безъ благословенія, мать благословила сына. Послѣ крещенія младенца, Скопинъ съ кумой Скурлатой Малютичной идетъ изъ церкви на пиръ къ кн. Владимиру и здѣсь во хмелю похваляется:

«Да много Скопинъ да по землямъ бывалъ,
Да много Скопинъ да городовъ биралъ,
Не боялся Скопинъ да сорока полковъ,
Сорока-де полковъ, да сороктысецныхъ,
Я Малюту-царя да во полонъ биралъ,
Я Малютину дочь держалъ парукою (подъ рукою?),
Парукою держалъ я, полюбовницей,
На остаткахъ далъ князю во служеньицо».

Оскорбленная за отца и за себя Скурлата дочь Малютична идетъ въ глубокъ погребъ, выноситъ чару зелья лютаго и подноситъ Скопину. Въ другихъ вариантахъ Малюта Скурлатьевна (№ 5) или Малютисна (№ 60) проситъ у кн. Владимира позволенія отмѣрить чару зелена вина, чтобы поздравить кума, причемъ

1) Вліяніе былинь о Дюкѣ.

въ ея просьбѣ къ кн. Владимиру въ послѣднемъ чувствуется скорѣе Иванъ Грозный:

«Ужъ ты ой еси, солнышко Владимиръ-князь!
Ты позволь-же мнѣ-ка да слово вымолвить,
Ты не будешь-ле меня за слово казнить,
Отсылати-ле миня въ ссылки дальнѣе?»¹⁾

Чара зелья лютаго, подносимая кумой, описывается иногда въ самыхъ сказочныхъ чертахъ:

По краямъ-то у цяры да ровно ключъ кипить,
По серединѣ у цяры ровно огонь горить²⁾.

Или: Загорѣлось во царѣ да въ серебряной,
Среди-то естъ цары да есъ пламѣ мецѣтъ,
По бокамъ-то есъ цары да искры сыплютсе³⁾.

Несмотря на эти зловѣщіе признаки, Скопинъ рѣшается выпить чару, такъ какъ «глядятъ, смотрятъ все *руськи богатыри*»⁴⁾, а въ одномъ вариантѣ онъ, предчувствуя послѣдствія, просить русскихъ могучихъ богатырей привязать его къ коню и отправить къ матушкѣ родимой⁵⁾. Когда, выпивъ чару, онъ упалъ, Илья Муромецъ и Добрыня подхватываютъ его одинъ за праву, другой за лѣву руку, сажаютъ на коня и отправляютъ домой⁶⁾. По приѣздѣ Скопина его мать (по № 6 эпическая Омельфа Тимофеевна) встрѣчаетъ его, спрашиваетъ о его немощи, и онъ, рассказавъ объ отравѣ, умираетъ. Но была она не хотѣла, какъ историческая пѣснь, примириться съ этой неотомщенной смертью добраго молодца. Мать Скопина оказалась «преудалой» палени-

1) Ончуковъ, стр. 252 № 60.

2) № 5, стр. 34.

3) № 60, стр. 252.

4) № 60, стр. 253.

5) № 6, стр. 34.

6) № 60, стр. 253.

цей и расправилась богатырски съ отравительницей сына. По одному пересказу, она ѣдет на конѣ въ Кіевъ, требуетъ виноватую и узнавъ, что она уѣхала въ чисто поле, нагоняетъ ее отдыхающей въ шатрѣ. Она будитъ ее и закалываетъ¹⁾. Другой пересказъ идетъ еще дальше и кончается оживленіемъ отравленнаго Скопина. Уколовивъ отравительницу вырваннымъ на полѣ сырымъ дубомъ, Омельфа Тимофеевна достаетъ отъ ворона живой воды и оживляетъ сына обычнымъ опрыскиваньемъ.

Стрепенулся Скопинъ да сынъ Ивановичъ;
Кабы тутъ-де Скопинъ да пробуждайтсе,
Отъ великого сну да просыпайтсе;
Да скакаль-то Скопинъ на рѣзвы ноги:
«Ужъ я долго-де спалъ, да всё пора ставать»²⁾.

Такимъ образомъ на Печорѣ въ устахъ сказателей исторической кн. Скопинъ-Шуйскій, народный герой смутнаго времени, погибшій преждевременной смертью и оплакиваемый народомъ, превратился въ богатыря кн. Владимира, и вся эпическая обстановка — Кіевъ, Владимиръ, Апраксія, Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ — явилась на сцену изъ эпического склада. Яркій примѣръ возникновенія былины кіевского цикла изъ очень поздняго матеріала, изъ московской пѣсни XVII вѣка. Здѣсь мы знаемъ самое событіе, легшее въ основу пѣсни, и можемъ наблюдать ея постепенный переходъ въ былинну. И эти наблюдения даютъ намъ яркое понятіе о процессахъ народнаго творчества и оправдываютъ попытки изслѣдователей искать въ нынѣшнихъ «фантастическихъ» былинахъ отголосковъ историческихъ данныхъ въ сказочномъ содержаніи или фабулѣ. Приведенный примѣръ перехода пѣсни о Скопинѣ въ былинну кіевского цикла слѣдуетъ имѣть въ виду при дальнѣйшихъ нашихъ

1) № 81, стр. 225.

2) № 6, стр. 36.

указаніяхъ слѣдовъ исторіи въ эпосѣ, почему я и счелъ нелишнимъ остановиться на быліи о Скопинѣ нѣсколько подробнѣе.

Но ни одно изъ дѣйствующихъ лицъ смутнаго времени не привлекало къ себѣ народное вниманіе въ такой степени, какъ Марина Юрьевна Мнишекъ, по выраженію Пушкина, «самая странная изъ хорошенькихъ женщинъ». Ея иноземное происхожденіе, пышный пріѣздъ въ Москву съ огромной свитой поляковъ и королевскими послами, небывалое на Руси вѣнчаніе ея на царство еще невѣстой передъ свадебнымъ обрядомъ, нарушеніе ради нея и ея свиты старинныхъ обычаевъ, драматизмъ ея судьбы послѣ убіенія Лжедмитрія, ея похожденія съ Тушинскимъ воромъ и съ Заруцкимъ, длившіяся притомъ нѣсколько лѣтъ въ самый разгаръ смуты — все это должно было поразить народное воображеніе и запечатлѣть надолго память объ этой и ненавистой, и соблазнительной особѣ. Возмущенные современные русскіе книжники надбѣляютъ польскую аристократку иногда тѣми же чертами и эпитетами, какъ народныя пѣсни: «поятъ же (разстрига) себѣ жену, говорится въ одномъ современномъ сказаніи, *бесерменскія вѣры, не крещену*, отъ могущихъ Литовскія земли, *юторку*, такову же злохитренну волшебной премудрости, дочь нѣкоего пана Юрья Сандамирскаго Мнишки, дѣвку именемъ Марину»¹⁾. Въ такой характеристикѣ Марины мы находимъ то же простодушное смѣшеніе мусульманства (*бесерменскія вѣры*), католичества и лютеранства²⁾, а также Литвы съ Польшей, которое сплошь и рядомъ встрѣчается въ народныхъ произведеніяхъ. Сверхъ того Марина обладала волшебной премуд-

1) Четыре сказанія о Лже-Дмитріи, извлеченныя изъ рукописей Имп. Публичн. библіотеки. Спб. 1863, стр. 121.

2) Замѣтимъ мимоходомъ, что, по предположенію Д. И. Иловайскаго (Истор. Соч. ч. II, стр. 112), встрѣчающіеся въ эпосѣ Люторы восходятъ къ этой эпохѣ, такъ какъ въ Польшѣ и Западной Руси тогда процвѣтала реформація, и многіе польско-литовскіе паны и шляхта, разоравшіе Московское Государство, были лютеранами. Срв. также четыре сказанія и проч., стр. 7: «воръ Гришка Отрепьевъ въ силѣ мнозѣ совокупився съ Литовскими людьми, съ Люторы и съ Полякии и проч.

ростью по убѣжденію и книжниковъ, и народа. Въ былинахъ она называется: зеленщицей и отравщицей¹⁾, лихой, злой, лютой-грозой²⁾, вѣдьмой³⁾, читающей въ волшебной книгѣ⁴⁾, злою еретицей⁵⁾; въ ея теремѣ нѣтъ Спасова образа⁶⁾; она вырѣзаетъ и сжигаетъ слѣды Добрыни, обертываетъ его туромъ и проч., и сама обертывается сорокою⁷⁾. Всѣми этими свойствами надѣлило народное воображеніе Марину въ силу ненависти народа къ ея національности, религіи, которую она, вопреки обычаю, сохранила, ставъ русской царницей, и къ ея соотечественникамъ, разорявшимъ русскую землю. Но съ другой стороны (что ставитъ въ несомнѣнную связь историческую Марину съ былевой), народъ видитъ въ ней соблазнительную красавицу⁸⁾ («душку»), увлекающую Добрыню, Змѣя Горыныча, Потыка Михайловича⁹⁾, Ивана Горденова¹⁰⁾, князя Глѣба Володьевича¹¹⁾ и даже «неупадчиваго» на женскую прелесть стараго казака Илью Муромца¹²⁾, прижившаго, по одной былинѣ, съ нею сына подскольничка. Не отразился-ли въ этой роли Марины, какъ соблазнительницы мужчинъ, любовныя похождения исторической Марины, перешедшей отъ Лжедмитрія I-го къ Тушинскому вору, а затѣмъ къ Заруцкому къ великому соблазну русскаго народа, конечно, не понимавшаго всего трагизма судьбы несчастной иностранки, попавшей въ самый водоворотъ политическихъ смуть враждебной и ненавистной ей страны?¹³⁾

1) Былины старой и новой записи, II 26 : 7.

2) Ончуковъ, 100, 160.

3) Был. стар. и нов. записи, II 26 : 17.

4) Ончуковъ, стр. 100.

5) Был. стар. и нов. записи, II 25 : 4; срв. Кирѣевскій II, стр. 58.

6) Кирѣевскій II, стр. 59.

7) Был. стар. и нов. записи, II 26 : 7; 27 : 84.

8) Былины стар. и нов. записи, II №№ 25 и 27.

9) Печорскія былины, стр. 241.

10) Тамъ же, стр. 313, 314.

11) Вѣломорскія былины г. Маркова, №№ 50 и 50.

12) Тамъ же, № 4.

13) Замѣтимъ встать, что эпическое имя *Маринка* въ этой именно формѣ совпадаетъ съ обычнымъ въ лѣтописныхъ сказаніяхъ именемъ Марины Мнишекъ, которую они постоянно называютъ *Маринкой* (а не Мариной). Па-

Быть может, отголосокъ Смутнаго времени скрывается въ необычномъ для былинъ отчествѣ Марины. Историческая, приведенная нами выше, пѣсня о Розстригѣ твердо помнитъ, что она дочь Юрія Сandomирскаго, слѣдовательно «Юрьевна». Между тѣмъ былины всего чаще называютъ ее Игнатьевной¹⁾. Относительно этого необычнаго въ эпосѣ отчества можетъ, кажется, быть допущено предположеніе, что оно восходитъ къ имени тѣсно связаннаго съ событіями того времени и съ вѣнчаніемъ Марины Мнишекъ, ненавистнаго народу, патриарха грека Игнатія, поставленнаго Лжедмитріемъ на мѣсто свергнутаго Юва и затѣмъ сведеннаго съ патриаршаго престола вслѣдъ за убіеніемъ самозванца. Вспомнимъ, что этотъ хитрый и честолюбивый грекъ, бывшій раньше архіепископомъ на Кипрѣ и пришедшій въ Россію въ царствованіе Θεодора Ивановича, былъ рязанскимъ архіепископомъ въ то время, когда Самозванецъ двигался къ Москвѣ. Между всѣми русскими архіереями грекъ Игнатій первый торжественно призналъ Лжедмитрія, когда послѣдній подошелъ къ Тулѣ, и встрѣтилъ его здѣсь, какъ законнаго царя. За это онъ, по желанію Дмитрія, былъ возведенъ въ санъ патриарха и вѣнчалъ на царство сначала царя, а затѣмъ Марину по ея приѣздѣ въ Россію, еще невѣстою, къ великому соблазну духовенства и бояръ²⁾. Народная пенависть могла связать имена Ма-

лицына Сказанія объ осадѣ и проч. М. 1822, стр. 25; Лѣтопись о многихъ мятежахъ и проч. М. 1788, стр. 253, 285, 286; Четыре сказанія. Спб. 1863, стр. 14, 15.

1) Был. стар. и нов. зап., II № 26; Гильфердингъ, №№ 17, 163, 227. 267, 288, 316.

2) «Среди храма (Успенскаго собора), на возвышенномъ, такъ называемомъ, *чертожномъ* мѣстѣ сидѣли женихъ, невѣста и патриархъ: первый на золотомъ тронѣ персидскомъ, вторая на серебряномъ. Лжедмитрій говорилъ рѣчь: патриархъ ему отвѣтствовалъ и съ молитвою возложилъ Животворящій крестъ на Марину, бармы, діадиму и корону (для чего свахи сняли головной уборъ или вѣнецъ невѣсты). Лики пѣли многолѣтіе Государю и *благовѣрной цесаретъ Маріи*, которую патриархъ украсилъ пѣпью мономаховой, *помазалъ и причастилъ*. Такимъ образомъ дочь Мнишкова, *еще не будучи супругой царя*, уже была вѣнчанною царицею». Карамзинъ XI изд. Смирдина 1853 года, стр. 126.

рины и Игнатія, который сталъ до нѣкоторой степени ея духовнымъ отцемъ, такъ какъ при обрядѣ вѣнчанія даровалъ ей помазаніе и причастіе, и придать поэтому эпической Маринѣ отчество *Игнатіевны*, сдѣлавъ ее дочерью такого же ненавистнаго народу иностраннаго выходца и проходимца¹⁾).

Предлагаю эту догадку для осмысленія отчества эпической Марины за отсутствіемъ другого болѣе вѣроятнаго объясненія.

Переходя къ разсмотрѣнію роли Маринки въ былинныхъ сюжетахъ, отмѣтимъ нѣкоторыя черты, подтверждающія связь эпической Маринки съ исторической или съ народными преданіями о послѣдней. Такъ, въ нѣкоторыхъ вариантахъ былины о Добрынь и Марины упоминается обращеніе Марины въ сороку²⁾,

1) Считаю не лишнимъ привести отзывы современниковъ о грекѣ Игнатіи: «Тотъ же разстрига начать думать, како бы избрать на престолъ патриаршескій такого-жъ окаяннаго, какъ и самъ. Отъ папешскія бо вѣры боишеса взяти вскорѣ; и взя изъ Рязани архіепископа Игнатія, прежде бывшаго кипрскимъ архіепископомъ въ Грекахъ, а къ Москвѣ пріѣхавшаго еще при царѣ Теодорѣ. Царь бо Борисъ, не познавъ въ немъ окаянномъ ереси, посла его на Рязань, а потомъ онъ поставленъ на Москвѣ въ патриархи. Онъ же Игнатій его, еретика, и вѣнча царскимъ вѣнцомъ въ Соборной церкви Пречистыя Богородицы» (Лѣтоп. о многихъ мятежахъ М. 1788, стр. 95—96). «Единоголасникъ же его (Разстриги), патриархъ Игнатей, благослови его безо всяково прекословія» (Четыре сказанія 1863, стр. 50). «Подобна же себѣ богоотступный и патриарха несвященна, Игната имянамъ, изобрѣтъ». (Врем. дьяка Ивана Тимофеева—въ Русск. ист. библи. т. XIII, 970). «И архіерея Рязанскія власти благопотребія себѣ обрѣтъ и единомышленія, отъ Грекъ, Игнатія имянемъ, и патриарха его постави, дѣлателя всякому беззаконію, и скаредному смѣшенію сообщникъ бывъ и, проста рещи, врагъ Богу и чловѣкомъ и единоголасенъ ему» (Повѣсть кн. И. А. Хворостинина. Тамъ же столб. 539). «И возведе на святительскій престолъ единоголасника своего, богомерскаго еретика Греченина Игнатя» (Катырев-Ростовск., тамъ же столб. 578). «На патриаршество присла (Рострига) къ Москвѣ съ Рязани епископа Игнатія гречанина, возлюбленника своего и угодника по еретическому обычаю, не пастыря и не учителя, но пьяницу и сквернословца, по его еретической волѣ, годна себѣ» (Сказаніе о Гришкѣ Отрепьевѣ, — тамъ же столб. 732); «Игната грека, мужа глупа, и пьяницу и срамословца, и кощунника, потаковника подобна суца себѣ» (тамъ же 736).

2) Въ № 227 у Гильфердинга ее обертываетъ сорокою матушка Добрыни; въ былинѣ изъ Якутской области, записанной г. Богоразомъ, крестовая сестра Добрыни Марфа Сеславьевна (Изв. Отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ т. V, кн. 1, стр. 67); въ былинѣ Гильфердинга № 163 Маринка сама обертывается сорокой.

согласное съ известной народной молвой о томъ, что Марина послѣ убіенія Лжедмитрія улетѣла изъ Москвы, обернувшись сорокою, и что съ тѣхъ поръ сороки не залетаютъ въ этотъ городъ¹⁾. Въ упомянутомъ былинномъ сюжетѣ имя волшебницы Марины не представляетъ никакихъ вариантовъ и поэтому должно восходить къ первой обработкѣ широко распространенной сказки о женѣ-волшебницѣ въ былинну кievскаго цикла. «Нѣтъ основанія предполагать, — повторю сказанное мною въ «Очеркахъ» — что черты эпической Марины (въ этомъ былинномъ сюжетѣ) раньше связывались съ какимъ-нибудь другимъ именемъ, вытѣсненнымъ, и притомъ безъ малѣйшихъ слѣдовъ, именемъ исторической женщины XVII-го вѣка»²⁾. Болѣе случайно появленіе имени Маринки въ нѣкоторыхъ другихъ былинныхъ сюжетахъ на ряду съ другими женскими именами въ вариантахъ, но и въ этой замѣнѣ именемъ Марины другихъ именъ можно видѣть отголоски впечатлѣнія, произведеннаго въ свое время на народъ пресловутыми похождениями исторической Марины. Такъ, въ былинѣ о несчастливомъ бракѣ Ивана Годеновича его невѣста обыкновенно называется Настасьей, дочерью купца въ Черниговѣ; между тѣмъ въ недавно изданномъ печорскомъ вариантѣ этой былины Настасья замѣнена *душкой* Мариной, дочерью князя черниговскаго Федора³⁾. Когда Иванъ Горденовъ, поваливъ напавшаго на него другого претендента на руку Маринки, Васиньку Окуловича, просить жену подать ему булатный ножъ, Васинька обращается къ ней съ обычными словами:

— Да душка-Маринка, лебедь бѣлая!
За имъ-то те быть, будѣшь служанкой слыть,
За мной-то те быть, будѣшь царицей слыть.—

1) Въ томъ же сюжетѣ упоминается (напр. у Гильфердинга № 78) вѣнчаніе Марины съ Добрыней вокругъ ракитова куста: такой же характеръ носила любовная связь Марины съ Тушинскимъ воромъ и Заруцкимъ.

2) Очерки русской народной словесности, стр. 135.

3) Печорскія былины г. Ончукова № 80.

И соблазненная его словами Маринка помогает ему связать Ивана Горденова, за что потомъ предается мужемъ казни лютой. Если мы вспомнимъ тщеславіе и честолюбіе исторической Марины Мнишекъ, ея опасныя похождения изъ за желанія удержаться московской царицей, хотя бы въ станѣ Тушинскаго вора, ея переходъ отъ перваго самозванца ко второму, а затѣмъ ея бѣгство съ новымъ любовникомъ Заруцкимъ, то эти факты ея мятежной карьеры, разнесенные и искаженные народной молвой, могли служить достаточнымъ поводомъ какому нибудь сказателю назвать «душкой Маринкой» обольстительную, но коварную женщину (въ данномъ вариантѣ княжескаго происхождения), измѣняющую мужу изъ-за желанія стать царицей.

Такимъ образомъ, историческая Марина была внесена въ печорскій вариантъ этой былины съ такимъ же основаніемъ, съ какимъ, какъ мы уже упомянули, въ тотъ же былинный сюжетъ въ роли соблазнителя попалъ Гришка Разстрига въ одномъ изъ олонецкихъ вариантовъ¹⁾. Такое же случайное внесеніе имени Маринки можно видѣть въ печорскихъ записяхъ былинь о Фатенкѣ (Хотѣнѣ Блудовичѣ), гдѣ Чусова вдова, плеснувшая на пиру у кн. Владимира чарой въ лицо Блудовой вдовы, названа Маринкой²⁾. Въ одномъ изъ вариантовъ она называется «крутою, рьяною, спесивою»³⁾, а въ другомъ подвергается казни, какъ одноименная личность въ былинахъ о Добрынѣ:

Да вытаскивалъ (Фатенко) Маринку да вонъ на улицу,
На одну ле ногу сталъ, да другу оторвалъ,
Да остатки трупѣ да жеребчу за хвостъ⁴⁾.

Конечно, изъ былинь о Добрынѣ, обращенномъ въ тура,

1) Гильфердингъ № 194.

2) Печорскія былины №№ 9 и 46.

3) Тамъ же, стр. 198.

4) Тамъ же, стр. 49.

Маринка была перенесена въ былину о Фатенкѣ, какъ изъ того же сюжета она далѣе попала въ печорскій же вариантъ былины о Потыкѣ¹⁾, гдѣ она называется «душкой-Маринкой, лебедью бѣлой». Болѣе интереса, чѣмъ эти случайныя замѣны другихъ женскихъ именъ именемъ Маринки, представляетъ ея роль въ бѣломорскихъ былинахъ о Глѣбѣ Володьевичѣ²⁾. По поводу этихъ былинь я долженъ сдѣлать оговорку, что въ настоящее время считаю неудачными нѣкоторыя части комментарія, даннаго мною въ 1902 г.³⁾, и нахожу болѣе правдоподобными объясненія А. В. Маркова⁴⁾, находящаго историческую основу былины въ походѣ на Корсунь князя Глѣба Святославича Новгородскаго съ Владимиромъ Всеволодовичемъ Мономахомъ въ 1077 году. Но соглашаясь съ г. Марковымъ въ исторической основѣ былины, я остаюсь при мнѣнii, что какъ въ обоихъ бѣломорскихъ вариантахъ, такъ и Терской казацкой пѣснѣ Марина Кайдаловна (Кайдаловка, Колдаевна, Кайдарова) одно и то же лицо и что ея имя восходитъ къ Маринѣ Мнишекѣ, размалеванной народной фантазіей.

Въ моей статьѣ я предположилъ, что терская пѣсня, называющая приморскую властительницу, берущую дань съ кораблей, «Маринушкой, красной дѣвицей», сохранила чище ея обликъ, чѣмъ бѣломорская былина, называющая ее «еретицей» и приписывающая ей попытку отравить князя Глѣба. Но это предположеніе представляется мнѣ теперь излишнимъ. Я упустилъ изъ виду различіе въ народной средѣ, въ которой ходила былина и пѣсня. Марина историческая въ казацкой средѣ, какъ извѣстно, поддерживавшей всѣхъ «воровъ» и ее самое, какъ жену Тушинскаго вора, а затѣмъ любовницу Заруцкаго, представлялась не

1) Печорскія былины № 57.

2) Бѣломорскія былины №№ 50—80.

3) Въ статьѣ «Къ былинѣ о Глѣбѣ Володьевичѣ» напеч. въ Журналѣ Мин. Нар. Пр.

4) См. его статью: Изъ исторiи русскаго былевого эпоса III, въ Этногр. Обзорѣни 1904 г. кн. LXII.

въ томъ освѣщеніи, какъ въ центральной, а затѣмъ въ сѣверной Россіи. Для своихъ сторонниковъ-казаковъ она не была той «еретицей» и колдуньей, какой слыла въ московскомъ народѣ. Выставляя своихъ «воровъ», казаки всякихъ наименованій — Терскіе, Яицкіе, Волжскіе, Донскіе, Путивльскіе, Рыльскіе—составляли войско Илейки (Лжепетра), какъ видно, напимѣръ, изъ грамотъ митрополита Филарета¹⁾. Донскіе казаки съ атаманомъ Заруцкимъ и запорожцы держали сторону Тушинскаго вора и Марины²⁾. Въ своихъ переговорахъ съ Сапѣгой передъ бѣгствомъ своимъ къ мужу (Тушинскому вору) въ Калугу Марина называетъ донцовъ своими и имѣетъ ихъ при себѣ въ такомъ числѣ, что грозитъ Сапѣгѣ битвой³⁾. Впослѣдствіи, когда, по смерти «вора», она сошлась съ атаманомъ Заруцкимъ, это подало поводъ къ упорному слуху, что онъ желаетъ посадить на царство «проклятаго паньина Маринькина сына»⁴⁾, или, какъ его называли, «ворёнка». Уклоняясь въ старое «воровство», призывая къ власти Маринку съ ея сыномъ, говоритъ проф. Платоновъ, казаки тѣмъ самымъ, обращались въ лютыхъ враговъ земщины, страшныхъ особенно потому, что они въ данную минуту (въ 1611 г.) обладали правительственною организаціею?⁵⁾. Такая тѣсная связь судьбы исторической Марины съ замыслами и дѣйствіями «воровскихъ» казаковъ объясняетъ въ достаточной степени симпатическое отношеніе къ ней въ казацкой пѣснѣ, записанной на Терекѣ отъ потомковъ ея сторонниковъ, а также даетъ основаніе къ предположенію, что и поддерживаемый казаками малолѣтній сынъ ея, «ворёнокъ», о которомъ говорили народу грамоты патриарха Гермогена, прошелъ не безслѣдно въ народной памяти. Интересно, что одна бѣломорская былина съ сюжетомъ боя

1) См. Карамзинъ, XII т. Примѣч. 181, Соловьевъ, VIII. 198.

2) Соловьевъ, VIII², стр. 197.

3) Тамъ же, стр. 314: «Не будетъ того, пишетъ Марина Сапѣгѣ, чтобы ты мною торговалъ, у меня здѣсь свои Донцы: если будешь меня останавливать, то я дамъ тебѣ битву».

4) Платоновъ «Очерки по исторіи смуты, стр. 521.

5) Тамъ же, стр. 523.

Ильи Муромца съ сыномъ называетъ послѣдняго сыномъ Маринки, прижитымъ съ нею Ильей Муромцемъ. Маринка представляется здѣсь какой-то царь-дѣвицей, берущей пошлину съ кораблей князя Владимира, и ея сынъ подскольничекъ намѣревается продолжать ея промыселъ, т. е. полонить русскіе корабли. Илью Муромца, по его словамъ, «заметало» къ ней «погодушкой великою», когда онъ ходилъ по синю морю и при этомъ случаѣ онъ сошелся съ нею¹⁾. Я не думаю, чтобы это необычное въ былинахъ происхожденіе Подскольничка отъ связи Ильи съ Маринкой могло быть недавнимъ измышленіемъ какого-нибудь архангельскаго сказателя и не нахожу правдоподобнымъ предположеніе г. Маркова¹⁾, что въ эту былинѣ имя Маринки, какъ любовницы Ильи, перенесено изъ другой, именно изъ былинны о Глѣбѣ Володьевичѣ (№ 50), гдѣ упоминаніе Ильи Муромца въ связи съ Маринкой еще менѣе уместно. Едва-ли какому-нибудь сказателю могла явиться фантазія произвести Подскольничка отъ Марины, отступивъ отъ былинной традиціи, называющей мать юнаго богатыря либо бабой Латыгоркой (Златыгоркой, Семигоркой, Святогоркой и проч.), либо дѣвкой Сиверьянничкой изъ Сиверской страны, либо эпической Амелъфой Тимофеевной. Въ рассматриваемой былинѣ мы скорѣе имѣемъ случайно сохранившійся старый вариантъ съ наносомъ отъ смутнаго времени, вариантъ, въ которомъ отразилось глухое воспоминаніе о томъ, что у Марины былъ какой то сынъ, и, конечно, столь же злокачественный, какъ его мать. Въ этомъ извергѣ сынѣ, покушающемся коварно убить спящаго отца, не смотря на то, что отецъ призналъ его и обласкалъ, нельзя-ли видѣть народную размалевку «ворѣнка», сына исторической Марины, казацкаго кандидата на престолъ, того *мальчика* (какимъ въ былинахъ о боѣ Ильи съ сыномъ является послѣдній), который былъ повѣшенъ въ Москвѣ и о которомъ въ свое время

1) Марковъ. Бѣломорскія былинны № 4, стр. 57.

2) Этногр. Обзорѣніе кн. LXII, стр. 13.

немало говорили въ народѣ. А. В. Марковъ находитъ, что такую версію, гдѣ Илья Муромецъ заплываетъ на кораблѣ въ область Маринки никакъ нельзя объяснить¹⁾. Но я напомнимъ съ одной стороны морское путешествіе Ильи на Соколѣ кораблѣ (котораго мы коснемся впоследствии), съ другой — нѣкоторыя былины и пѣсни, какъ будто, указывающія на знакомство Ильи Муромца съ Маринкой. Такъ въ былинномъ отрывкѣ, записанномъ въ Москвѣ г. Лапшинымъ, Добрыня ищетъ Маринкина двора, и Илья Муромецъ даетъ ему о немъ подробныя свѣдѣнія²⁾, а въ былинѣ того же сюжета, записанной на Дону г. Харламовымъ, Илья Муромецъ, «старъ старичекъ» даже объясняетъ Добрынѣ, какимъ образомъ онъ знаетъ гдѣ Маринкинъ дворъ. Оказывается, что въ прежнія времена, когда Илья прогуливалъ съ отцомъ Добрыни, у нихъ былъ разговоръ про Маринкинъ дворъ³⁾. Отъ такого предосудительнаго знакомства съ дворомъ прелестницы уже недалеко и до тѣхъ отношеній къ ней, которыя приписываютъ Ильѣ Муромцу бѣломорскія былины. Въ названіи Маринкой той женщины, отъ которой старой казакъ имѣлъ незаконнаго сына, нельзя не видѣть слѣда смутнаго времени, отложившагося на личности народнаго богатыря, и притомъ съ тѣмъ большимъ правомъ, что на него, какъ увидимъ дальше, налегли и другія отложенія той же эпохи. Косвеннымъ подтвержденіемъ тому, что Маринка могла въ одной изъ версій сюжета «Илья и сынъ» стать любовницей стараго казака можетъ, пожалуй, служить такое же «историческое» происхожденіе болѣе обычной въ былинахъ матери Подсокольника бабы Латыгорки, Семигорки и проч., если будетъ найдено правдоподобнымъ слѣдующее объясненіе ея имени. Извѣстно, что нелюбимая народомъ вторая жена Ивана Грознаго Марья Темгрюковна, черкесская княжна изъ Пятигорья, слыла въ русскомъ обществѣ и въ народѣ

1) Тамъ же, стр. 13.

2) Былины старой и новой записи, II, стр. 80.

3) Этнограф. Обозрѣніе кн. LIII, стр. 132.

подъ именемъ просто Пятигорки. Такъ, слѣдуя общей привычкѣ, называетъ ее, напримѣръ, А. Сапѣга въ своей перепискѣ съ Хр. Радивиломъ (Ресіногка)¹⁾. Вѣроятно, подъ влияніемъ этого прозвища, вызывающаго представленіе о ростѣ и соотвѣтствующей силѣ (срв. личность великана Святогора), Марья Темрюковна въ разныхъ вариантахъ исторической пѣсни о Кострюкѣ сама представляется насильницей (иногда царицей крымской), поляницей и богатыршей²⁾, и старая пѣсня о женитьбѣ Грознаго переходитъ какъ бы въ былинну о нашествіи насильника или насильницы на Русь. Любопытна въ этомъ отношеніи легенда, переданная г. Опчукову крестьяниномъ Павломъ Марковымъ послѣ того, какъ онъ спѣлъ старину о Кострюкѣ (№ 91): Марья Темрюковна осердилась на царя Ивана, что позволилъ Потанѣ (борцу) посрамить ея родного брата Кострюка; она вызвала Ивана Васильевича «поедищикомъ на полѣ битця-боротце». При царскомъ дворѣ былъ бояринъ Бѣльской, такъ же, какъ царь, лицомъ и возрастомъ; Марья Темрюковна уѣхала впередъ на поле, а Бѣльскаго срядили въ царское платье и послали драться съ ней. «Бѣльскій выѣхалъ, разѣхались; Бѣльской парицу копьемъ шшипъ, она съ лошади пала, а Бѣльской сѣлъ ей на бѣлы груди, да и распоролъ груди бѣлыя, а парица говоритъ:—не быть то Ивану Васильевичу, быть собагѣ Бѣльскому»³⁾. При всей фантастичности легенды интересно отмѣтить, что она ставитъ ближайшимъ лицомъ къ Ивану Грозному боярина Бѣльскаго, который вмѣсто него вступаетъ въ бой съ паленицей. Конечно, это — извѣстный Богданъ Бѣльскій⁴⁾, бояринъ «изъ двора» или опричникъ, членъ тѣснаго кружка приближенныхъ бояръ и «возлюбленниковъ», пользовавшихся

1) См. Платоновъ. Очерки по исторіи смуты 2 изд., стр. 181.

2) Напр. Гильфердингъ № 24:

Еще смотритъ поляница та же крымская,
Богатырша нунъ сама есте удалая.

3) См. Печорскія былинны, стр. 369, 370.

4) Платоновъ—Очерки, стр. 192.

довѣриемъ Грознаго и исполнителей его приказаній. Въ другой старинѣ г. Ончукова о Кострюкѣ (№ 98) царяца послѣ посрамленія своего брата, «понесла гнѣвъ на царя Грознаго»:

Руку накинеть, дакъ пышить одва,
Ногу накинеть, дакъ дышать одва,
Переложилъ-то платьѣ его дядюшка Микутушка,
Снялъ онъ съ ней роту—дубьемъ отодралъ.

Эти не совсѣмъ ясные стихи мы понимаемъ такъ, что богатырша-жена едва не задушила мужа, и его дядюшка болѣе сильный чѣмъ онъ, обмѣнявшись съ нимъ платьемъ, справился съ ней и, взявъ съ нея клятву или присягу (роту)¹⁾ впредь не противиться мужу, наказавъ ее дубьемъ²⁾. Это напоминаетъ извѣстный эпизодъ Нибелунговъ, гдѣ Зигфридъ въ своей шапкѣ-невидимкѣ укрощаетъ богатыршу Брунгильду, помогая ея слабосильному мужу Гунтеру, котораго она поборола, связала и повѣсила на гвоздь (10-я аventura). Въ старинѣ г. Маркова (№ 106) нахвальщикъ-борецъ Кострюкъ-Мастрюкъ оказывается женщиной (какъ въ нѣкоторыхъ другихъ вариантахъ). Послѣ ея посрамленія Потанюшкой-хроменькимъ, ея сестра, царяца Марья Верблюковна, такая же богатырша, надѣваетъ свою шляпу богатырскую въ 30 пудовъ, какъ бы собираясь на бой, но почему то сама закалывается въ противорѣчье съ обычнымъ окончаніемъ этой пѣсни. О необыкновенной силѣ Пятигорки говорятъ и одна побывальщина изъ Архангельской губ. у Кирѣевского³⁾: женившася на Марьѣ Темрюковнѣ Ивана

1) Глаголь *ротиться* — *присягать*, *клясться* употребителенъ въ Арханг. губерніи о присягѣ самоѣдовъ. См. Подвысоцкаго Словарь областн. Арх. нарѣчія.

2) Срв. подобную же услугу, оказанную Ильей Муромцемъ Потыку, не могшему справиться со своей женой Маретушкой. Бѣломорск. былины № 100, стр. 512. См. также А. Маркова. Бытов. черты русск. былинъ, стр. 72 и примѣч. 1.

3) Кирѣевскій VI, стр. 120.

Грознаго спрашиваетъ его дядька: «зачѣмъ исхудаль?»—Не могу поляницей удалой владѣть: руку-ногу закинетъ на меня жена, не могу духу перевести».

Итакъ въ эволюціи пѣсни о Кострюкѣ личность Марьи Темрюковны или Пятигорки получаетъ очертанія богатырши. Немудрено, что въ такомъ видѣ она проникла и въ старинную былинну и отождествилась съ богатыркой матерью Подсокольника, которая въ одномъ изъ архангельскихъ вариантовъ г. Григорьева ¹⁾ носитъ имя Марьи Бурдуковны или Златыгорки. Здѣсь о происхожденіи Подсокольника поется такъ:

Отъ того-то города отъ Латыря
Жилъ былъ тутъ старикъ казакъ да Илья Муромецъ.
Онъ жилъ то, поживалъ со Марьей со Бурдуковной
И прижилъ онъ ей дѣтишко (ст. 1—4).

Далѣе на вопросъ Ильи Подсокольникъ такъ говоритъ о своемъ родѣ-племени:

— Я отъ того-то отъ города Кіева,
— Отъ той-то отъ бабушки Златыгорки (ст. 61—62).

А затѣмъ Илья, признавъ въ Подсокольникѣ сына, говоритъ ему:

Ты скажи-тко ты бабушкѣ Бурдуковной
Отъ меня ты ниской поклонъ,
Ниже того, до сырой земли.

Кажется, мы имѣемъ основаніе предположить, что отчество «Бурдуковна» искажено изъ «Темрюковна» ²⁾, и видѣтъ въ матери Подсокольника, по крайней мѣрѣ въ этомъ вариантѣ, ту же богатыршу, которой сдѣлалась царица Марья Темрюковна въ

1) Арханг. былинны и историч. пѣсни I, № 49.

2) Срв. подобныя же искаженія: Марья *Небрюковна* (Бѣломорск. был., стр. 184), Марья *В(В)ерблюковна* (Тамъ же, стр. 528 и слѣд.).

эволюціи пѣсни о Кострюкѣ. Другое имя ея въ той же былинѣ «Златыгорка» сближаетъ ее съ обычной былинной матерью Подсокольника и даетъ намъ основаніе поставить вопросъ, въ какомъ отношеніи находится прозвище Марьи Темрюковны «Пятигорка» къ серіи именъ матери Подсокольника, связанныхъ съ «горой» (Латыгорка, Златыгорка, Салыгорка, Семигорка, Святогорка). Самый простой отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ бы тотъ, что прозвище «Пятигорки», усвоенное царичѣй Марьей Темрюковнѣй и повліявшее на представленіе ее богатыршей, ассимилировало ее съ тѣмъ типомъ матери Подсокольника, въ которомъ эта женщина является бабой, одаренной богатырской силой и носящей прозвища, сложенные съ словомъ «гора». На этомъ предположеніи мы пока и остановимся.

Такимъ образомъ народное преданіе, по крайней мѣрѣ сохранившееся въ Архангельской губерніи, наградило любимаго богатыря, «неупадчиваго» на женскую прелесть, двумя временными незаконными женами равно несимпатичными—ненавистной иноземкой Марьей Темрюковной («Пятигоркой») и такой же ненавистной иноземкой Мариной Мнишковой. Обѣ историческія женщины были перенесены въ былины изъ историческихъ пѣсенъ и преданій, но въ такое время, когда реальныя личности, носившія эти имена, уже значительно, почти до неузнаваемости, исказились народной молвой, пройдя черезъ нѣсколько поколѣній сказателей. Иноземное происхожденіе обѣихъ близкихъ къ Ильѣ женщинъ отражается въ томъ, что, по былинамъ, онѣ вступаютъ въ эту связь гдѣ-то далеко, то въ землѣ Задонской, то гдѣ-то за моремъ, а народная антипатія къ обѣимъ сказывается въ томъ, что сынъ отъ этой связи вышелъ хотя и богатыремъ, въ отца, но коварнымъ—въ мать. Нельзя не отмѣтить и той детали, что въ нѣкоторыхъ вариантахъ, временная жена стараго казака представляется женщиной высокаго, чуть не царскаго происхожденія: она королевична Задонская¹⁾, или какая то приморская

1) Былина Кирши Данилова.

властительница¹⁾; ея сынъ отъ Ильи иногда называется Борисомъ-королевичемъ²⁾, иногда Петромъ царевичемъ³⁾. Не объясняется ли эта, слишкомъ аристократическая для Ильи, связь тѣмъ, что обѣ историческія личности, носившія имена Марины и Марьи Темрюковны («Пятигорки»), были царскими женами?

Въ былинахъ встрѣчается еще одно указаніе на мать Подсокольника, повидимому, безъ означенія ея имени, а скорѣе ея происхожденія по мѣсту родины. Такъ, въ былинѣ Гильфердинга № 226, на вопросъ Ильи Муромца Подсокольникъ отвѣчаетъ слѣдующими словами:

- Я изъ *западныхъ* странъ, изъ Золотой орды,
- Я Петре царевичъ золотвичанинъ.
- Я спорожонъ отъ дѣвки сиверьянчины,
- А не знаю родителя-то батюшка.

Объясненіемъ эпитета Сиверьянчины можетъ служить другой вариантъ того же сборника (№ 233), гдѣ выясняется, что Сиверьянчина (или, какъ здѣсь, Сиверьянична) названа такъ по происхожденію изъ *сиверской* стороны. Подсокольникъ говоритъ о себѣ:

- Я есть сиверной страны да золотой орды,
- Да есть дѣвицы сиверьяничны.

Оставляя безъ вниманія указаніе на золотую орду, такъ какъ врагъ-нахвалящикъ въ былинахъ обыкновенно называется татарин⁴⁾, отмѣтимъ, какъ болѣе характерное, указаніе былины, что сынъ Ильи происходитъ изъ сиверной страны. Я склоненъ въ этой сиверной (по другому варианту *западной*)

1) Марина Кайдаловка, Бѣломорск. былины № 4.

2) Бѣломорск. былины, стр. 489.

3) Гильфердингъ, № 226 и 265.

4) Татарин^{омъ} иногда называется и подсокольникъ, см. Кирѣевскій, I, 3, I, 4.

странѣ видѣтъ искаженіе сиверской (сѣверской) т. е. указаніе на ту «преже погибшую» сѣверскую украину, которая въ смутную эпоху является гнѣздомъ государственной смуты и изъ которой, какъ извѣстно, исходило антигосударственное броженіе въ видѣ самозванцевъ, казаковъ, разбойниковъ и шаекъ вообще всякой вольницы, разливавшихся по всей Руси. Память о ней сохранилась, напр., въ былинѣ о *королеви* Политовской, къ которой молодецъ зашелъ бродя по «свирской (т. е. сиверской) украинѣ»¹⁾. Къ этой сиверской, ближайшей къ Польшѣ, странѣ приурочивается и нахвальщикъ, коварный сынъ Ильи Муромца, почему въ одной былинѣ²⁾ мать нахвальщика называется «полькой», а въ другой рассказывается, что Илья прижилъ дочь въ хороброй Литвѣ, когда выхаживалъ дани-выходы отъ князя Владимира³⁾. Быть можетъ, поэтому не случайно сынъ дѣвки сиверьяничны, дѣвки изъ завѣдомо крамольнаго края Руси, носить въ одномъ вариантѣ⁴⁾ имя крамольника смутнаго времени Петра царевича или казацкаго царька Петрушки (Илейки), самозванца, причинившаго много хлопотъ правительству при царѣ Василю Шуйскомъ. Если это предположеніе правдоподобно, то и въ этомъ имени незаконнаго сына Ильи мы имѣли бы наносъ отъ смутнаго времени, отложившійся на нашемъ главномъ богатырѣ. Память о Севрюкахъ, замѣтимъ кстати, сохранилась отъ смутнаго времени у донскихъ казаковъ въ пѣснѣ о Кострюкѣ, который называется Севрюкомъ. Когда «удалы молодцы донцы» побороли Севрука, «Пошла слава по всему сѣверу (т. е. сѣверной украинѣ), очутилась и въ Кіевѣ»⁵⁾.

Переходя къ указанію другихъ слѣдовъ Смутнаго времени

1) Рыбниковъ, I, стр. 452. Замѣтимъ, что и въ современныхъ смутѣ письменныхъ памятникахъ Украина называется то сиверской (Четыре сказанія стр. 57), то сѣверной (тамъ же, стр. 25).

2) Кирѣевскій, VII, Приложение стр. 1—7.

3) Рыбниковъ, I, стр. 78.

4) Гильфердингъ, № 226.

5) См. пѣсни о Севрукѣ въ Сборникѣ Пивоварова, стр. 225—226 и Этнограф. Обзорѣніе кн. LIII, стр. 139.

въ былинахъ, мы должны для ихъ уясненія припомнить нѣкоторые историческіе факты. Смутное время было эпохой широкаго распространенія того, что памятники называли «воровствомъ», и противообщественныхъ, антигосударственныхъ дѣйствій такъ называемыхъ «воровъ». Терминъ «воръ» не въ современномъ его значеніи, а въ смыслѣ не только противообщественнаго, но и государственнаго преступника, типиченъ для того времени¹⁾. Такъ «воровскими» назывались казаки враждебные правительству, Тушинскій самозванецъ назывался просто «воромъ», сынъ Марины «ворёнкомъ». Изрѣдка отголоски такого значенія имени «воръ» слышатся еще въ современныхъ редакціяхъ былинь. Такъ, намъ кажется страннымъ и наивнымъ, когда, напримѣръ, Илья Муромецъ говоритъ про князя Владимира:

— Мнѣ-ка не жаль *вора*, князя Владимѣра²⁾,

или когда татаринъ царь Калинъ называется въ былинахъ «воромъ»³⁾, или когда Соловей разбойникъ поноситъ этимъ словомъ князя Владимира⁴⁾. Но если мы осмыслимъ этотъ эпитетъ въ духѣ Смутаго времени, то былинное примѣненіе его, конечно, въ видѣ поношенія, къ царственнымъ лицамъ намъ не покажется страннымъ, такъ какъ въ XVII в. онъ постоянно примѣнялся къ разнымъ проходимцамъ, выдававшимъ себя за лицъ царской крови. Не ушелъ отъ этой клички и самъ Илья Муромецъ, котораго въ одной бѣломорской былинѣ называетъ «воромъ» баба Латынгорка⁵⁾; специальный титулъ вора, конечно, усвоенъ и Соловьё-разбойнику⁶⁾, «воромъ» называется казацкій атаманъ Данила Борисовичъ (иначе Денисовичъ)⁷⁾ причёмъ

1) См. Соловьёвъ, —Ист. Россіи VIII, изд. 2, стр. 365.

2) Бѣломорскія былины № 91, стр. 483.

3) Гильфердингъ, № 67.

4) Кирѣевскій, I, стр. 83.

5) Бѣломор. былины № 94.

6) Рыбниковъ, II, № 3, I, № 9.

7) Печорскія былины, №№ 51 и 76.

нельзя не вспомнить «воровскихъ» казаковъ; «воромъ» — Малуа¹⁾, Василій Буслаевъ²⁾, «ворами» Гагарины³⁾ и нѣкоторые другіе. Повидимому, въ этихъ былинныхъ «ворахъ» мы имѣемъ отголоски эпохи «воровской» по преимуществу.

Далѣе, въ Смутное время исконные враги Россіи поляки, называемые въ былинахъ, по непосредственному сосѣдству литовскихъ частей Польши, чаще Литвой поганой⁴⁾, причинили русской землѣ неисчислимыя бѣдствія. Вспомнимъ распространеніе польскихъ отрядовъ подъ начальствомъ Жолкѣвскаго, Хоткевича, Сапѣги и проч., осаду Троицкаго монастыря, сожженіе Москвы, осаду Смоленска, походъ Сигизмунда и Владислава и другія громкія событія того времени, связанныя съ именемъ поляковъ (пановъ). Конечно, въ былинахъ могли отразиться и отношенія Руси къ Польшѣ предшествующихъ временъ, какъ въ нихъ же отложилась многовѣковая борьба съ Татарами. «Золотая орда» и «Поганая Литва» стали эпическими враждебными Руси странами и притомъ настолько неопредѣленными, что онѣ наивно смѣшиваются сказателями⁵⁾. Но, быть можетъ, нѣкоторыя былинныя данныя пріурочиваются специально къ періоду военныхъ дѣйствій поляковъ противъ Московскаго царства въ Смутное время.

Въ эту эпоху въ 1611—12 годахъ много говорили въ народѣ о польскомъ королевичѣ (Владиславѣ); онъ имѣлъ немало сторонниковъ среди бояръ, какъ кандидатъ на Московскій престолъ, ему приносили присягу. Затѣмъ, когда эта затѣя московской боярской партіи разстроилась, когда въ народѣ сложилось

1) Тамъ же, стр. 207.

2) Тамъ же, стр. 396.

3) Тамъ же, стр. 400; ср. Гильфердингъ, № 129; Рыбниковъ, I, стр. 398.

4) Въ современныхъ извѣстіяхъ изъ Смутаго времени часто говорится про «литовскихъ людей».

5) Напрямѣръ въ обычномъ эпическомъ вопросѣ: «Ты изъ коей орды изъ коей Литвы?»

сознаніе объ опасности польскихъ притязаній для государства, когда обнаружились вполнѣ замыслы Сигизмунда, и королевичъ уже какъ врагъ въ началѣ царствованія Михаила явился съ войскомъ въ предѣлахъ Россіи (въ 1618 г.), опираясь на помощь казацкаго гетмана Сагайдачнаго и послѣ неудачнаго приступа къ Москвѣ отступилъ къ Троицѣ, то въ народныхъ сказаніяхъ «королевичъ» долженъ былъ получить обликъ обычнаго насильника-нахвалящика, наѣзжающаго на Русь. Нельзя ли поэтому видѣть слѣдъ нашествія Владислава въ названіи «королевичъ», прилагаемомъ былинами къ типамъ молодыхъ иноземныхъ насильниковъ этого рода? Былины звають нахвалящика Збута-Бориса королевича, сына Ильи Муромца¹⁾, Васю, королевича млада, бывавшаго на Руси, знающаго по русски и потому, отправляемаго царемъ Кудреванкомъ къ князю Владимиру съ обычными угрозами²⁾; Ваську королевича, отправляемаго съ такою же цѣлью въ Кіевъ Идолищемъ³⁾, Василия Прекраснаго, любимаго зятя Мамаю, котораго Алеша Поповичъ отбилъ отъ Кіева⁴⁾. Наконецъ въ силу эпической амплификаціи былины упоминають 40 королевичей вмѣстѣ съ 40 *атаманами* (казацкими) въ войскѣ Идолища, приступившаго къ Кіеву⁵⁾. Если въ названіи «королевичъ» можно видѣть какойнибудь историческій (а не литературный) слѣдъ, то едва-ли въ нашихъ отношеніяхъ къ Польшѣ было какоенибудь другое событіе, которое могло бы внести въ нашъ эпосъ «королевича», т. е. сына польскаго короля, такъ какъ походъ Владислава представляетъ единственный случай вторженія королевича въ русскую землю. Все это, конечно, остается подѣ сомнѣніемъ, такъ какъ нельзя отрицать возможности занесенія *королевича* въ былины и изъ сказокъ за-

1) Кирша Даниловъ.

2) См. мою статью «Къ былинѣ о Камскомъ побойщѣ» Отд. оттискъ стр. 5.

3) Бѣломорскія былины № 94.

4) Былины стар. и нов. записи, II, стр. 104.

5) Бѣломор. былины № 81.

паднаго происхожденія. Рискуюмъ также поставить вопросъ: не отъ этой ли эпохи попалъ въ былинный инвентарь городовъ Кряковъ (Краковъ), откуда, напр., выѣзжаетъ Лука королевичъ (въ былинѣ «Королевичи изъ Крякова») и куда вмѣстѣ съ Соловьемъ ѣдетъ Илья Муромецъ, чтобы освободить его отъ враговъ¹⁾? Вѣдь этотъ польскій городъ былъ столицей польскихъ королей съ XIV в. вплоть до 1610 г., когда резиденція ихъ была перенесена въ Варшаву. Отношенія къ полякамъ (панамъ), особенно обострившіяся въ смутное время, быть можетъ, проскальзываютъ и въ нѣкоторыхъ упоминаніяхъ о *паназъ*: былина знаетъ какого то «пана поганаго»²⁾, называетъ «паномъ» турецкаго султана, смѣшивая въ своей антипатіи яховъ съ турками³⁾; какіе то «панове-уланове» пируютъ вмѣстѣ съ «злыми татарами» у царя Василія Окуловича, похитителя жены Соломана⁴⁾; «пановья-улановья вмѣстѣ съ погаными татарами осаждаютъ Черниговъ⁵⁾ или Смолягипъ (т. е. Смоленскъ)⁶⁾, причемъ нельзя не вспомнить осаду Смоленска Сигизмундомъ. Вообще названіе *панове*, *пановья* всегда представляетъ нѣчто антипатичное, враждебное и однородное съ татарове, уланове. Но повторяю, у насъ нѣтъ полной увѣренности, чтобы эти былинныя данныя приурочивались прямо къ Смутному времени.

Переходимъ къ другому вопросу: какія отложенія въ былинахъ сохранились отъ казацкой смуты, игравшей такую выдающуюся роль въ ходѣ событій этого періода?

Извѣстно, что широкое распространеніе казачества начинается въ XVI в., огромная извѣстность казаковъ идетъ только съ конца этого столѣтія и съ начала XVII-го (запорожскія возстанія, походъ Ермака, казачество въ Смутное время⁷⁾). «Смутное

1) См. наши Очерки, стр. 400.

2) Гильфердингъ, № 87.

3) Былины стар. и новой записи, II, № 16, стр. 64.

4) Тамъ-же, № 67, стр. 247.

5) Гильфердингъ, № 210.

6) Рыбниковъ, II, № 63. Ср. также, I, стр. 422, 429.

7) Иловайскій, Историч. сочиненія, II, стр. 111.

время, говоритъ Д. И. Иловайскій, было именно тою эпохою, когда казачество явилось едва-ли не главною дѣйствующею силою въ событіяхъ: всѣ самозванцы, начиная съ перваго, опирались болѣе всего на казачество; свои кровавыя дѣянія оно распространило по всему лицу русской земли, а потому естественно поразило народное воображеніе и оставило глубокіе слѣды въ народныхъ преданіяхъ и пѣсняхъ¹⁾. По мнѣнію Соловьева²⁾, Смутное время мы имѣемъ право разсматривать какъ борьбу между общественнымъ и протівуобщественнымъ элементомъ, борьбу земскихъ людей, собственниковъ, которымъ было выгодно поддерживать спокойствіе, нарядъ государственный для своихъ мирныхъ занятій, — съ такъ называемыми казаками, людьми безземельными, бродячими, людьми, которые разрознили свои интересы съ интересами общества, которые хотѣли жить на счетъ общества, жить чужими трудами.

Предоставляя историкамъ выясненіе причины этого нашествія казацкой вольницы на центральныя и даже сѣверныя области Россіи, мы можемъ пользоваться историческими фактами только для нашей спеціальной задачи. О широкомъ распространеніи казаковъ отъ крайны, отъ «дикаго поля» въ самое сердце государства, объ ихъ грабежахъ и неистовствахъ подъ знаменами и самозванцевъ, и поляковъ, и отдѣльными шайками со своими атаманами говорятъ многочисленныя современныя свидѣтельства. По показанію Маскѣвича³⁾, во всѣхъ семи лагеряхъ польскаго войска были запорожскіе казаки и сверхъ того, «дѣйствуя особо въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ кому вздумалось, (они) разсыпались по всей московской землѣ, какъ муравьи. Было ихъ вдвое болѣе войска польскаго». Ожесточеніе казаковъ противъ землевладѣльческаго класса, противъ собственниковъ и ихъ неистов-

1) Иловайскій, —Ист. соч., II, стр. 127.

2) Исторія Россіи, изд. 3-е, т. VIII, стр. 67.

3) См. Дневникъ Маскѣвича, Сказанія современниковъ о Дмитріи самозванцѣ, ч. II, стр. 31.

ства и жестокость изумляла даже поляков¹⁾. Изображая ихъ насилія, Палицынъ указываетъ производимыя ими разграбленія зерна, истребленіе находимыхъ запасовъ продовольствія, сожженіе жилищъ въ какомъ то слѣпомъ озлобленіи: казаки измѣнники, говоритъ онъ, «идѣ же что останется каковыхъ жить, то въ воду и грязь сыплюще, и коньми топчуще, а идѣ же не пожгутъ домовъ, или немощно взять домовыхъ потребъ, то все мѣлко колюще и въ воду мещуще: входы же и затворы всякія разсѣкающе, дабы никомуже жительствовати ту»²⁾. Неудачи перваго земскаго ополченія для освобожденія Москвы отъ поляковъ, когда земцы дѣйствовали вмѣстѣ съ подозрительными союзниками казаками, убійство Ляпунова казаками Заруцкаго, попытка казаковъ умертвить кн. Пожарскаго, поруганіе ими святынь, грабежи, разбои, дикій разгулъ — все это вселило въ земцевъ окончательную увѣренность, что имъ слѣдуетъ видѣть въ казакахъ такихъ же враговъ, какъ въ полякахъ, и дѣйствовать независимо отъ нихъ. Уже въ началѣ 1612 года въ грамотахъ московскихъ бояръ, посланныхъ въ Кострому и Ярославль къ жителямъ съ увѣщаніемъ отложиться отъ Заруцкаго и быть вѣрными царю (Владиславу), казаки описываются, какъ злѣйшіе враги государства, церкви и народа: «казаки князя Дм. Трубецкого и Ивана Заруцкаго стоятъ подъ Москвою на христіанское кровопролитіе и всѣмъ городамъ на конечное разореніе: ѣздить отъ нихъ изъ табора по городамъ безпрестанно казаки, грабятъ, разбиваютъ и невинную кровь христіанскую проливаютъ, насилуютъ православныхъ христіанъ, боярынь и простыхъ женъ берутъ на блудъ, дѣвицъ растлѣваютъ насиль-

1) «И видяще поляки и Литва таковы пытки и злое мучительство отъ своихъ своимъ и единовѣрнымъ, и уступающе дивляхуся окаянной вражій жестокости, и сердца своими содрогахуся, и звѣрски взирающе отбѣгаху; разумніи же отъ нихъ теплыми слезами ланитѣ свои омывающе, и другъ другу глаголюще: внимаемъ, братіе, о семъ, что сіи русаки другъ другу содѣвають? Намъ же что будетъ отъ нихъ». Сказанія Палицына, изд. 1822 г., стр. 38.

2) Тамъ же, стр. 49.

ствомъ мучительнымъ, церкви разоряютъ, иконы святыя обдираютъ и многія скаредныя дѣла на иконахъ дѣлаютъ, чего умъ нашъ страшитса написать». И далѣе: «Когда Ивашка Заруцкій съ товарищами Дѣвичій монастырь взяли, то они церковь Божию разорили, и черницъ—королеву, дочь князя Владимира Андреевича и Ольгу, дочь царя Бориса, на которыхъ прежде взглянуть не смѣли, ограбили до нага, а другихъ бѣдныхъ черницъ и дѣвицъ грабили и на блудъ брали: и какъ пошли изъ монастыря, то церковь и монастырь выжгли: это-ли христіанство? Хуже они жидовъ: сами своихъ казнятъ и ругаютъ: васъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, гостей и лучшихъ торговыхъ людей эти воры казаки, наши и ваши холопы, грабятъ, побиваютъ и позорятъ, и впредь всѣми вами и вашими домами владѣть хотятъ» и проч.¹⁾. Эти картины казацкихъ неистовствъ на Руси въ эпоху Смутаго времени и тяжелыя воспоминанія о роли казаковъ, какъ сторонниковъ всѣхъ самозванцевъ — Лжедмитрія, Тушинскаго вора, Илейки, Оедьки²⁾, Сидорки, Псковскаго вора, Марины и ворѣнка и проч.—не могли не отложиться на долго въ народной памяти, и мы вправѣ ожидать хотя бы нѣкоторыхъ отголосковъ «казачества» въ народномъ эпосѣ³⁾.

Дѣйствительно, былины сохранили въ своемъ эпическомъ словарѣ обычный для XVI и XVII вв. терминъ «козаковать» въ полѣ, выражающій привычный строй жизни этой бродячей вольницы.

Такъ, въ былинахъ говорится, что Добрыня «съ казаками казакуеть»⁴⁾. Илья Муромецъ, встрѣтивъ въ полѣ «походную красную дѣвицу», спрашиваетъ ее: «что ты одна въ чистомъ полѣ

1) Соловьевъ—Тамъ же, стр. 462.

2) Лѣтопись о многихъ мятежахъ, 1788, стр. 125.

3) Въ извѣстной пѣснѣ Смутаго времени о воровской свадьбѣ или о попѣ Емелѣ упоминаются въ первыхъ саняхъ поѣзда «атаманы» воры, во вторыхъ «есаулы» и всѣ они ѣдутъ «съ Дону». См. Кирѣевскій, VII, стр. 19—21, и Прилож., стр. 119, 120.

4) Былины стар. и нов. записи, II, 22: 14.

козакуешь)?¹⁾ «Неуловимые въ необъятныхъ пространствахъ «дикаго поля», говоритъ историкъ Смутнаго времени г. Платоновъ, благодаря своей большой подвижности, казачьи отряды, «станицы», по тогдашнимъ выраженіямъ, «казаковали» или «гуляли», гдѣ и какъ хотѣли. Они искали себѣ пропитанія охотою, рыболовствомъ и бортничествомъ въ своихъ хозяйственныхъ заимкахъ «юртахъ», или на временныхъ остановкахъ «станахъ». Они держались на рѣчныхъ путяхъ и полевыхъ сакмахъ съ цѣлью простаго разбоя и грабили не только торговые караваны, но и государевыхъ пословъ или пословъ иностранныхъ, ѣхавшихъ въ Москву. Они проникали на югъ и востокъ къ границамъ ногайскихъ, татарскихъ и турецкихъ поселеній и грабили «басурмановъ», уводя отъ нихъ полоняниковъ, за которыхъ брали выкупъ. Они, наконецъ, предлагали свою службу правительству и частнымъ лицамъ, составляя изъ себя особые отряды съ своими атаманами и есаулами, которыхъ они избирали сами изъ своей среды, или къ которымъ поступали подъ начальство по «прибору», т. е. по вербовкѣ²⁾).

Эти слова историка могутъ служить не только комментариемъ къ историческимъ казачьимъ пѣснямъ XVI и XVII в., но намѣчаютъ какъ бы ихъ сюжеты: вспомнимъ пѣсни о Ермакѣ, о Стенькѣ Разинѣ, объ убійствѣ посла Карамышева и проч. Всего чаще въ былинахъ встрѣчаются казаки Донскіе, раньше другихъ сложившіеся въ прочную организацію, имѣвшіе, казачьи городки» на Дону уже къ половинѣ XVI-го столѣтія³⁾ и съ низовьевъ Дона дѣйствовавшіе противъ «басурманъ», особенно противъ Азова. Интересно, что въ былинахъ они играютъ двойственную роль: съ одной стороны *донскимъ* казакомъ иногда называется народный любимецъ Илья Муромецъ⁴⁾, съ другой—

1) Кирѣевскій, I, стр. 4 и слѣд. Обѣ приведенныя былины записаны у казаковъ. Обычнѣе другой терминъ *поляковать*.

2) Очерки Смутнаго времени изд. 1-е, стр. 114—115 (= 2-е изд. стр. 77).

3) Тамъ же, стр. 115.

4) Рыбниковъ, II №№ 28, 64; Гильфердингъ, № 289; Григорьевъ, I, № 8.

донскіе казаки являются на сторонѣ его враговъ или въ союзѣ съ татарами. Такъ, въ одномъ вариантѣ былины объ Ильѣ на Соколѣ-кораблѣ турецкій салтанъ велитъ донскимъ казакамъ напасть на Илью Муромца:

«Ай вы, гой еси, ребята добры молодцы,
Добры молодцы, донскіе казаки! . . .
Вы бѣжите-ко, ребята, ко синю морю,
Вы садитесь, ребята, въ легки струги,
Нагребайте поскорѣе на Соколѣ-корабль,
Илью Муромца въ полонъ бери,
Добрынюшку подъ мечъ клони»¹⁾.

Въ пѣснѣ о Данилкѣ Денисьевичѣ этотъ предводитель донскихъ казаковъ называется «воромъ»; съ своей шайкой онъ «выгребаетъ» на устьѣ Дона и обираетъ товары заморскіе съ купецкихъ кораблей²⁾. Въ пѣснѣ о Кострюкѣ донскіе казаки вмѣстѣ съ улановьями и татаровьями иногда составляютъ свиту прѣхавшей въ Москву Марьи Темрюковны³⁾.

Въ былинахъ упоминаются сорокъ атамановъ, подступающихъ въ войскѣ Идолица, вмѣстѣ съ сорока королевичами, къ Кіеву⁴⁾, причемъ казаки дѣйствуютъ вмѣстѣ съ поляками (королевичами?) и татарами враждебно противъ князя Владимира. Можетъ быть, это двойственное отношеніе къ казакамъ объясняется средою, въ которой ходили тѣ или другія былины и пѣсни. Несомнѣнно, какъ увидимъ дальше, сами казаки вносили старинныя былины въ свой оборотъ и наложили свой отпечатокъ на нѣкоторыя изъ нихъ. Такъ, на обычномъ пирѣ у кн. Владимира вѣроятно они посадили, наряду съ обычными эпическими сотрапезниками, — могучими богатырями, князьями,

1) Былины стар. и нов. записи, II, № 16, стр. 64.

2) Ончуковъ—Печорскія былины, № 76.

3) Напр., Марковъ, № 86; Рыбниковъ, II, стр. 221.

4) Бѣломорскія былины, № 84.

боярами, паляницами удалыми, — также *зодонскихъ* казаковъ¹⁾, какъ сѣверно-русскіе сказатели, привели на тотъ же пирь свою братію крестьянъ — мужиковъ деревенскихъ. Но изъ всѣхъ слѣдовъ «казачества» для насъ всего важнѣе тѣ, которыми былины отиѣчаютъ своего главнаго богатыря «старога казака» Илью Муромца. Здѣсь является вопросъ, къ какому времени относится этотъ постоянный эпитетъ Ильи, съ какой поры онъ сталъ казакомъ, иногда атаманомъ, иногда донскимъ казакомъ. Въ «Экскурсахъ», разсматривая этотъ вопросъ²⁾, я былъ склоненъ, вслѣдъ за нѣкоторыми историками, отодвинуть начало казачества въ дотатарскую эпоху и возводить этотъ эпитетъ Илья Муромца къ болѣе отдаленному времени, чѣмъ XVI—XVII вѣкъ. Въ своей статьѣ, написанной по поводу моего изслѣдованія Д. И. Иловайскій видитъ въ «казачествѣ» Ильи чѣмъ слѣдъ Смутной эпохи и даже указываетъ историческаго казака Илью Муромца (самозванца Илейку), какъ историческую личность, отъ которой былинный Илья Муромецъ воспринялъ свой эпитетъ «казака»³⁾. «По моему крайнему разумѣнію, говоритъ Д. И. Иловайскій, его имя и званіе несомнѣнно смѣшались, слились въ народномъ представленіи съ главнымъ богатыремъ русскаго народнаго эпоса. Совпаденіе имени Ильи и прозванія Муромецъ было, повидимому, совершенно случайное; но оно повело къ тому, что богатырь въ народныхъ пѣсняхъ съ того времени получилъ эпитетъ «казака», перешедшій къ нему прямо отъ казачкаго самозванца»⁴⁾. Въ виду этого различія во взглядахъ считаю необходимымъ вновь пересмотрѣть этотъ вопросъ, причемъ разчлѣняю его на два вопроса: во 1-хъ, съ какого времени Илья Муромецъ сталъ «старымъ казакомъ», и во 2-хъ, не отло-

1) Тамъ же, № 93.

2) Въ VII экскурсѣ стр. 226—229.

3) См. статью: Богатырь казакъ Илья Муромецъ, какъ историческое лицо. Напеч. въ Русскомъ Архивѣ 1893, № 5 и перепечатана съ дополненіями въ «Историческіе сочиненія», т. II.

4) Названное сочиненіе, стр. 115.

жился ли на его былинномъ типѣ именно историческій Илейко, самозванецъ Лже-Петръ?

Что касается перваго вопроса, то въ виду наиболѣе интенсивнаго разлива казачества по Руси въ Смутную эпоху, въ виду типичныхъ казацкихъ чертъ, которыя наблюдаются въ нѣкоторыхъ проявленіяхъ характера Ильи, я склоняюсь въ настоящее время къ мысли, что любимый русскій богатырь сталъ казакомъ въ тотъ періодъ, когда его личностью овладѣли казаки, сдѣлали его своимъ собратомъ и защитникомъ голи кабацкой, т. е. въ періодъ казацкаго броженія въ Смутное время. Для хронологіи эпитета «казакъ» въ приложеніи къ Ильѣ слѣдуетъ припомнить нѣкоторыя старинныя свидѣтельства о богатырѣ. Извѣстныя иностранныя свидѣтельства—германская поэма Ортнитъ и норвежская Тидрекъ-сага, въ которыхъ я, вмѣстѣ съ другими изслѣдователями, вижу отголоски русскихъ сказаній объ Ильѣ (въ *Iliaz von Riuzen* и *Iliaz af Ggesa*)—указываютъ на знатное происхожденіе русскаго Ильи и, конечно, не знаютъ его ни какъ крестьянскаго сына, ни какъ стараго казака. Переходя за отсутствіемъ другихъ свидѣтельствъ объ Ильѣ изъ XIII-го вѣка прямо во вторую половину XVI-го, мы находимъ Илью съ эпитетомъ Муровленина вмѣстѣ съ Соловьемъ Будимировичемъ въ письмѣ оршанскаго старосты Кмита Чернобыльскаго къ Остафію Воловичу, кастеляну Троцкому отъ августа 1574 года¹⁾. Кмита Чернобыльскій, какъ я старался доказать въ моей статьѣ «Илья Муромецъ и Себежъ», не могъ бы уподобить себя ни крестьянскому сыну, ни казаку Ильѣ. Онъ не зналъ ни того, ни другого. Далѣе, нѣмецкій путешественникъ Ляссота, посѣтившій Кіевъ въ 1594 году, описывая его святыни, упоминаетъ между прочимъ о «капеллѣ», въ которой погребенъ Илья Моровлинъ, «знаменитый герой или *богатырь*, какъ его называютъ, о которомъ рассказываютъ много басенъ»²⁾. О томъ, что Илья бо-

1) См. мои «Очерки», стр. 397 и слѣд.

2) См. Ореста Миллера—Илья Муромецъ и богатырство Кіевское, стр. 799.

гатырь былъ казакомъ Ляссота не упоминаетъ и, можно думать, не знаетъ. Не знаетъ Илью, какъ казака, и монахъ Кальнофойскій, упоминающій, въ половинѣ XVII-го столѣтія, объ Ильѣ, почивающемъ въ Кіевскихъ пещерахъ¹⁾. Но и въ самихъ былинахъ далеко не во всѣхъ Илья носитъ этотъ эпитетъ. Для насъ важно, что именно въ древнѣйшихъ записяхъ былинь Илья не называется ни казакомъ, ни крестьяниномъ. Въ такъ называемомъ «Богатырскомъ Словѣ», открытомъ Е. В. Барсовымъ въ спискѣ начала XVII-го вѣка (по его мнѣнію), Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ, стоящій во главѣ семи русскихъ богатырей, ѣдущихъ въ Царьградъ, нигдѣ не названъ казакомъ, такъ-же какъ въ болѣе позднемъ (XVIII-го в.) спискѣ того же сказанія въ сборникѣ Буслаева²⁾. Вообще *ни въ одной* изъ былинь старинной записи (по рукописямъ XVIII в.), изданныхъ мною въ 1894 г. вмѣстѣ съ покойнымъ академикомъ Н. С. Тихонравовымъ, Илья не носитъ этого эпитета, а называется либо «свято-русскимъ богатыремъ»³⁾, либо «свѣтъ государемъ»⁴⁾. «Осударемъ» или «государемъ» называется онъ и во множествѣ былинь (особенно изъ Архангельской губерніи), записанныхъ въ XIX и въ текущимъ столѣтіи⁵⁾. Рукописное сказаніе вѣроятно еще XVII-го вѣка объ Ильѣ Муромцѣ⁶⁾, перешедшее въ XVIII в. на лубокъ и выдержавшее много изданій, а также народныя *сказки* объ Ильѣ, пошедшія отъ лубочной, говорятъ о богатырѣ крестьянскомъ сынѣ и не знаютъ его за казака.

Такимъ образомъ, если древнѣйшія свидѣтельства объ Ильѣ XVI-го вѣка, записи сказаній о немъ XVII и XVIII вѣка и

1) Тамъ же, стр. 799.

2) См. Богатырское Слово въ Сборн. Отд. русс. яз. и слов. И. Акад. Наукъ, т. XXVIII, № 3; Былины старой и новой записи, I, стр. 46—53.

3) Былины стар. и новой записи, I, 14: 9.

4) Тамъ же, I, 10: 13; 11: 13; 12: 15; 17: 21.

5) См. Тамъ же: II, 49: 3; 5: 19; 15: 26. Бѣломорскія былины №№ 2, 50, 69, 74, 81, 94, 98, 104, 107, 112.

6) Напечатано въ Былинахъ стар. и новой записи по рукописи И. Забѣлина, I, стр. 11—24.

многія былины современной записи не знают Илью Муромца, какъ казака, мы въ правѣ сдѣлать заключеніе, что едва ли этотъ эпитетъ прикрѣпился къ нему ранѣ XVII-го вѣка и что даже приданный ему, конечно, въ казацкой средѣ, онъ распространился не повсемѣстно, хотя бы точный подсчетъ и обнаружилъ, что Илья называется казакомъ въ большемъ числѣ всѣхъ нынѣ извѣстныхъ былинь, чѣмъ не казакомъ. Еслибы онъ искони былъ казакомъ, намъ трудно было бы объяснить, почему, въ силу какихъ историческихъ условій онъ пересталъ быть таковымъ и сталъ крестьянскимъ сыномъ изъ центральной Руси. Наоборотъ мы имѣемъ въ Смутномъ времени на лицо тѣ условія, при которыхъ популярный народный богатырь могъ стать казакомъ. Какъ въ этомъ періодѣ особенно рѣзко проявляется столкновение земщины и казачества, такъ въ крестьянской центральной и сѣверной средѣ Илья является крестьянскимъ сыномъ изъ Муромъ, села Карачарова, а въ казацкой вольницѣ старымъ вольнымъ казакомъ, иногда Донскимъ атаманомъ. Антагонизмъ земцевъ и казаковъ давно изгладился изъ народной памяти, эпитетъ *старого* казака, какимъ неосмысленно называется въ нѣкоторыхъ былинахъ богатырь, только что испѣленный каликами и выѣзжающій впервые изъ воротъ родительскаго дома, мирно уживается съ подвигами Ильи на защиту Кіева и князя Владимира отъ татаръ, Литвы поганой, съ его служеніемъ князю (т. е. правительству), церкви и народу. Но это соприкосновение Ильи съ казацкой и босяцкой средой въ Смутное время оставило, какъ сейчасъ увидимъ, яркіе слѣды въ нѣкоторыхъ былинахъ и внесло въ типъ Ильи такія рѣзкія черты разнузданности, пьянаго разгула, ожесточенности противъ князя и безшабашности, въ которыхъ, на нашъ взглядъ, сильно чувствуется вѣяніе Смуты съ ея дикими проявленіями протеста низшихъ слоевъ населенія противъ правительства, церкви и общества.

Приведемъ примѣры этой двойственности, этого внутренняго разлада, который замѣчается въ поступкахъ и словахъ стараго казака, повидимому, подъ воздѣйствіемъ казацкихъ и простона-

родныхъ чувствъ, вылившихся въ печальной эпопеѣ событій Смутной эпохи. Илья извѣстенъ въ былинахъ своимъ благочестіемъ, уваженіемъ къ церкви, любовью къ церковной службѣ. Его богатырская карьера, по нѣкоторымъ былинамъ, начинается съ того, что онъ отстоялъ заутреню въ Муромѣ, поспѣлъ къ обѣдѣ въ Кіевъ и тотчасъ по приѣздѣ туда идетъ въ церковь, гдѣ впервые видитъ кн. Владимира. Онъ многократно заявляетъ себя защитникомъ церкви и монастырей, стоятелемъ за вѣру православную и проч. И тотъ же благочестивый Илья въ извѣстной былинѣ о ссорѣ съ Владимиромъ, обиженный тѣмъ, что князь не позвалъ его на пирь, раззадорился.

А тутъ-то Илья да розретивился,
Какъ скоро натянулъ онъ свой тугой лукъ
А клалъ онъ тутъ стрѣлочку каленую . . .
А стрѣлилъ-то онъ тутъ по Божьимъ церквамъ
А по тымъ стрѣлилъ по чуднымъ крестамъ
А по тымъ маковкамъ золоченымъ.
Да пали тутъ тыи маковки,
Да пали тутъ, отпали на сыру землю,
Да самъ онъ закрычалъ тутъ во всю голову:
«Да ай же вы были голи мои,
«А голи мои вы кабацкіи . . .
«А обирайте маковки вси золоченыи.
«А подѣмте-ко вы да со мной еще
«А тотъ-то на тотъ да на царевъ кабакъ,
«Какъ станемъ нунь пить да зеленá вина,
«Да станемъ-то пить да заодно со мной»¹⁾).

По другому варианту той же былины:

Выходитъ Илья онъ да на Кіевъ градъ
И по граду Кіеву сталъ онъ похаживать
И на матушки Божьѣ церкви погуливать.

1) Гильферд. № 47—Рыбн. т. I, 18.

На церквахъ-то онъ кресты вси да повыломалъ,
Маковки онъ золочены вси повыстрѣлялъ.
Да кричалъ Илья онъ во всю голову,
Во всю голову кричалъ онъ громкимъ голосомъ:
«Ай же пьяници вы гóлюшки кабацкіи!
«Да и выходите съ кабаковъ, домовъ питейныхъ
«И обирайте-тко вы маковки да золоченыи,
«То несите въ кабаки въ дома питейные,
«Да вы пейте-тко да вина досыта»¹⁾.

Итакъ этотъ дикій святотатственный поступокъ совершается съ цѣлью на зло князю Владимиру угостить голей кабацкихъ. Церкви кіевскія заплатились своими крестами и маковками, пропитыми Ильей съ голями въ царевомъ кабакѣ, а поступокъ Ильи, доложенный князю Владимиру, внушаетъ ему только страхъ передъ Ильей, и побуждаетъ его искать примиренья со старымъ казакомъ, послать къ нему съ извиненіями Добрыню, устроить для него новый пиръ, и когда Илья благосклонно пошелъ на мировую, князь говоритъ ему таковы слова:

«Ай же старый казакъ ты Илья Муромецъ!
«Твоѣ мѣстечко было да видъ пониже всихъ,
«Тѣперь мѣстечко за столикомъ повыше всихъ!»²⁾.

Въ другихъ вариантахъ находимъ еще болѣе унизительныя для князя подробности. Илья объявляетъ князю, что послушался только Добрыни, какъ крестоваго брата, а иначе онъ:

— А нѣкого-то я бы не послухалъ здѣ,
— А скоро натянулъ бы я свой тугой лукъ,
— Да клалъ бы я стрѣлочку каленую,
— Да стрѣлилъ бы ты въ гридню во столовую,
— А я убилъ бы ты князя со княгиною»³⁾.

1) Гильфердингъ, № 76.

2) Гильфердингъ, № 76.

3) Гильфердингъ, № 47.

Или когда голи кабацкіе «засумлялися», пропивая маковки, Илья успокаиваетъ ихъ словами:

«Пейте вы, голи, не сумляйтесь:
«Я завтра буду во Кіевѣ княземъ служить,
«А у меня вы будете предводителями!»¹⁾

И затѣмъ соглашается помириться съ княземъ, поставивъ ему слѣдующія условія, чтобъ, во 1-хъ, онъ приказалъ въ Кіевѣ и Черниговѣ на три дня открыть даромъ всѣ кабаки для народа, во 2-хъ, чтобъ онъ устроилъ пиръ лично для него, Ильи, угрожая при этомъ:

«Ежели не сдѣлаетъ князь по моему,
«То онъ *процарствуетъ* только до утрія!»²⁾

Князь долженъ согласиться на эти оскорбительныя условія, а Илья довершаетъ свою месть еще тѣмъ, что на пиръ въ княжескія палаты приводитъ съ собою голей кабацкихъ, которыхъ сажаетъ возлѣ себя³⁾. Эти нахальныя требованія ставитъ Илья для того, чтобы знали, что наѣхалъ старый казакъ,

«Старой казакъ да Илья Муромецъ»⁴⁾.

Угощеніе голей Ильей входитъ, какъ эпизодъ, въ былинку объ Ильѣ Муромцѣ въ Царьградѣ, гдѣ Илья изображается передѣтымъ каликой переходей. По приходѣ въ Царьградъ калика прежде всего идетъ въ кабакъ и требуетъ отпустить ему вина въ кредитъ на пятьсотъ рублей, а если разопъется, то и на тысячу. Не повѣрившимъ цѣловальникамъ онъ отдаетъ въ закладъ «пречуденъ крестъ червоннаго краснаго золота». Цѣловальники отказываются его принять. Тогда голи кабацкіе скла-

1) Рыбниковъ, II, № 63, стихи 464—466.

2) Тамъ же: ст. 562, 563.

3) Ст. 624.

4) Тамъ же, ст. 578, 579.

дываются по денежкѣ и угощаютъ на свой счетъ калику. Въ благодарность за угощеніе, калика разбиваетъ «царевъ кабакъ», или погреба глубокіе, выкатываетъ бочки зелена вина на площадь, угощаетъ голей со всѣхъ кабаковъ города и самъ упивается съ ними до пьяна¹⁾. Царь, узнавъ о такомъ разгромѣ и убыткѣ казны, велитъ привести Илью, который избиваетъ цѣловальниковъ и, проходя мимо царской палаты, кричитъ царю (Костянтину Боголюбовичу):

- Да ищи *казну* за Ильей, славнымъ Муромцомъ,
- Да приходилъ къ тебѣ *на славу на великую*,
- Да и пить зелено вино безденежно. . . ²⁾.

Затѣмъ, совершивъ этотъ кабацкій подвигъ, Илья уходитъ изъ Царьграда. По другому варианту, это закладываніе креста въ кабакъ, разбитіе княжескаго погреба, угощеніе голей происходитъ въ Кіевѣ, причеиъ Илья кричитъ князю:

- «Да и свѣтъ *исударь* нашъ Владиміръ князь!
- «Да ищи-ко за три бочки зелена вина,
- «Да ищи ты на Ильѣ славномъ Муромцѣ,
- «Енъ на славу приходилъ въ столярній Кіевъ градъ»³⁾.

Наконецъ въ одномъ вариантѣ⁴⁾ переодѣтый каликой богатырь, по совершеніи всего дебоша, заявляетъ князю Владимиру, что онъ «донской казакъ» Илья Муромецъ⁵⁾.

Разсмотримъ пристальнѣе эти былевые данныя. Въ обѣихъ былинахъ Гильфердинга (№№ 47 и 76), рассказывающихъ о ссорѣ Ильи съ Владимиромъ, богатырь называется старымъ ка-

1) Гильфердингъ, № 220.

2) Тамъ же.

3) Гильфердингъ № 232.

4) Гильфердингъ, № 239.

5) Срв. Гильфердингъ, №№ 249, 257, 281; Рыбниковъ, I, стр. 63; Ончуковъ, № 2, стр. 17 и № 20, стр. 92.

закомъ, слѣдовательно передъ нами образъ раздраженнаго «казака», презрительно отзывающагося о князѣ, спибающаго кресты съ божьихъ церквей и пропивающаго ихъ въ кабакахъ царевыхъ вмѣстѣ съ голью кабацкою. Спрашивается, какъ могла прійти въ голову слагателямъ былины такая дикая фантазія, какъ могли они приписать народному богатырю, богомольному Ильѣ Муромцу, котораго мощи, по убѣжденію народа, покоятся въ Кіевскихъ пещерахъ, такой святотатственный поступокъ? Оказывается, что если мы вспомнимъ факты, сообщаемые о казакахъ въ Смутное время то народная былина не слишкомъ далека отъ дѣйствительности. Вспомнимъ, уже приведенное мною поведеніе казаковъ Заруцкаго въ Дѣвичьемъ монастырѣ, который они и ограбили и сожгли. Вспомнимъ показаніе Палицына о томъ, какъ мятежники грабили церкви, ломали царскія двери, оскверняли иконы, рубили ихъ на топливо, пили и ѣли изъ священныхъ сосудовъ, ставили на столахъ мясо въ доскахъ и питье потирахъ, покрывали коней воздухами и пеленами, надѣвали на себя священническія ризы и проч. и совершали всякія другія издѣвательства надъ святынями¹⁾. Вспомнимъ, какъ переславцы (а не ляхи), приступивъ къ Ростову, гдѣ былъ Филаретъ, осадили храмъ, выломали двери, схватили митрополита и, сорвавъ съ него ризы, одѣли въ рубище, обнажили церковь, сняли золото съ гробницы св. Леонтія и раздѣлили между собою по жребію²⁾. Эти картины грабежа и поруганія святынь въ смутное время могутъ служить комментариемъ къ поступку былиннаго казака Ильи Муромца съ церковными крестами. Конечно, въ этомъ разгулѣ народныхъ страстей не-

1) Р. Ист. бил. XIII, стр. 5, 16.

2) Карамзинъ XII изд. Смирдина 1853 г. стр. 129. Въ грамотѣ митр. Филарета къ устюжскому протоіерею отъ 30 ноября 1606 г. говорится, что бѣглые холопы, разбойники и воры казаки изъ сѣверной украины «пришли въ Рязанскую землю и въ прочая города и тамо такожъ святыя иконы обезчестиша, церкви святыя конечно обрушиша и жены и дѣвы безстудно блудомъ осрамша и дома ихъ разграбиша и многихъ смерти предаша и проч. Карамзинъ, XII примѣч. 65.

маломъ стимуломъ, какъ всегда, служило зелено вино, какъ и въ поступкѣ Ильи. Чтобъ залить свою обиду, Илья не стѣсняется въ средствахъ добыть вина и, какъ широкая русская натура, долженъ пьянствовать не одинъ, а угощая всѣхъ кабацкихъ завсегдатаевъ. Былина рисуеть полную безпомощность правительства т. е. князя Владимира. За стрѣльбу по церквамъ, за пропитіе крестовъ, за разгромъ винныхъ погребовъ, Владимиръ только ухаживаетъ за Ильей, устраиваетъ для него пиръ и сажаетъ его на высшее мѣсто. Не напоминаетъ ли это эпоху смуты, періодъ полного безсилія правительства, напр. Василя Шуйскаго, когда оно всегда готово было простить «воровавшихъ» казаковъ, при заявленіи съ ихъ стороны готовности перейти на его сторону отъ «вора». Да и протестъ противъ власти въ видѣ разгрома Ильей кабаковъ и погребовъ едва ли не отзывается той же эпохой. Судя по былинѣ, кабаки составляютъ доходъ Владимира, т. е. казны. Илья иронически заявляетъ князю (иногда царю, что конечно ближе къ дѣйствительности), чтобъ онъ съ него искалъ свои убытки за три бочки зелена вина. Вспомнимъ ожесточеніе народа противъ Бориса между прочимъ за вздорожаніе зелена вина. Палицынъ, зная это народное недовольство, обвиняетъ Бориса за возвышеніе откупа и въ корчемномъ дѣлѣ: «Оскверни же злосмраднымъ прибыткомъ вся дани своя: корчемницы бо, пьянству и душегубству и блуду желателіе, во всѣхъ градѣхъ *оъ прекунъ высокъ воздвигше цѣну кабаковъ*, и инѣхъ откуповъ чрезъ мѣру много бысть» ¹⁾).

Но не выходя изъ разсматриваемаго матеріала, можно указать и еще другую черту времени. Илья является въ столкновеніи съ Владимиромъ въ полномъ смыслѣ мятежникомъ. Онъ, по одной былинѣ ²⁾, расправляется съ богатырями князя, избивая ихъ за ихъ попытку вывести его изъ гридни, онъ грозитъ

1) Р. Ист. библ. XIII, стр. 487.

2) Рыбниковъ, II, № 63.

убить князя Владимира и княгиню Апраксию¹⁾, не хуже какого-нибудь царя Калина, онъ хочетъ сдѣлать голей кабацкихъ *предводителями* а самъ служить княземъ. Не напоминаютъ ли эти выходки стараго казака того, что нерѣдко продѣлывали казаки въ смутное время, когда они ставили и смѣняли не только атамановъ, но и «цариковъ», когда иной бѣглый холопъ становился, приставъ къ казакамъ и отличившись въ ихъ вкусѣ, *предводителемъ*. Вспомнимъ, напр., какъ Терскіе казаки, завидуя Донскимъ, получившимъ щедрыя награды отъ перваго Лжедмитрія, задумали выставить своего самозванца и возложили роль царевича Петра на Илейку Муромца, предпочтя его другому, выбранному ими же, Митькѣ астраханцу, потому, что Илейка случайно раньше бывалъ въ Москвѣ²⁾. Былинный Илья старый казакъ такъ же легко, по его заявленію, еслибы захотѣлъ, могъ сѣсть на мѣсто князя Владимира. Отмѣтимъ здѣсь кстати, что это заявленіе Ильи находится въ полномъ противорѣчій съ его же взглядами, которые онъ высказываетъ въ той же сводной былинѣ, отказываясь отъ приглашенія освобожденныхъ имъ Смольнянъ остаться у нихъ воеводою:

«Не дай Господи дѣлати съ барина холопа,
«Съ барина холопа, съ холопа дворянина,
«Дворянина съ холопа, изъ попа палача,
«А также изъ богатыря воеводу . . .
«Не хочу я жить у васъ воеводою»³⁾).

Этотъ внутренній разладъ, это разногласіе во мнѣніяхъ, думается, объясняется также наслоеніемъ «казатчины» въ смутное время, налегшимъ на солиднаго, уравновѣшеннаго народнаго

1) Рыбниковъ, т. I, № 18; Гильфердингъ, № 48.

2) Иловайскій, Ист. соч. Ч. II, стр. 114.

3) Рыбниковъ, II, № 63, стр. 198 слѣд. Въ былинѣ Маркова, № 107. Илья отказывается отъ предложенія *мужиковъ* Малаго Чиженца у нихъ «парить» (стр. 532).

любимца. Отказъ перейти изъ богатырей въ воеводы или въ цари (въ Черниговѣ, Смолягинѣ, Себежѣ, Бекетовѣ, Чиженцѣ и проч.), являющійся въ значительномъ количествѣ вариантовъ, принадлежитъ, повидимому, болѣе старой редакціи и относится къ Ильѣ, еще не воспринявшему казацкую и босяцкую окраску.

Отъ отношеній Ильи къ князю Владимиру перейдемъ къ отношенію народнаго представителя къ высшему классу «князьямъ боярамъ». Кажется, если мы исключимъ пріѣзжаго боярина Дюка Степановича, симпатичнаго слагателямъ былинь, и Никиту Романовича, любимца народа, то къ князьмъ-боярамъ, какъ цѣлому сословію приближенному къ князю Владимиру, отношеніе въ былинахъ и историческихъ пѣсняхъ чувствуется обыкновенно ироническое. Былины называютъ ихъ *кособрюхими* или *брюшинниками*¹⁾, *толстобрюхими*²⁾, *злыми*, *подмолчивыми*³⁾, *измѣнщиками*⁴⁾, *подговорщиками*⁵⁾.

Въ историческихъ пѣсняхъ встрѣчаются еще болѣе рѣзкія выходки противъ бояръ: они злыя собаки⁶⁾, отрекшіеся отъ вѣры⁷⁾, у нихъ руки злодѣйскія⁸⁾ и проч. Отъѣхавшіе изъ Кіева во главѣ съ Самсономъ Самойловымъ русскіе богатыри, на приглашеніе Ильи постоять за Кіевъ, князя и Опраксію, отказываются, ссылаясь на то, что Владимиръ предпочитаетъ имъ бояръ:

- У него вѣдь есте много да князей бояръ,
- Кормить ихъ и поить да и жалуеть,
- Ничего намъ нѣтъ отъ князя отъ Владимира⁹⁾.

1) Бѣломорскія былины, стр. 88, 42, 215, 223, 351, 482. 482.

2) Ончуковъ, стр. 18.

3) Тих. Миллеръ, II, 1 : 161.

4) Ончуковъ, стр. 17.

‡ Тамъ же стр. 323.

6) Кирѣевскій VII, 17.

7) Тамъ же, 17.

8) Тамъ же, стр. 2.

9) Гильфердингъ, № 75, столб. 451, 1-е изд.

Нелюбовь народа и Ильи къ князьямъ-боярамъ сказывается въ томъ, что, ради угодничества князю и изъ зависти къ богатырямъ, они играютъ низкую роль доносчиковъ: они доносятъ, будто бы Илья ругалъ князя Владимира и подводятъ богатыря подъ княжій гнѣвъ; они докладываютъ ему, что богатыри только пьянствуютъ, вмѣсто того чтобы выступить противъ татаръ, и замышляютъ измѣну¹⁾, они возводятъ на Илью Муромца даже обвиненіе въ государственной измѣнѣ, будто онъ похваляется:

«Я вѣдь князя-то Владимира повыживу,
Самъ я сяду-то во Кіевъ на ево мѣсто,
Самъ я буду у его да всё княземъ княжить²⁾».

Въ былинѣ Ончукова «Илья Муромецъ въ опалѣ» (стр. 16—21) *толстобрюхіе думные бояре* представили *измѣнщиками*: когда вслѣдствіе засаженія Ильи въ погребъ Владиміромъ русскіе богатыри уѣхали изъ Кіева, бояре пишутъ объ этомъ грамотку Ковшею Безсмѣртному, вслѣдствіе которой онъ подступаетъ съ безчисленной ратью къ Кіеву. Не черта ли это смутнаго времени, когда среди бояръ было немало измѣнниковъ правительству и русской землѣ?

Въ этихъ постоянныхъ оскорбительныхъ эпитетахъ бояръ, въ этихъ обвиненіяхъ ихъ въ доносахъ и козняхъ, въ этомъ презрительномъ отношеніи народнаго богатыря къ нимъ и ненависти ихъ къ нему мы также склонны видѣть печать, наложенную на былины въ Смутное время ожесточеніемъ холопей боярскихъ, казаковъ и вообще простонародья противъ бояръ.

Современныя смутѣ извѣстія нерѣдко говорятъ о насиліяхъ надъ боярами, разгромѣ ихъ усадебъ, грабежѣ ихъ имущества отъ ожесточенной черни.

«Собрахуса боярскіе люди и крестьяня съ ними же пристаху

1) Вѣломорск. былины № 94, стр. 482.

2) Тамъ же, № 48.

украинскіе посадскіе люди и стрѣльцы и казаки и начаша по градомъ воеводы имати и сажати по темницамъ; бояръ же своихъ домы разоряху и животы грабяху, женъ же ихъ и дѣтей позоряху и за себя имаху» говоритъ объ этомъ времени, напр., Никоновская лѣтопись¹⁾).

Вспомнимъ какая масса бѣглыхъ холопей и крестьянъ, ушедшихъ съ боярскихъ земель въ то время, приставали къ мятежникамъ или составляли разбойничьи шайки и промышляли грабежомъ. «Хищничество богатыхъ и власть имѣвшихъ людей, о которомъ не скрывая говорили грамотѣи самого правительства, (Бориса), должно было ожесточить меньшую братію противъ «сильныхъ людей» и придавало простому разбою видъ социальнаго протеста», говоритъ о состояніи тогдашней Россіи г. Платоновъ²⁾. Отметимъ также благодушное отношеніе Ильи Муромца къ «станичникамъ» (казакамъ) или разбойникамъ въ нѣкоторыхъ былинахъ³⁾.

1) Карамзинъ XII, примѣч. 47.

2) Очерки по ист. Смуты, стр. 256 (1-е изд.).

3) Впрочемъ подобное отношеніе къ «станичникамъ» проявляетъ Илья далеко не всегда. Въ былинахъ, записанныхъ на сѣверѣ, Илья почти постоянно избиваетъ ихъ безъ жалости (см. у Гильфердинга, №№ 3, 112, 120, 171 = Рыбниковъ, IV 3, 190, 197, 216, 221, 240, 266, 271, 274, 287, 291, 305; Марковъ, №№ 45, 69, 97; Григорьевъ, I, №№ 125, 172). Очень рѣдко въ олонецкихъ и архангельскихъ былинахъ при встрѣчѣ съ разбойниками Илья стрѣляетъ не въ нихъ, а въ дубъ или въ землю (Григорьевъ, I, № 105, 117). Въ былинахъ же, записанныхъ въ центральныхъ и поволжскихъ губерніяхъ, а также на Уралѣ, Терекѣ и въ западной Сибири (Кирши Данилова) отношенія Ильи къ «станичникамъ» дѣйствительно благодушны. Онъ иронически напрашивается къ нимъ въ кашевары (Былины стар. и нов. записи, II, 9), или въ товарищи (тамъ же, II, 273), стрѣляетъ въ дубъ, чтобы напугать ихъ (Кирша Даниловъ, Кирѣевскій, I, 15, 16, 17, 19; Былины стар. и нов. записи, II, 271, 272, 273); причѣмъ разбойники разбѣгаются, а потомъ просятъ взять ихъ въ холопы вѣковѣчные (Кирѣевскій, VII, прил. стр. 9), или въ товарищи, въ донскіе казаки (Кирѣевскій, I, 19) или приглашаютъ его быть у нихъ атаманомъ (Кирѣевскій, I, 27). Илья иногда называетъ станичниковъ братцами («Ужъ вы братцы мои станишнички» Кирѣевскій, VII, прил. стр. 8), «ему жалко ихъ до смерти убить» (Кирѣевскій, I, 17), а въ одномъ вариантѣ, впрочемъ, безъ имени Ильи, «донской казакъ» носитъ яркіе признаки Самозванщины: «развернулса, размахнулся добрый молодець: на правой на полынкѣ, знамя царское, а на лѣвой полынкѣ персонуска» (Кирѣевскій, I, стр. 19).

Комментируя выходки Ильи против князя Владимира, отношеніе его къ боярамъ въ связи съ народнымъ настроеніемъ Смутной эпохи, я сталкиваюсь съ взглядами нѣкоторыхъ изслѣдователей эпоса и мнѣніемъ, еще недавно высказаннымъ по этому вопросу А. В. Марковымъ. Причины столкновеній Ильи съ княземъ и боярами лежали, по его мнѣнію, «въ социальномъ неравенствѣ старшей и младшей дружины и имѣли подъ собой экономическую основу. Главный русскій богатырь, впоследствии совершенно одемократизированный, но и въ древнѣйшихъ былинахъ (напр. о Соловьѣ-разбойникѣ) выставяющійся пріѣзжимъ, никому раньше не извѣстнымъ дружинникомъ, являющимся въ Кіевъ изъ маленькаго городка Черниговскаго княжества ¹⁾, конечно, стоялъ на сторонѣ *младшей дружины* ²⁾ и отстаивалъ ея интересы противъ ближайшихъ придворныхъ Владимира, которые изъ зависти оклеветали передъ княземъ Илью... Ссора Ильи съ княземъ воспѣта въ нѣсколькихъ былинахъ (Калинъ, Камское побоище, Идолище, Никита Залѣшанинъ, Батый (Баданъ), и почти вездѣ Илья заступаетъ за свои права какъ дѣятельнаго дружинника, противъ князей-бояръ, которыхъ онъ называетъ «брюшинниками», или «кособрюхими», т. е. отро- стившими себѣ большіе животы на покойной придворной службѣ. Какъ извѣстно, бояре были *мстными* земледѣльцами, вступавшими въ княжескую дружину и достигавшими высшихъ должностей или за выслугу, или благодаря своему богатству; землевла- дѣльцы въ числѣ дружинниковъ были уже въ XII в. Сами князья-бояре обвиняютъ дружинниковъ въ непочтеніи къ князю (Калинъ), во властолюбивыхъ замыслахъ, въ нерадѣніи о своихъ обязанностяхъ—«ратномъ дѣлѣ»—и въ стремленіяхъ къ измѣнѣ. Трудно сказать, на сколько эти обвиненія основательны; но послѣднее обвиненіе могло основываться на нерѣдкихъ случаяхъ перехода русскихъ дружинъ на сторону своихъ ближайшихъ

1) Авторъ имѣетъ въ виду г. Моровійскъ.

2) Курсивъ нашъ.

сосѣдей, съ которыми русскіе отчасти ассимилировались, половцевъ; вспомнимъ «бродниковъ», «прототипъ казацкихъ вольныхъ общинъ», которые въ XII—XIII вв. нерѣдко помогали «поганымъ» противъ своихъ одноплеменниковъ»¹⁾).

Такіе отголоски глубокой старины, представлявшіеся и мнѣ и другимъ изслѣдователямъ весьма возможными въ былинахъ, кажутся мнѣ теперь все болѣе и болѣе сомнительными. Трудно предположить, въ виду многочисленныхъ переработокъ древняго былевого матеріала въ московскій періодъ, въ виду густыхъ слоевъ, отложившихся на немъ отъ XVI, XVII вѣковъ, чтобы въ былинныхъ столкновеніяхъ Ильи съ княземъ Владимиромъ и боярами могли сохраниться слѣды антагонизма «младшей» дружины со старшей, а въ обвиненіяхъ Ильи и богатырей въ задуманной ими будто бы измѣнѣ, т. е. переходѣ къ татарскому царю (Калину и проч.), отголоски случайныхъ союзовъ и общихъ дѣйствій южнорусскихъ князей съ половцами, которые въ нашемъ эпосѣ давно вытѣснены татарами. «Вообще ошибаются тѣ,—говоритъ Д. И. Иловайскій, со взглядомъ котораго я въ данномъ вопросѣ согласенъ,—которые въ нашемъ былинномъ эпосѣ ищутъ *прежде всего* отраженія удѣльнаго склада. Нѣтъ: въ томъ видѣ, въ какомъ мы его имѣемъ, онъ болѣе всего отражаетъ складъ Московской Руси; ибо объ удѣльныхъ князьяхъ въ немъ *почти* нѣтъ и помину (развѣ остались кое-какіе намеки). Земля Русская представляется въ немъ цѣльною и единою, а богатырская дружина пируетъ и служитъ только одному ея представителю²⁾». Не отрицая слѣдовъ до-монгольскаго періода (на которые и я при случаѣ указывалъ), я все же думаю, что въ данномъ случаѣ, въ столкновеніяхъ Ильи съ княземъ и боярами, мы поступимъ осторожнѣе, находя въ нихъ черты XVII-го вѣка, указанные нами выше по показаніямъ современниковъ «Смуты». На московскій періодъ указываетъ, напр., хотя бы тотъ фактъ,

1) См. Бытовые черты русскихъ былинъ. М. 1904 г., стр. 52—53 (отд. отт. изъ 58 и 59, кн. «Этногр. Обзорѣнія»).

2) Истор. соч., II, стр. 111.

что «князья-бояре» постоянно упоминаются вмѣстѣ и нигдѣ въ эпическомъ языкѣ на пиру Владимира не упоминаются одни бояре безъ этихъ постоянныхъ своихъ спутниковъ. Такимъ образомъ властитель Кіева и всей русской земли, хотя и называется стольнымъ княземъ Владимиромъ, но напоминаетъ скорѣе московскаго великаго князя или царя, при дворѣ котораго дѣйствительно сидятъ князья-бояре потомки прежнихъ удѣльныхъ князей и московскихъ (и другихъ, иногородныхъ) бояръ. Да и на былинномъ безсмѣнномъ Кіевскомъ князѣ, какъ давно было указано изслѣдователями, отразились въ значительномъ количествѣ впечатлѣнія народа отъ московскихъ царей, ихъ характера, обстановки, «свычая и обычая».

Можно было бы поставить вопросъ, въ какихъ прикрѣпленныхъ къ Ильѣ былинныхъ сюжетахъ онъ впервые сталъ казакомъ, но для положительнаго рѣшенія его мы имѣемъ мало шансовъ, такъ какъ въ устной традиціи былины подверглись значительной нивелировкѣ и взаимодействию. По нѣкоторымъ признакамъ можно думать, что древній сюжетъ боя отца съ сыномъ, подвергнутый переработкѣ, былъ однимъ изъ первыхъ, въ который вошелъ Илья Муромецъ какъ «старый казакъ». Отношеніе Ильи къ женщинѣ, случайная связь съ ней, иногда послѣ боя, отзывается именно казацкимъ взглядомъ на такія отношенія. Въ нѣкоторыхъ вариантахъ былины Илья стоитъ на заставѣ во главѣ дружины въ качествѣ *атамана*¹⁾ (иногда донскаго казака²⁾), причемъ и другіе главные богатыри получили казацкія званія согласно казацкой іерархіи — Добрыня *податаманя*, Алеша — *саула*. Затѣмъ въ значительномъ числѣ вариантовъ этой былины Илья Муромецъ просто называется старымъ казакомъ³⁾. Вообще сюжетъ этотъ пришелся по вкусу казакамъ,

1) Григорьевъ, № 2; Ончуковъ, №№ 1, 6.

2) Григорьевъ, № 8.

3) Гильфердингъ, № 46 = Рыбниковъ, I, 14; № 77, № 226; Григорьевъ, №№ 2, 5, 8, 26, 40, 129; Марковъ, № 70; Ончуковъ, №№ 1 и 6.

которые, вѣроятно, и наложили въ нѣкоторыхъ вариантахъ на него свою печать. Въ былинѣ о ссорѣ Ильи съ кн. Владимиромъ въ обоихъ вариантахъ Гильфердинга¹⁾, какъ мы видѣли, Илья Муромецъ называется казакомъ и проявляетъ въ характерѣ и дѣйствіяхъ яркія черты разнузданности «казачества» Смутнаго времени. Въ эпизодѣ угощенія голей кабацкихъ, внесенномъ въ нѣкоторыя былины, Илья то называется казакомъ²⁾, то нѣтъ³⁾ (хотя умолчаніе о званіи можетъ быть случайно), но во всякомъ случаѣ является яркимъ представителемъ «вольницы» и сторонникомъ голи кабацкой. Однако вообще мы едва ли будемъ имѣть возможность при современномъ состояніи нашего эпоса рѣшить поставленный выше вопросъ, и намъ остается ограничиться заключеніемъ, что по многимъ признакамъ «казачество» Ильи представляется осадкомъ казацкаго «разлива» начала XVII-го столѣтія.

Переходимъ теперь къ другому вопросу въ связи съ выдвигаемымъ и мотивируемымъ Д. И. Иловайскимъ предположеніемъ, что Илья Муромецъ сталъ въ былинахъ казакомъ подъ воздѣйствіемъ личности историческаго казака Ильи изъ Муромъ, т. е. казацкаго самозванца Лжепетра (Илейки). Разсмотримъ все, что приводится и можетъ еще быть приведено въ пользу этого предположенія, во всякомъ случаѣ аргументы вполне допустимаго, въ виду многочисленныхъ примѣровъ подобныхъ смѣшеній извѣстныхъ нашему эпосу.

Напомнимъ судьбу самозванца Лжепетра, пользуясь данными, приводимыми г. Иловайскимъ. Изъ показаній, данныхъ Илейкой подъ пыткой боярамъ въ октябрѣ 1609 года, по взятіи войсками Василя Шуйскаго Тулы, въ которой «воръ» долго держался съ своими единомышленниками казаками Донскими, Волжскими, Терскими и Запорожскими, почерпаются слѣдующіе

1) №№ 47 и 76.

2) Гильфердингъ, № 239; Ончуковъ, № 1 (стр. 17) и № 62 стр. 258).

3) Гильфердингъ, №№ 249, 257, 281, 220, 232.

факты. Илья родился внѣ брака въ Муромѣ. Отца его звали Иваномъ Коровинымъ¹⁾. Мать его Ульяна была вдовой торговаго человѣка Тихона Юрѣва. По смерти матери, постригшейся въ Воскресенскомъ монастырѣ, Илейка попалъ въ Нижній, гдѣ сидѣлъ около трехъ лѣтъ въ лавкѣ одного торговца. Затѣмъ нанялся въ казаки кормовые для стряпни на судно одного торговаго человѣка изъ Ярославля и попалъ въ Астрахань. Въ дальнѣйшіе года онъ ѣздилъ на хозяйскихъ судахъ въ Казань, Хлыновъ, Вятку, Нижній, Царицынъ, такъ что хорошо зналъ Волгу и Вятку. Затѣмъ онъ нанялся уже въ ратные люди, попавъ въ г. Терки къ казакамъ, къ одному стрѣльцкому пятидесятнику и ходилъ съ царскими воеводами въ походъ на Тарковскаго Шамхала. Въ дальнѣйшихъ походахъ мы видимъ его снова на Волгѣ, но уже среди волжскихъ служилыхъ казаковъ. Въ концѣ царствованія Бориса Илейка находился подъ начальствомъ воеводы князя Хворостинина; а когда этотъ воевода послалъ казачій отрядъ изъ Астрахани въ Терки, Илейка пошелъ съ этимъ отрядомъ. Въ это время, подъ вліяніемъ слуховъ объ удачѣ перваго Самозванца и наградахъ, полученныхъ его пособниками донскими казаками, человѣкъ триста терскихъ и волжскихъ казаковъ задумали смѣлое дѣло—выставить своего самозваннаго претендента на Московскій престолъ, подъ знаменемъ котораго прежде всего можно было бы итти на Волгу громить торговые суда. Они сочинили басню, будто бы у царя Феодора Ивановича родился собственно сынъ (а не дочь Феодосія, умершая въ дѣтствѣ), но что вѣрные люди, опасаясь козней Годунова, подмѣнили его дочерью, а сына украли и воспитали тайно. Роль царевича Петра, такъ называли казаки этого мнимаго сына Феодорова, была поручена казаку Илейкѣ, конечно, потому, что онъ и по возрасту, и по качествамъ подходилъ болѣе другихъ казаковъ къ ней. Уйдя тайкомъ отъ Терскаго воеводы на стру-

1) Слѣдовательно, онъ по отчеству былъ Ивановичъ, какъ былъ Илья Муромецъ.

гахъ въ Каспійское море, воровская шайка съ Илейкой остано-
вилась на островѣ, противъ устья Терека, гдѣ къ ней пристали
еще многіе казаки изъ сосѣднихъ мѣстъ. Поголодавши въ числѣ,
казаки поплыли вверхъ по Волгѣ, причемъ Илейка послалъ гонца
съ грамотой къ Лжедмитрію, объявляя себя его племянникомъ.
Отвѣтная грамота Лжедмитрія, съ приглашеніемъ пріѣхать въ
Москву, была получена Илейкой подъ Самарой, но уже скоро
пришла вѣсть объ убіеніи Лжедмитрія, и шайка Илейки, повер-
нувъ внизъ по Волгѣ, занялась разбоемъ и грабежами. Изъ
Волги она затѣмъ перешла на Донъ, изъ Дона поднялась
вверхъ по Донцу. Тутъ получена была Илейкой грамота изъ
Путивля отъ мятежника князя Григорія Шаховскаго съ извѣ-
стіемъ, будто Дмитрій вновь спасся отъ смерти, и съ приглаше-
ніемъ спѣшить ему на помощь.

Между тѣмъ у Илейки скопилось полчище болѣе 10,000
казаковъ Терскихъ, Волжскихъ и Донскихъ, съ которыми по
дорогѣ въ Путивль онъ взялъ и разграбилъ нѣсколько городовъ.
Особенно свирѣпетовалъ Илейка противъ бояръ и дворянъ.
Многихъ замучивалъ, подвергалъ насилію женъ и дочерей.
Одержавъ нѣсколько побѣдъ надъ царскими войсками, захватилъ
Тулу, и, соединясь съ другимъ предводителемъ крестьянскихъ и
казацкихъ шаекъ, извѣстнымъ Болотниковымъ, готовился идти
на Москву. Царь Шуйскій напрягъ всѣ усилія, собралъ стоты-
сячную рать и во главѣ ея лично осадилъ Тулу. Осажденные
защищались очень мужественно; осада такъ затянулась, что
уже приходилось думать объ отступленіи, когда неожиданное
обстоятельство помогло царю Василю: боярскій сынъ Оома
Суминъ Кровковъ, родомъ изъ Мурома, предложилъ царю
запрудить рѣку Упу и затопить городъ Тулу; просилъ только
дать ему сколько нужно народу. Дѣйствительно, онъ затопилъ
городъ, и осажденные сдались. Илейку въ числѣ другихъ отпра-
вили въ Москву, гдѣ онъ и былъ повѣшенъ¹⁾.

1) См. Ист. изсл., стр. 112—115.

Изложивъ вышеприведенныя историческія данныя о Лжепетрѣ, Д. И. Иловайскій подкрѣпляетъ свое предположеніе слѣдующими соображеніями:

«По всѣмъ признакамъ молва объ этомъ самозванцѣ тогда довольно широко распространилась на Руси, и въ народѣ онъ сдѣлался извѣстенъ прямо подъ своимъ именемъ Ильи, Илейки Муромца. Этой извѣстности способствовало само Московское правительство, которое, получивъ въ свои руки самозванца и допросивъ его, немедленно разослало по городамъ грамоту съ изложеніемъ его повѣсти о самомъ себѣ»¹⁾. «Особенно память его, говоритъ далѣе Д. И. Иловайскій,—нѣкоторое время жила среди казацкихъ шаекъ, разсѣявшихся по всей Руси. Несомнѣнно дѣянія его нашли себѣ сочувственный отголосокъ и въ казачествѣ, и въ крестьянствѣ, какъ впоследствии дѣянія подобнаго ему атамана Стеньки Разина. А потому нѣтъ ничего удивительнаго, что личность историческаго казачьяго атамана слилась съ легендарнымъ его, такъ сказать, теской и однофамильцемъ». Съ тѣхъ поръ богатырь Илья представляется не только казакомъ, но и окончательно закрѣпляется за Муромомъ»²⁾.

Итакъ въ пользу предположенія, выдвигаемаго Д. И. Иловайскимъ, имъ приводится случайное совпаденіе въ имени, званіи (казака) и происхожденіи изъ г. Мурома между историческимъ Илейкой и былиннымъ старымъ казакомъ Ильей Муромцемъ. Авторъ еще не сдѣлалъ попытки, въ томъ видѣ, въ какомъ докладывалъ свою статью въ одномъ изъ засѣданій Московскаго археологическаго Общества въ 1893 г., поставить историческаго Илейку въ болѣе тѣсную связь съ былиннымъ богатыремъ, указать въ самихъ былинахъ какіе нибудь слѣды, предположительно оставленные въ нихъ Илейкой. Въ позже написанномъ дополненіи къ той же статьѣ, при включеніи ея во 2-ю часть своихъ Историческихъ сочиненій (М. 1897 г.), авторъ, останавливаясь

1) Тамъ же, стр. 115.

2) Тамъ же, стр. 116.

на сдѣланныхъ ему мною и В. В. Калашемъ возраженіяхъ, старається подтвердить свое предположеніе уже нѣкоторыми былинными фактами. Соглашаясь съ мнѣніемъ г. Квашнина-Самарина, что разбойникъ Илейко отразился въ былинномъ Ильѣ-разбойникѣ, убившемъ князя Карамышевскаго¹⁾, авторъ видитъ смѣшеніе Илейки съ Ильѣй Муромцемъ въ тѣхъ пѣсняхъ о послѣднемъ, гдѣ онъ представленъ эсауломъ-молодцомъ, плывущимъ по Волгѣ²⁾ или ѣдущимъ по Хвальнскому морю на кораблѣ Соколѣ и наводящимъ страхъ на «горскихъ татаръ со калмыками»³⁾. Въ этомъ «явное указаніе на историческаго Муромца, дѣйствительно плававшего по Каспійскому морю и участвовавшего въ походахъ противъ горскихъ племенъ»⁴⁾.

Далѣе авторомъ, въ подтвержденіе мысли, что исторія Илейки-Лжепетра не прошла безслѣдно для былинъ, приводится извѣстное муромское преданіе о томъ, какъ карачаровцы задумали приблизить русло Оки къ своему селу, чтобы поставить преграду нападавшимъ на нихъ разбойничьимъ шайкамъ⁵⁾.

Для этой цѣли они рѣшили очистить берегъ отъ дубняка, побросать деревья въ рѣку, запрудить ее съ одной стороны и такимъ образомъ измѣнить русло. Каждой семьѣ назначенъ былъ свой пай для рабочихъ. Илья Муромецъ, исцѣленный странниками и получившій необыкновенную силу, явился на мѣсто работъ, гдѣ его родители бесплодно трудились надъ своимъ паемъ. Онъ въ короткое время очистилъ ихъ долю отъ дубовъ, которые вырывалъ съ корнемъ и бросалъ въ рѣку.

1) См. эти былины далѣе.

2) Кирѣевскій I, стр. 90.

3) Тамъ же, стр. 22 и 40.

4) Истор. соч. ч. II, стр. 120. По мнѣнію г. Маркова, сюда же относятся изъ I вып. Пѣсенъ Кирѣевскихъ еще 2 пѣсни: одна изъ нихъ воспѣваетъ казаковъ, ѣдущихъ по *Окѣ*, около *Муромскихъ* лѣсовъ, и величаетъ эсаула-молодца Илью Муромца; а другая говоритъ о томъ, какъ *домскіе* казаки погребали Илью Муромца въ золотой гробницѣ обитой парчой и бархатомъ.

5) См. это преданіе у О. Миллера. И. Муромецъ, стр. 285 и мои Экскурсы, стр. 189.

Это преданіе, заключаетъ Д. И. Иловайскій, есть несомнѣнный отголосокъ того историческаго факта, который былъ мною приведенъ изъ исторіи Илейки-Лжепетра (Ист. Рос. Смутн. время стр. 89). Подобными работами Оома Кровковъ запрудилъ рѣку Упу подъ Тулою, вслѣдствіе чего Лжепетръ и Болотниковъ были принуждены къ сдачѣ. Только въ народномъ преданіи, какъ это часто бываетъ, факты и лица спутаны: то что было сдѣлано противъ Ильи, отнесено къ его подвигамъ¹⁾.

Разсмотримъ эти соображенія почтеннаго историка безъ всякаго желанія умалить ихъ доказательность, такъ какъ, оказавшись допустимыми, они увеличили бы собою число отголосковъ смутнаго времени, которые мы отыскиваемъ въ былинахъ. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ поставить вопросъ: сохранились ли вообще какіе-нибудь слѣды Лжепетра-самозванца въ былевой традиціи? Во вторыхъ, отложилось ли въ чемъ нибудь на личности былиннаго Ильи Муромца случайное совпаденіе его имени и происхожденія съ историческимъ лицомъ?

Сторонники самозванца распространяли о немъ молву, конечно, какъ о Петрѣ царевичѣ, сынѣ царя Θεодора, слѣдовательно какъ о царевичѣ Петрѣ Θεодоровичѣ. Лѣтописцы, зная его за казацкаго самозванца, обыкновенно называютъ его «воръ Петрушка». Дѣйствительно, наши быliny знаютъ, какъ мы уже указали, царевича Петра въ роли коварнаго сына Ильи Муромца отъ какой то Сиверьяничны дѣвки изъ сиверской (какъ мы предположили крамольной сѣверской) страны. Совпаденіе здѣсь въ имени, званіи (царевичъ) въ характерѣ (коварствѣ) и въ конечной судьбѣ. Какъ былинный Петръ царевичъ (обыкновенно изъ Золотой орды, т. е. врагъ былиннымъ богатырямъ) гибнетъ за коварство отъ Ильи Муромца, такъ историческій лжецаревичъ Петръ былъ повѣшенъ Василиемъ Шуйскимъ. Есть ли въ данномъ случаѣ еще какая нибудь связь между Илейкой и Петромъ съ одной стороны, Ильей и Петромъ царевичемъ съ другой это мы оста-

1) Тамъ же, стр. 126.

вляемъ открытымъ вопросомъ. Затѣмъ, кажется, можно привести еще одну пѣсню, въ которой, быть можетъ, сохранился отголосокъ Лжепетра. Мы разсмотрѣли уже часто встрѣчающійся въ былинахъ мотивъ: приходъ Ильи Муромца переодѣтымъ въ царевъ кабакъ, требованіе вина, отказъ цѣловальниковъ, угощеніе Ильи голями и разгромъ Ильей винныхъ погребовъ, причемъ пришли къ предположенію, что въ этихъ кабацкихъ подвигахъ Ильи, его якшаніи съ голями можно видѣть отголосокъ смутнаго времени. Интересно, что есть данныя, указывающія на то, что это — любимая *казацкая* пѣсня и вѣроятно ими и сложенная. Въ сборникѣ Сахарова въ одной казацкой пѣснѣ, донской казакъ, зайдя въ кружало государево, говоритъ цѣловальникамъ:

Ахъ, вы здравствуйте, государевы цѣловальники!
Вы продайте мнѣ вина на пятьсотъ рублей,
А товарищамъ моимъ на тысячу.
Промежду собой цѣловальники взглянулись:
Ужъ какъ этого питуха у насъ не было,
Ужъ какъ знать это, братцы, не донской казакъ,
Ужъ какъ знать это атаманъ ихъ.
Вывозили имъ пошла сколько надобно:

«Ужъ вы пейте, мои ребята, сколько вамъ хочется!»¹⁾

Сравни. съ этимъ напр. слова Ильи Муромца, переодѣтаго каликой, но называющаго себя въ концѣ *донскимъ* казакомъ, обращенныя къ цѣловальникамъ:

«Ай вы чумаки чѣловальники!
«И налейте вина мнѣ полтора ведра,
«Да опохмельте калику перехожаго,
«Разопьюсь я старый, выпью *на двѣ тысячи*»²⁾).

1) Сказанія рус. народа т. I, отд. VI, стр. 239. Сравни. вариантъ изъ Грозненскаго округа въ Былинахъ старой и нов. записи II стр. 272.

2) Гильфердингъ, № 239

Или: «Да вы здравствуйте, чумани цѣловальники!
«Да мнѣ дайте вина на пятьсотъ рублей,
«Да разопьюсь — мнѣ повѣрьте на тысячу»¹⁾).

Въ параллель съ тѣмъ же мотивомъ въ сахаровской казацкой пѣснѣ и въ былинахъ объ Ильѣ приведемъ колымскую, недавно изданную нами, пѣсню, записанную г. Богоразомъ отъ средне-колымскаго казака (со вставками отъ туземца же Кулдаря). Пѣсня рассказываетъ о появленіи въ Астрахани какого то «дѣтинушки, незнама человѣка», одѣтаго роскошно и бахвалящагося тѣмъ, что онъ не кланяется астраханскому губернатору. Этотъ «незнамушка» заходитъ во царевъ кабакъ и кричитъ цѣловальнику:

«Доставай ты мнѣ цѣльнаго спирту на пятьсотъ рублей,
«А съ товарищами (т. е. голью кабацкой) на три тысячи!
Говорить тутъ цѣловальничекъ довѣренной:
— «Что это, братцы, за питухъ пришелъ, за горькой пья-
ница?»

У дверей въ углу стояла голь кабацкая:
— «Что ты, цѣловальничекъ довѣренной, ошибаешься!
«Не питухъ тебѣ пришелъ, не горькой пьяница,
«По всей нашей Руси родовой казакъ».

.....
Тутъ споговорилъ Незнамушка:
— «Пей, гуляй, гольгѣбушка, на мой счетъ!».

До сихъ поръ пѣсня, подобно сахаровской, содержала приходъ въ кабакъ неизвѣстнаго лица, требованіе вина на крупную сумму для себя и товарищей и угощеніе голей, причемъ незнакомецъ оказывался казакомъ. Но колымская пѣсня спуталась съ извѣстной пѣснью о сынѣ Стеньки Разина, приходящемъ въ

1) Гильфердингъ, № 220.

Астрахань и угрожающемъ астраханскому губернатору. Поэтому вторая половина ея содержитъ уже другой сюжетъ, хотя, какъ увидимъ сейчасъ, съ значительными измѣненіями. Молодца Незнамушку увидалъ изъ окошка губернаторъ, велѣлъ его привести къ себѣ и сталъ выспрашивать (какъ въ пѣсняхъ о сынѣ Стеньки Разина):

— «Царь ли ты, царевичъ, или царскій сынъ,
«Король ли ты, королевичъ, королевскій сынъ?».

Незнамушка молчитъ, а голь кабацкая, сопровождающая его (чего нѣтъ въ пѣсняхъ о сынѣ Стеньки), говоритъ губернатору:

— Ахъ ты батюшка нашъ, ты ошибаешься!
«Пришелъ тебѣ не царь, не царевичъ и не царской сынъ,
«Не король, не королевичъ, королевской сынъ,
«По всей нашей Руси родовой казакъ (православный царь)
«Подъ названіемъ Петръ Алексѣвичъ!»

т. е. голь кабацкая узнала въ незнамушкѣ высокую персону, за что онъ говоритъ ей:

— «Чѣмъ тебя я, голытьбушка, пожалуй,
«Генераломъ ли, адмираломъ ли, тайнымъ совѣтникомъ?
«Принимай ты, генералушка, домъ и казну!
А неузнавшему его губернатору —
Говоритъ тутъ Петръ Алексѣвичъ:
— «На приходѣ добра молодца не потчивалъ,
На уходѣ добра молодца не учествовалъ,
Завтра съ тобой собакой перевѣдаю»¹⁾).

На нашъ взглядъ, колымская казацкая пѣсня во всякомъ случаѣ отзывается самозванщиной, хотя эпоха можетъ быть и

1) См. Извѣст. Отд. русс. яз. и слов. И. Акад. Наукъ 1904 т., IX, кн. 1-я стр. 38—39.

сомнительна: уже самый вопрос губернатора незнакомому молодцу, угощающему голя кабацкую, не царь ли онъ, царевичъ или королевичъ, говорить о временахъ, когда казаки выставляли царей и царевичей. Пѣсня, какъ мы упомянули, спуталась съ другою о сынѣ Стеньки Разина, но въ послѣдней нѣтъ доклада голей, что незнамый человекъ православный царь Петръ, и эта деталь принадлежала, очевидно, другой пѣснѣ. Въ моемъ комментарий къ пѣснѣ, я предположилъ; что она отзывается пугачевщиной, что вмѣсто Петра Ѳеодоровича, за котораго выдавалъ себя Пугачъ, здѣсь названъ царь (болѣе популярный) Петръ Алексѣевичъ¹⁾. Но возможна и другая точка зрѣнія, къ которой я склоняюсь въ настоящее время. Мнѣ кажется, что смѣшеніе двухъ пѣсенъ произошло именно по тому, что въ пѣсню о появленіи сына Стеньки Разина въ Астрахани были вставлены черты изъ другой пѣсни о (самозванномъ) царѣ Петрѣ (Ѳеодоровичѣ), т. е. казакѣ Илейкѣ, извѣстномъ въ той же Астрахани, и бывавшемъ въ ней, какъ видно изъ его біографіи. Если это правдоподобно, то получается слѣдующее уравненіе: въ *былинномъ* разказѣ о незнамомъ человекѣ, приходящемъ въ царевъ кабакъ, угощающемъ голей, угрожающемъ въ ссорѣ съ княземъ Владиміромъ смѣстить его и обѣщающемъ посадить голей предводителями, этотъ человекъ оказывается казакомъ (иногда донскимъ) Ильей Муромцемъ. Въ казацкой пѣснѣ, записанной г. Богоразомъ отъ объякутившихся потомковъ сибирскихъ казаковъ, уже въ теченіе многихъ поколѣній живущихъ на крайнемъ сѣверѣ Сибири, незнамушка, поящій голей, общающій ихъ прозвести въ генералы и проч. и угрожающій губернатору оказывается и «по всей нашей Руси родовымъ казакомъ», и православнымъ царемъ Петромъ Ѳеодоровичемъ (т. е. Лжепетромъ), если мы допустимъ путаницу въ отчествѣ царя. Итакъ одно и то же якшаніе съ голями, въ данномъ случаѣ, приписываетъ народная пѣсня и Ильѣ Муромцу, и Петру, на основаніи чего

1) Тамъ же стр. 43.

можно, кажется, предположить, что личность Лжепетра (Илейки) оставила слѣды и въ казацкой пѣснѣ, и въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ, ходившей въ казацкой средѣ, и, можетъ быть, создавшейся въ ней.

Пойдемъ далѣе. Люди, знавшіе самозванство вора Петрушки, и вѣроятно сами казаки въ своемъ кругу называли его его собственнымъ именемъ Илейкой. Такъ называютъ его и нѣкоторые современные лѣтонисцы. Можно поэтому поставить вопросъ, не оставилъ ли какихъ нибудь слѣдовъ казацкій самозванецъ въ народной пѣснѣ и подъ своимъ истиннымъ именемъ, какъ, предположительно, оставилъ ихъ подъ принятымъ именемъ Петра царевича (или Петра Федоровича въ разсмотрѣнной колымской пѣснѣ)? Здѣсь прежде всего нужно отмѣтить, что на ряду съ именами «Илья Муромецъ», «Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ», «осударь Илья Муромецъ», «старый казакъ Илья Муромецъ, или ласкательно «Илеюшка», «Илюшенька», «Юльютка», «Юлюшенька»¹⁾, нашъ народный богатырь называется иногда и Илейкой, какъ звали казацкаго самозванца. Такъ, требуя выдачи казака Ильи Муромца у кн. Владимира, подступившій къ Кіеву царь Баданъ Бадановичъ называетъ его, вѣроятно, вреннебрежительно Илейкой²⁾; такой же оттѣнокъ, повидному, имѣетъ это имя въ устахъ князей-бояръ, когда они докладываютъ князю Владимиру про пьянство Ильи:

«Ужъ ты вой еси, Владимѣръ стольней-кїевской!
Ише пѣ у тя Илейка-та по верьвой день,
Ише пѣ у тя Илейка-та да по второй день,
Ише нѣ у тя Илейка и по третей день;
Самъ ратнымъ онъ дѣломъ не заботитце, —
Вѣрно, хочѣ измѣнить у насъ подъ Кїевомъ»³⁾.

1) См. указатель къ Былинамъ старой и новой записи.

2) Бѣломорскія быliny, № 8, стр. 46, 47.

3) Бѣломорскія быliny, № 94, стр. 482.

Не проглядывает ли здѣсь въ самомъ имени Илейки презрительное отношеніе къ нему князей-бояръ, когда они, называя его такъ, указываютъ на его трехдневное пьянство? Вспомнимъ, что это—таже былина, въ которой раздраженный богатырь отзывается о князѣ Владимірѣ, какъ о *ворѣ*, а объ Апраксіи еще хуже, и честитъ князей-бояръ *брюшинниками* ¹⁾. Въ одной былинѣ у Кирѣвскаго ²⁾, въ которой описывается встрѣча съ Соловьемъ разбойникомъ, *Илейка*, противъ ожиданія, вопреки другимъ былинамъ, беретъ Соловья-разбойника себѣ въ помощники и вмѣстѣ съ нимъ освобождаетъ городъ Кряковъ ³⁾. Отиѣтимъ, что здѣсь *казакъ* Илейка является пріателемъ разбойника, а упоминаніе Крякова (вмѣсто Чернигова, Себежа, Смолягина и проч. другихъ вариантовъ), быть можетъ, объясняется налетомъ также Смутнаго времени, когда столица Польши городъ Кракъ, вслѣдствіе похода поляковъ съ Сигизмундомъ и затѣмъ Владиславомъ и другихъ перипетій войны съ Польшей, долженъ былъ часто упоминаться народной молвой. Въ другой былинѣ Кирѣвскаго неузнанный Илейко (слѣдовательно, переодѣтый) называетъ себя Никитой Заолѣшаниномъ ⁴⁾; Илейкой, старымъ казакомъ, называется Илья, также переодѣтый калкой, въ одной былинѣ изъ Архангельской губерніи ⁵⁾.

Такимъ образомъ, можно установить, что Илья Муромецъ въ былинахъ иногда носитъ въ точной формѣ обычное въ казачьей средѣ имя Лжецаревича Петра, т. е. Илейки, причѣмъ былинный носитель этого имени по выходкамъ напоминаетъ казачкаго Самозванца: ругаетъ князя, княгиню и бояръ, пьянствуетъ, беретъ себѣ въ товарищи разбойника Соловья. Не объясняется ли это сопркосновеніемъ историческаго Илейки съ его былиннымъ тѣзкой?

1) Тамъ же стр. 201—203.

2) Кирѣвскій, I, 36.

3) Кирѣвскій, IV, 4.

4) Кирѣвскій, IV, 47.

5) Кирѣвскій, IV, стр. 41.

Поищемъ другихъ былинныхъ данныхъ, въ которыхъ можно было бы усмотрѣть слѣды историческаго Илейки.

Въ своей статьѣ «Новые источники для изученія русскаго эпоса»¹⁾ г. Н. Квашнинъ-Самаринъ находитъ въ былинѣ Гильфердинга № 10 о князѣ Карамышевскомъ и разбойникѣ Ильѣ-кумѣ темномъ отношеніе къ самозванцу Илейкѣ (Лжепетру), и эту мысль, повидимому, раздѣляетъ Д. И. Иловайскій²⁾. Въ виду малой извѣстности этой рѣдкой былины рассмотримъ ее подробнѣе, чтобы высказаться за или противъ этого сопоставленія разбойника Ильи съ Илейкой.

Въ настоящее время она извѣстна по двумъ вариантамъ Гильфердинга и Маркова³⁾ и въ пересказѣ изъ Вологодской губерніи⁴⁾. Сравнимъ содержаніе олонецкаго и архангельскаго вариантовъ.

Въ первомъ рѣчь идетъ о князѣ Карамышевскомъ, поселившемся въ усадьбѣ на берегу Вятлы рѣки и давшемъ за мѣсто пятьсотъ рублей, хотя другіе князья-бояре давали ему за него и тысячу. На его почестный пиръ съ князьями-боярами приѣзжаетъ и кумъ темный Илья разбойникъ съ «дружиной хороброй» и съ Гришкой и Олешкой Баскаковымъ. Всѣ на пиру веселы, одинъ Илья разбойникъ сидитъ угрюмымъ. На обычный вопросъ, отчего онъ не ѣстъ, не пьетъ и не обидѣлъ ли его кто, разбойникъ отвѣчаетъ, что его никто ничѣмъ не обидѣлъ и продолжаетъ сидѣть угрюмымъ. Князь говоритъ тогда:

«Твое сердце знать розбойничко,
«На кой день же ты головушки не убьешь ли,
«На тотъ же день не мошь ты живъ же быть».

Отъ этихъ словъ у разбойника «мутно око помутилось, раз-

1) Русскій Вѣстникъ, 1874. Октябрь.

2) Историч. соч. II, стр. 119.

3) Гильфердингъ, № 10. Марковъ, Бѣломор. былины № 54.

4) Матеріалы по этнографіи Вологодск. губ. Труды Этногр. Отд. И. О. Л. Е. А. Э. т. XI, вып. I, стр. 198.

бойническое сердце розгорѣлось и съ кровью тутъ глаза да повернулись». Княгиня говорить объ этомъ князю и предостерегаетъ его. Князь говорить, что утѣшить разбойника, идетъ въ погреба глубокіе, насыпаетъ три мисы золота, серебра и каменье въ драгоценныхъ и подноситъ ему. Разбойникъ принимаетъ дары и благодарить:

- Благодарствуешь да князь-же Карамышевской
- За твои великіи подарочки.
- Ты не бойся-тко Ильи да кума темнаго,
- Кума темнаго разбойника,
- Со дружинишкой меня да со хороброю,
- Съ Гришкой нунь съ Олешкой со Баскаковымъ.
- Бойся-тко ты ноченьки нунь темныи,
- Темныи ты ноченьки осеннии. —

Князь успокаивается и пируетъ на радостяхъ, напившись до пьяна. Когда затѣмъ настали темныя ночи осеннія, Илья-разбойникъ объявляетъ своей дружинѣ собраться ночью «подъ мѣсто любимое» князя Карамышевскаго. Разбойники на *коломенкѣ* подплываютъ къ княжеской усадьбѣ. Княгиня по скрипу весель догадалась о томъ, какіе гости пріѣхали, и сообщаетъ князю объ этомъ.

- Говорить же было князь тутъ Карамышевской:
- «Не напился бы теперичку я до пьяна,
 - «Не боялся бы Ильи да кума темнаго.
 - «Кабы могъ я нунь ходить да на рѣзвѣихъ ногахъ,
 - «Могъ носить въ рукахъ бы я черливый вязъ,
 - «Не боялся бы Ильи да кума темнаго,
 - «Кума темнаго разбойника!».

Илья подслушалъ эти слова подъ окномъ, приказалъ Гришкѣ и Олешкѣ Баскаковымъ выставить двери концемъ бревна и заколотъ князя въ его «ложни теплыи». Тѣ отказываются, го-

вора, что у нихъ руки не поднимаются на это, такъ какъ они ѣли, пили у князя и получили честные подарочки. Тогда Илья самъ закалываетъ князя и велитъ имъ заколотъ княгиню «за люлечкой». Послѣ ихъ отказа онъ опять дѣлаетъ это самъ. Затѣмъ, когда они отказались, по его приказу, вынуть изъ люлечки младенчика и разорвать его на двое, онъ приканчиваетъ и младенчика звѣрскимъ образомъ. Разграбивъ имущество князя, Илья съ дружиной возвращается къ себѣ и скоро рѣшаетъ ѣхать въ Кіевъ, чтобы убить тамъ княжескаго сына Василя Ивановича Карамышевскаго. Собравъ дружину въ 40000, онъ половину оставляетъ въ полѣ, а съ другой приступаетъ къ Кіеву и угрожаетъ князю Владимиру войной. Князь убоился разбойника и пригласилъ его къ себѣ на пиръ съ его дружиной и ближайшими товарищами—Гришкой и Олешкой Баскаковымъ. Разбойникъ посаженъ на первое мѣсто, а князь молодой Василій Ивановичъ, племянникъ и крестникъ князя Владимира, долженъ, какъ чашникъ, разносить зелено вино. Онъ первую чару не донесъ, вторую перенесъ, третью не подалъ разбойнику. Тотъ съ помутившимися кровью глазами взглянулъ изподлбья на молодого князя и сказалъ Владимиру о его поступкѣ. На вопросъ князя Владимира, зачѣмъ онъ раздражилъ Илью, и на угрозу его казнить «за поступки неумильніи», Василій Ивановичъ расплакался и рассказалъ Владимиру, какъ Илья убилъ его отца, а Владимира зятя, мать и брата младенца. Тогда Владимиръ говоритъ ему:

- Ай же ты крестово мое дитятко . . .
- Буде мошь отлить ты кровь родительску,
- Буде мошь ты съ нимъ да нунь поправиться,
- Ты убей-ко нунь Илью да кума темнаго,
- Кума темнаго, разбойника.—

Василій Ивановичъ бросился на разбойника, ударилъ его до смерти «о кирпиченъ мостъ», сталъ имъ размакивать, выскочилъ на дворъ, схватилъ затѣмъ ось желѣзную и разогналъ ею всю

дружину разбойника. Князь Владимиръ благодарить его за мщенье.

Въ былинѣ А. В. Маркова дѣйствіе происходитъ въ городѣ Черниговѣ. Князь Семень Михайловичъ (фамилія не названа) устраиваетъ пиръ на радостяхъ по случаю рожденія ребенка княжича. Нянюшки-мамушки совѣтуютъ ему позвать кумомъ встрѣчнаго; князь встрѣтилъ разбойника тѣмнаго¹⁾ Илью Кліманта и пригласилъ его. Княгиня, увѣдѣвъ подозрительнаго кума, просить князя отказаться отъ него, но мужъ не соглашается, опасаясь мести. Послѣ крестинъ на пиру Илья сидитъ насупившись и на вопросъ князя говоритъ почти тоже, что въ вариантѣ Гильфердинга:

— Ты не бойся, мой крестовый кумъ Семёнъ Михайловичъ,
Ты не бойсе среди да дня ты бѣлого;
Ты побойсе во полночь хошь ночки тѣмныя;
Ты споменѣшь всё тогда кумá крестоваго! —

Князь говоритъ, что поставитъ вѣрныхъ караульщиковъ и запретъ «заморскими замочками», чтобы Илья къ нему не вломился. Однако княгиня совѣтуетъ ему умиловить раздраженнаго кума, и князь подноситъ ему подарокъ. Илья беретъ его, но, не сказавъ спасибо, уходитъ съ почернѣвшимъ отъ гнѣва лицомъ. Князь съ княгиней всю эту ночь не спали и молились Богу. На другую ночь князь говоритъ, что не стоитъ запирается и ставить караульщиковъ, такъ какъ кумъ крестовый уѣхалъ къ себѣ. Но у разбойника была шапка-невидимка, онъ среди дня зашелъ въ домъ и легъ съ саблей подъ кровать. Въ полночь онъ поднялся и отсѣкъ головы князю, княгинѣ и крестнику. Тутъ ему брызнула въ лицо горячая кровь младенца, и онъ ослѣпъ. Тогда онъ закричалъ:

1) Т. е. слѣпого; онъ ослѣпъ послѣ, но прозваніе уже заранѣе прилагается къ нему. *Замѣч. Собирателя.*

«Вы сѣките, вы рубите мою грѣшну голову!
Шьчо засѣкъ я своего кума любимого,
Я засѣкъ-то свою куму любимую,
У крестового у дитятка отсѣкъ я буйну голову;
Мнѣ попала кровь горяча во ясны очи». —
Захватили тутъ его всё за черны кудри,
Увезли они ево на полѣ на Куликово,
Шьчо отсѣкли, отрубили буйну голову.

Въ обоихъ пересказахъ, значительно расходящихся между собой, мы имѣемъ одинъ изъ любимыхъ народомъ разсказовъ о разбойникахъ. Олонецкій вариантъ носитъ характеръ былины, прикрѣпившейся во второй своей половинѣ къ Кіеву и Владимиру, архангельскій—скорѣй легенды или сказки. Первый полнѣе и во всѣхъ отношеніяхъ интереснѣе. Легендарныя и сказочныя черты архангельскаго пересказа—исканіе кума крестового въ первомъ встрѣчномъ, встрѣчающееся въ сказкахъ, шапка-невидимка, небесная кара злодѣю за убіеніе невиннаго младенца, ослѣпленіе его брызнувшей кровью и раскаяніе. Олонецкій вариантъ представляетъ образчикъ того, какъ сложившаяся въ народѣ эпическая пѣсня о какомъ-то лютѣмъ разбойникѣ перерабатывается въ былинну, на которую наслоились при былинныхъ чертахъ, повидимому, и нѣкоторыя историческія. Убитый Ильей-разбойникомъ князь носитъ историческое имя — Ивана Карамышевскаго, т. е. Карамышева. Мы уже встрѣтили его выше въ пѣснѣ объ осадѣ Пскова, въ которую онъ попалъ какъ воевода, отразившій Сигизмунда отъ Волока-Ламскаго въ 1612 г. въ концѣ смутнаго времени. Тотъ же Иванъ Константиновичъ Карамышевъ, провожая въ 1630 г. турецкое посольство, былъ убитъ на Дону «воровскими» казаками и, можно думать, что этимъ фактомъ объясняется имя, данное былинной убитому разбойниками князю, хотя, судя по мѣстожителству на р. Вятлѣ убитое лицо могло носить раньше другое имя. Если въ преданіи, обработанномъ въ былинну, князь получилъ имя исто-

рическаго лица, то, быть можетъ, и его убійца, кумъ темный Илья, получилъ имя и нѣкоторыя черты историческаго «вора» Илейка. Былина изображаетъ его слишкомъ могущественнымъ для простаго разбойника: у него дружина хоробрая (а не простая шайка), съ силой въ 40000 онъ подступаетъ къ Кіеву, устрашаетъ кн. Владимира, какъ какой-нибудь татарскій царь Калинъ, Батыга и проч. Князь ухаживаетъ за нимъ на пиру, какъ за Тугариномъ. Эти черты уже напоминаютъ Илейку съ его многочисленнымъ войскомъ, разбивавшимъ царскія войска и бравшимъ города. Далѣе—Илья-разбойникъ представленъ какимъ-то безпричинно ожесточеннымъ извергомъ, убивающимъ ни въ чемъ неповинную княжескую семью, въ благодарность за угощеніе и подарки, и замышляющимъ убіеніемъ послѣдняго княжича Василя Ивановича искоренить ее до тла. По свидѣтельству историковъ, «Илейка отличался хищнымъ разбойничьимъ характеромъ и, какъ истый представитель чернаго народа, особенно свирѣпствовалъ противъ бояръ и дворянъ. Многихъ попавшихъ въ его руки онъ замучилъ; между прочимъ князя Андрея Бахтеярова, бывшаго прежде Путивльскимъ воеводой, Илейка не только убилъ, но и опозорилъ его боярскую честь, въ лицѣ его дочери»¹⁾. Съ этой стороны Илья-разбойникъ и Илейка похожи другъ на друга. Если далѣе Илья-разбойникъ плаваетъ по рѣкѣ на *коломенкѣ*²⁾, то и это напоминаетъ волжскія и вятскія походы Илейки, причѣмъ, можетъ быть, и имя рѣки Вятлы объясняется искаженіемъ названія р. Вятки. Судьба былиннаго Илья-разбойника и историческаго Илейки почти одинакова: Илья-разбойникъ, по варианту Маркова, былъ казненъ отсѣченіемъ головы на полѣ Куликовомъ, Илейка былъ повѣшенъ въ Москвѣ. Вспомнимъ при этомъ, что поле Куликово по историческимъ московскимъ пѣснямъ находится въ Москвѣ и служить мѣстомъ казни. На немъ Малюта Скуратовъ готовился отсѣчь голову ца-

1) Иловайскій. Истор. соч. II, стр. 114—115.

2) Суда плавающія по Волгѣ, Камѣ, Вяткѣ.

ревичу Теодору¹⁾. Наконецъ нельзя не обратить вниманіе и на слѣдующее совпаденіе: Илейка былъ казнень царемъ Василиемъ Ивановичемъ, Илья кумъ—темный разбойникъ—убить княземъ Василиемъ Ивановичемъ. Конечно, въ способъ расправы со злодѣями нѣтъ ничего общаго: въ былинѣ передъ нами обычный былинный богатырь, машущій трупомъ или осью желѣзной, разгоняющій цѣлое полчище; но почему никому неизвѣстный сынъ князя Ивана Карамышева получилъ имя, совпадающее съ именемъ царственного противника Илейки? Если это не игра случая, то и въ этомъ, какъ въ другихъ указанныхъ выше чертахъ, можно, пожалуй, видѣть слѣдъ, наложенный на былинку лицами и событиями Смутнаго времени. Можетъ быть, въ именахъ главныхъ приспѣшниковъ Ильи-разбойника Гришкѣ и Олешѣ Баскаковыхъ (или Баскаковѣ) также окажутся имена какихъ нибудь извѣстныхъ народной молвѣ лицъ Смутнаго времени. Но лично я не припоминаю таковыхъ. Такъ же не берусь объяснить названія разбойника Ильи «кумомъ тѣмнымъ» т. е. слѣпымъ; развѣ только можно предположить, что легенда о разбойникѣ, ослѣпнувшемъ отъ пролитой крови младенца (ср. вариантъ Маркова), была передѣлана въ былинку (вар. Гильфердинга) съ значительной переработкой, т. е. прибавленіемъ всей второй части причемъ, какъ нерѣдко встрѣчается въ наивныхъ народныхъ передѣлкахъ, старшій эпитетъ («кумъ тѣмный») былъ машинально сохранень, хотя кумъ тѣмный отлично видитъ ночью, закалываетъ цѣлую семью и идетъ походомъ на Кіевъ. Архангельскій рассказъ, носящій легендарный характеръ, не внесъ въ себя никакихъ историческихъ именъ: князь не называется Иваномъ Карамышевскимъ, а Семеномъ Михайловичемъ (безъ фамильнаго имени). Разбойникъ называется Ильей Климантовымъ, и если его имя не отголосокъ историческаго Илейки, то, быть можетъ, разбойникъ, о которомъ сложилась легенда, дѣйствительно, въ основномъ рассказѣ назывался Ильей, а это имя, совпавшее съ име-

1) Оичуковъ № 92 стр. 371. См. Бѣломор. былины стр. 51, 192, 280, 477.

немъ жестокаго «вора» Илейки, притянуло къ себѣ нѣкоторыя черты послѣдняго и имена другихъ лицъ той же эпохи¹⁾. Какъ бы то ни было, намъ кажется, что въ разсмотрѣнной былинѣ, сложенной, вѣроятно, не раньше половины XVII-го столѣтія, когда въ народной памяти наступила обычная путаница по отношенію къ событіямъ начала вѣка (мы имѣемъ въ виду не близкихъ къ событіямъ лицъ, а простонародье отдаленныхъ отъ центра мѣстъ, куда событія доходятъ нерѣдко въ совершенно извращенномъ видѣ), мы имѣемъ достаточно данныхъ видѣть нѣкоторые отголоски событій смутнаго времени, связанныхъ съ именемъ Илейки, какъ это предположилъ Квашнинъ Самаринъ, не остановившись на подробной мотивировкѣ своей догадки.

Мы видѣли, что Д. И. Иловайскій усматриваетъ отголосокъ плаванья историческаго Илейки съ воровскими казаками по Волгѣ и Каспійскому морю въ извѣстной пѣснѣ объ Ильѣ-Муромцѣ на Соколѣ-кораблѣ. Въ подтвержденіе этого предположенія можно бы привести слѣдующее. Пѣсня объ Ильѣ на Соколѣ кораблѣ единственная, въ которой народному богатырю приписывается необычная ему роль мореплавателя, принадлежащая въ нашихъ былинахъ, какъ извѣстно, новгородскимъ персонажамъ Васыкѣ Буслаеву и Садкѣ. Изъ «кіевскихъ» былинныхъ лицъ только эпическій женихъ Соловей Будимировичъ прѣзжаетъ изъ-за моря на кораблѣ въ Кіевъ, но и эту былинку мы заподозрили въ новгородскомъ происхожденіи²⁾. Въ недавно найденной архангельской былинѣ о князѣ Глѣбѣ Володьевичѣ, выручающемъ русскіе корабли, забранные Маринкой на морѣ у Корсуны, быть можетъ, сохранились очень старыя отголоски. Но вообще Илья Муромецъ «сухопутный» богатырь, какъ другіе богатыри кіевского цикла, которые вмѣстѣ съ нимъ на коняхъ

1) Можно встать замѣтить, что второе имя разбойника Ильи *Климантова* напоминаетъ имя царевича *Клементія*, самозванца, выдававшего себя за сына царя Феодора Юанновича въ смутное время.

2) См. наши Очерки стр. 219.

пріѣзжаютъ даже въ Царьградъ! Въ этой необычной роли мореплавателя Илья Муромецъ неизвѣстенъ въ нашихъ главныхъ очагахъ былинной традиціи: пѣсня объ Ильѣ на Соколѣ-кораблѣ была записана въ Поволжьѣ (Саратов. губ.) на Уралѣ (и Терекѣ) у казаковъ и зашла съ казаками же въ восточную Сибирь на Колыму. Можно поэтому думать, что она произведение рѣчной «вольницы», можетъ быть волжскихъ разбойниковъ. Только въ одной архангельской былинѣ¹⁾, гдѣ Илья Муромецъ представленъ любовникомъ Маринки, онъ рассказываетъ сыну Подсокольникову, что сошелся съ его матерью, когда «сходилъ по синю морю» и его «заметало къ ней погодушкой великою». Но мы уже раньше отмѣтили въ этомъ позднее наслоеніе смутной эпохи. Далѣе можно указать на то, что Соколѣ корабль, по былинѣ, плаваетъ по морю Хвалынскому двѣнадцать или даже тридцать лѣтъ, такъ что дѣло идетъ не о случайной поѣздкѣ а объ обычномъ плаваніи, что опять говоритъ въ пользу казачьяго происхожденія пѣсни²⁾. Притомъ, какъ хозяинъ этого дивно разукрашеннаго корабля, Илья Муромецъ никогда не называется старымъ, какъ обычно въ былинахъ, а просто добрымъ молодецъ³⁾ т. е. молодымъ удалцомъ, какъ и его спутники: Добрыня, Алеша⁴⁾. Казачье происхожденіе пѣсни подтверждается и тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ версіяхъ Илья замѣненъ Стенькой Разинымъ, котораго корабль назывался «Соколомъ»⁵⁾, а также самымъ содержаніемъ этого похода Илья въ болѣе полныхъ вариантахъ. На корабль Илья нападаетъ Турскій царь Салтанъ Салтановичъ (съ донскими казаками), Илья Муромецъ велитъ Добрынѣ принести себѣ его тугой лукъ, пускаетъ въ Салтана

1) Бѣломор. был. № 4, стр. 57.

2) Был. ст. и нов. зап. стр. 63. Новая запись был. въ Якут. обл. отд. оттискъ стр. 40.

3) Колымская былина см. мою статью: Нов. записи былинъ въ Якутск. обл. стр. 40 (отд. оттиски).

4) Тамъ же.

5) Или Илья Муромецъ вмѣстѣ съ Разинымъ на Соколѣ кораблѣ см. Сахаровъ I казацкія пѣсни стр. 244.

стрѣлу съ наговоромъ и вѣроятно ранить его, такъ какъ послѣдній, по одному варианту, заклинается обычными словами:

«Не подай, Боже, водиться съ Ильей Муромцемъ,
Не дѣтямъ нашимъ, не внучатамъ,
Не внучатамъ, не правнучатамъ,
Не правнучатамъ, не пращурятамъ»¹⁾).

Въ другомъ вариантѣ, на Соколъ корабль налетаетъ сизый орелъ и едва не топить его. Илья поражаетъ его стрѣлою²⁾. Въ другихъ — на корабль нападаютъ крымскіе или горскіе татары съ калмыками³⁾, и Илья отпугиваетъ ихъ самымъ страннымъ образомъ, поводя тросточкой по чудеснымъ пуговкамъ своего кафтана рудожелтой камки, вслѣдствіе чего вставленные въ пуговкахъ въ яхонтахъ лютые звѣри начинаютъ страшно реветь⁴⁾. Во всякомъ случаѣ Илья на Соколѣ подвергается какому то нападенію, и дѣло идетъ о стычкѣ на морѣ, которая совершенно чужда нашему «степному» эпосу. Поэтому, дѣйствительно допустимо предположеніе, что «молодой», роскошно одѣтый хозяинъ Сокола-корабля Илья Муромецъ — отголосокъ молодого самозванца Илейки Муромца, дѣйствительно разбѣзжавшаго съ казачами по Хвалынскому морю и сталкивавшася на Терекѣ съ горскими народами.

Разсмотримъ теперъ карачаровское преданіе о запруженіи Ильей Муромцемъ рѣки Оки, которое Д. И. Иловайскій ставитъ въ связь съ запруженіемъ Упы какимъ-то Муромцемъ Оомой Кровковымъ, вслѣдствіе чего самозванецъ Илейко и Болотниковъ были принуждены сдать въ Тулѣ. Уже въ «Экскурсахъ» я указалъ на то, что это мѣстное карачаровское преданіе отра-

1) Был. ст. и нов. записи II № 16 стр. 64—65.

2) Тамъ же № 17 и прилож. стр. 276.

3) Кирѣевскій I стр. 22, 40. Нов. был. Якут. обл. отд. оттискъ стр. 40.

4) Перенесеніе изъ былинь о Дюкѣ.

зилось и на былинахъ. Какъ по преданію цѣлью запруженія Оки была защита карачаровцевъ отъ разбойниковъ, такъ, по нѣкоторымъ былинамъ¹⁾, Илья Муромецъ, чтобы проѣхать къ Соловью-разбойнику и расправиться съ нимъ, вырывая съ корнемъ дубы запруживаетъ рѣку Смородину, чтобы переѣхать на другой берегъ, гдѣ на дубу устроился Соловей-разбойникъ. Это свидѣтельствовало бы объ извѣстности чудеснаго подвига Ильи Муромца, но прикрѣпленіе его къ народному богатырю могло быть вызвано народной, конечно, приукрашенной молвой о необыкновенномъ запруженіи рѣки (Упы) въ борьбѣ съ «ворами» разбойниками. Имя рѣки и точныя обстоятельства этого событія, конечно, были позабыты съ теченіемъ времени; помнился только самый фактъ, какъ необыкновенный, чудесный, и какая то связь его съ разбойниками. Этихъ глухихъ отголосковъ было достаточно, чтобы народная фантазія приписала этотъ чудесный подвигъ, какъ многіе другіе, своему любимому богатырю, подобно тому, какъ народная молва о нашествіи басурманъ на Царьградъ (т. е. о паденіи Константинополя въ руки турокъ) вызвала былинну о поѣздкѣ Ильи въ Царьградъ и убіеніи имъ идолища поганого. А что взятіе Тулы посредствомъ затопленія ея запрудой Упы было дѣйствительно дѣломъ необыкновеннымъ, сказочнымъ, объ этомъ говорятъ и современныя извѣстія. По Никоновской лѣтописи, когда Оома Суминъ сказалъ царю Василю: «дай мнѣ пособи, язъ де потоплю Тулу», то «царь и бояре *посмѣяхусь ему*, какъ ему градъ Тулу потопить; онъ же съ прилежаніемъ къ нему: *вели меня казнить, будетъ не потоплю Тулы*. Царь же Василей даде ему на волю; онъ же повелѣ со всей рати со всякаго человѣка привести по мѣшку съ землею, и нача рѣку подъ Тулою прудити, вода учала прибывати. Царь же Василей, видя его промышленія, наипаче ему повелѣ совершати и повелѣ ему дати на пособъ мельниковъ; онъ же рѣку запрудилъ и градъ

1) Кирѣевскій I 81, Приложение № 1. Срв. также Рыбниковъ I стр. 35; II 326; III 17, 26; IV 9. Ончуковъ стр. 83 Бѣломор. былинны стр. 347.

Тулу потопилъ совсѣмъ»¹⁾. Въ рукописи Филарета этотъ «хитро-родѣлательецъ» оказывается воинномъ града Муромъ и называется Мѣшкомъ Кровковымъ²⁾, причемъ странное имя Мѣшокъ объясняется, вѣроятно, мѣшками, употребленными для запруженія рѣки³⁾. То и другое извѣстіе уже отзываются народной молвой, любящей придавать событіямъ эпическія черты. Вспомнимъ обычное въ сказкахъ и былинахъ недовѣріе царя къ какому нибудь предложенію или подвигу сказочнаго героя, осмѣяніе его, и затѣмъ готовность героя быть предану смерти, въ случаѣ несовершенія подвига. Что тульское потопленіе было предметомъ народныхъ пересказовъ и размалевокъ, видно изъ сообщаемой Бергомъ басни, будто одинъ старый монахъ-чародѣй обѣщаль осажденнымъ въ Тулѣ Лжепетру и Болотникову разрушить плотину, затопившую городъ, требуя за это сто рублей въ награду. Онъ раздѣлся, бросился въ воду; вдругъ послышался въ глубинѣ страшный шумъ; монаха не видно было болѣе часу; всѣ думали что онъ попался въ когти дьяволу. Но чародѣй наконецъ выплылъ, только весь испарянный, и на вопросъ, гдѣ онъ такъ долго былъ, отвѣтствовалъ: «Не дивитесь! Мнѣ было довольно дѣла: 12000 бѣсовъ помогали Шуйскому сдѣлать плотину и запрудить Упу. Съ ними то я все возился, не щадя себя, какъ вы можете судить по этимъ язвамъ; 6000 бѣсовъ я склонилъ на нашу сторону; но прочіе 6000, самые злобные, не даютъ разрушить плотину; съ ними я не могъ сладить!»⁴⁾. Здѣсь мы прямо на народной почвѣ: безъ содѣйствія бѣсовъ не могло обойтись такое чудесное дѣло, какъ затопленіе Тулы. Можетъ быть, и будто бы командированные къ хитрецу въ помощь мельники по-

1) Карамзинъ XII примѣч. 152. Ср. Лѣтопись о многихъ матажахъ 1788 стр. 122.

2) Тамъ же.

3) Срв. прозвище схороненнаго въ Кіевѣ богатыря «Чеботокъ», объясняющеея тѣмъ, что онъ чеботомъ расправился съ неприятелемъ.

4) Беръ. Лѣтопись Московская, въ Сказан. Современниковъ о Д. С. изд. 3. Ч. I. Спб. 1859 стр. 90.

пали въ преданіе потому, что мельники и до сихъ поръ подозрѣваются въ близкомъ знакомствѣ съ водяными, живущими у плотинъ¹⁾).

Вообще современные извѣстія даютъ достаточно данныхъ для заключенія, что тульское потопленіе въ устахъ народа получило сказочный характеръ и, какъ бродячая легенда, могло прикрѣпиться къ Ильѣ Муромцу. Во всякомъ случаѣ мы можемъ здѣсь видѣть также слѣдъ смутнаго времени, оставшіяся на подвигахъ былиннаго богатыря, хотя самозванецъ Илейко, быть можетъ, здѣсь ни причемъ.

Приводя и съ своей стороны нѣкоторыя былинныя данныя и нѣкоторыя соображенія въ пользу мысли Д. И. Иловайскаго о возможномъ отраженіи личности и дѣйствій историческаго Илейки въ былинахъ и сказаніяхъ объ Ильѣ Муромцѣ, мы однако не можемъ скрыть и нѣкоторыхъ слабыхъ сторонъ этой аргументаціи. Такъ, можно предположить, что въ пѣсню, вѣроятно казацкую, о Соколѣ-кораблѣ Илья былъ внесенъ, при атаманѣ Разинѣ или вмѣсто него, только потому, что имя богатыря было популярно среди лицъ, пѣвшихъ эту пѣсню. Вмѣстѣ съ Ильей Муромцемъ на Соколѣ-корабль сажаютъ и другихъ былинныхъ богатырей — Добрыню и Алешу съ такимъ же правомъ. Вѣдь корабль Стеньки Разина дѣйствительно назывался Соколомъ, а въ нападеніи его на Ора видятъ стычку Разина съ *орлеными* казенными судами на Волгѣ. Поэтому, быть можетъ, связь Ильи Муромца съ историческимъ Илейкой здѣсь сомнительна. Если далѣе историческое потопленіе Тулы запру-

1) Навный Беръ, раздѣляя мнѣніе своего вѣка приводя басню о чародѣй-монахѣ, не отвергаетъ возможности дѣйствія колдовства и нечистой силы. Онъ самъ говоритъ что Василій Шуйскій, не получая помощи отъ Бога, обратился къ дьяволу: пустился колдовать, собралъ всѣхъ чернокнижниковъ, какихъ только могъ найти, приказывалъ вырѣзать младенцевъ изъ чрева беременныхъ женъ, и убивать коней, чтобъ достать сердце; все это зарывали въ землю около того мѣста, гдѣ стояло царское войско. Оно было невредимо, увѣряли чародѣи, доколѣ не выходило за черту; но лишь только переступало ее, всегда было поражаемо. (Тамъ же стр. 98).

дой рѣки Упы было связано съ Илейкой, то отсюда еще нельзя заключать, что сходное преданіе о запрудѣ Оки было прикрѣплено къ Ильѣ Муромцу именно вслѣдствіе совпаденія именъ богатыря и Илейки. Д. И. Иловайскій предполагаетъ, что въ карачаровскомъ преданіи, какъ это часто бываетъ, факты и лица спутаны, то, что было сдѣлано противъ Ильи, отнесено къ его подвигамъ¹⁾. Но и здѣсь возможно предположеніе, что казавшійся чудеснымъ, сказочнымъ фактъ, съ давно позабытыми именами и подробностями, могъ впоследствии быть приписанъ народному богатырю, какъ одинъ изъ его первыхъ еще домашнихъ подвиговъ, безъ всякаго отношенія къ Илейкѣ, тѣмъ легче, что вырываніе деревьевъ (дубовъ) съ корнемъ есть типическій образчикъ силы богатырей, не одного Ильи Муромца, но и другихъ. Далѣе Д. И. Иловайскій предполагаетъ, что происхожденіе историческаго Илейки изъ города Мурома особенно содѣйствовало сближенію съ нимъ былиннаго Ильи Муромца. «Съ тѣхъ поръ богатырь Илья, по словамъ Д. И. Иловайскаго, — представляется не только казакомъ, но и окончательно закрѣпляется за Муромомъ. По всей вѣроятности, дальнѣйшимъ фазисомъ этого закрѣпленія и вмѣстѣ демократизаціи богатыря было приуроченіе его къ подгородному селу Карачарову и къ крестьянскому роду»²⁾. Однако самъ Д. И. Иловайскій предполагаетъ, что Илья Муромецъ былъ извѣстенъ въ Муромѣ уже въ XVI в.: на это «мы имѣемъ намеки въ Сотной (выписи) Муромскаго посада 1574 года (Акты юрид. № 229): тутъ, кромѣ храма св. Ильи и Большой Ильинской улицы, упоминается *Богатырева гора* «противъ Оки рѣки» и еще *Скокова гора*, очевидно, намекающая на скоки или ускоки богатырскаго коня Ильи Муромца»³⁾. Если это такъ, то происхожденіе историческаго Илейки изъ Мурома едва ли содѣйствовало какъ нибудь окончательному прикрѣпленію бы-

1) Истор. Соч. II, стр. 126.

2) Истор. Соч. II, стр. 116.

3) Тамъ же, стр. 110.

линнаго богатыря къ Мурому. Вообще для того, чтобы доказать, что муромское происхождение Илейки имѣло какое нибудь значеніе для сближенія обѣихъ личностей — былинной и исторической, — нужно было бы знать, носилъ ли, какъ обычное имя, въ своемъ кругу и въ народной средѣ Илейко кличку *Илья Муромецъ*. Его происхождение изъ Мурома намъ извѣстно изъ показаній, данныхъ имъ подѣ пыткой при допросѣ. Если этотъ фактъ и былъ оглашенъ правительственными грамотами, то все же нѣтъ данныхъ для сужденія, получилъ ли онъ въ свое время широкое распространеніе и повліялъ ли онъ на прибавленіе къ имени Илейки эпитета «Муромецъ». Вѣдь при жизни самозванца его настоящее имя и происхождение скрывались его сторонниками и были извѣстны только въ интимномъ, если такъ можно выразиться, кругу. Мы до сихъ поръ не знаемъ, какое лицо играло роль Тушинскаго вора, и о личности Лжедмитрія перваго существуетъ цѣлая литература. Да и о личности Лжепетра, судя по свидѣтельствамъ современныхъ ему лѣтописцевъ, какъ указываетъ самъ Д. И. Иловайскій, существовала въ его время значительная разногласица: такъ въ одномъ хронографѣ онъ даже именуется «родомъ Звенигородецъ, художествомъ гончаръ»; поэтому въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ ему дается фамилія Гончарова или Гончаровскаго, а въ другихъ эта фамилія переименовывается въ Горчакова, въ третьихъ онъ считается холопомъ Свяжскаго стрѣleckаго головы Елагина. (Никонов. Лѣт. о мятежахъ, Палицынъ, Нов. Лѣт., Иное сказ., Псковская, три хронографа у Андр. Попова, Рукоп. Филарета)¹⁾.

При такой путаницѣ въ свѣдѣніяхъ книжныхъ людей о Лжепетрѣ, можно ли утверждать, что въ народной средѣ онъ былъ лучше извѣстенъ, и что его называли не только крестнымъ именемъ но даже знали, что онъ родомъ изъ Муромы и прилагали ему кличку по его родному городу? Такъ какъ сторонники Илейки официально выдавали его за Петра царевича и называли этимъ

1) Тамъ же, стр. 116.

именемъ, мы выше сдѣлали предположеніе, что это имя, быть можетъ, сохранилось въ имени коварнаго сына Ильи Муромца, прижитаго имъ съ дѣвкой Сиверьяничной — Петръ царевичъ; но и здѣсь возможно предположеніе, что послѣднее имя попало въ былины изъ какихъ нибудь сказокъ. Въ колымской казацкой пѣснѣ въ незнамушкѣ царь Петръ, угощающемъ голей въ кабацѣ, также нельзя съ полной увѣренностью видѣть Лжепетра, такъ какъ можно допустить также слѣдъ пугачевщины и видѣть въ царѣ Петрѣ Пугача, выдававшего себя за императора Петра Федоровича. Нѣкоторыя сомнѣнія можетъ вызвать и предложенное нами, вслѣдъ за Квашнинымъ Самаринымъ и Д. И. Иловайскимъ, сближеніе разбойника Ильи кума темнаго съ Илейкой. Словомъ, я думаю, что разсмотрѣнныя выше историческія и былевыя данныя только дѣлаютъ допустимымъ предположеніе объ отголоскахъ личности Илейки въ типѣ Ильи Муромца, но не даютъ нашимъ сопоставленіямъ полной убѣдительности, такъ что намъ приходится оставить ихъ пока «подвопросными». «Казачество» Ильи Муромца, его отношенія къ князю Владимиру, князьямъ, боярамъ, голи кабацкой и нѣкоторыя другія черты этого народнаго богатыря могутъ быть объясняемы, какъ отложенія смутнаго времени, независимо отъ допустимаго, но не вполне доказаннаго, вліянія личности историческаго Илейки.

При болѣе внимательномъ изученіи былинныхъ данныхъ вѣроятно окажутся еще нѣкоторые слѣды отъ того же времени, но и разсмотрѣнныхъ нами достаточно для утвержденія, что этотъ періодъ наложилъ на нашъ былевой эпосъ не менѣе глубокую печать, чѣмъ царствованіе Ивана Грознаго. Резюмируя результаты наши изслѣдованія, мы припомнимъ, что отголоски смутной эпохи звучатъ не только въ историческихъ пѣсняхъ XVII-го вѣка (о Ксеніи, Лжедмитріи, Скопинѣ-Шуйскомъ и др.), но и въ пѣсняхъ объ Иванѣ Грозномъ, въ многочисленныхъ смѣшеніяхъ лицъ и фактовъ.

Переходя къ собственнымъ былинамъ, мы нашли въ нихъ отголоски цѣлаго ряда лицъ и событій смутнаго времени: слѣды

углицкой смуты (въ былинѣ о Саулѣ), Гришку Разстрижку, Скопина-Шуйскаго, Марину, Лжепетра и др. Эпось помнить доселѣ о казакахъ, «ворахъ», «шипахъ», панахъ. Личность народнаго богатыря, какъ и слѣдовало ожидать, въ средѣ казаковъ и при разгулѣ народныхъ страстей, особенно сильно восприняла на себя окраску этой эпохи. Мы нашли ея слѣды во многихъ былинныхъ сюжетахъ, связаннымъ съ Ильей Муромцемъ (Ссора Илья съ Владимиромъ, Илья и голи, Илья и сынъ, Илья и Соловей-разбойникъ, Илья на Соколѣ-кораблѣ) и пришли къ убѣжденію, что ею объясняются нѣкоторыя стороны самого характера народнаго богатыря въ его рѣзкихъ проявленіяхъ: грубыя выходы противъ князя Владимира, ненависть къ князьямъ-боярамъ, стрѣлянье по церковнымъ маковкамъ, якшаніе съ голями, разгромъ «царевыхъ» кабаковъ и др. Эти черты получилъ старый богатырь въ казацкой, овладѣвшей имъ, средѣ, почему и самъ сталъ старымъ казакомъ, иногда донскимъ атаманомъ.

Мы не льстимъ себя надеждой на то, что всѣ указанные выше слѣды смутнаго времени въ былинахъ равно убѣдительны. Нѣкоторыя сближенія и сопоставленія останутся не болѣе какъ домыслами, и могутъ нѣкоторымъ показаться рискованными. Вообще въ такихъ разысканіяхъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ матеріаломъ бродячимъ изъ устъ въ уста, постоянно измѣняемымъ и искажаемымъ, не можетъ быть рѣчи о полной убѣдительности и всесторонней доказательности. Лица, мало знакомыя съ размѣрами и съ характеромъ искаженій и перевираній, которымъ подвергаются слухи о политическихъ событіяхъ въ народной средѣ, особенно въ глухихъ мѣстахъ, каковы наши былинныя районы Олонецкій и Архангельскій, могутъ, конечно, найти нѣкоторыя изъ нашихъ догадокъ слишкомъ смѣлыми. Но для нихъ я ограничусь однимъ яркимъ примѣромъ, хотя таковыхъ можно бы привести немало. Глухіе слухи о недовольствѣ дворянъ отмѣной крѣпостнаго права въ связи съ молвой о покушеніяхъ, которымъ подвергалась жизнь царя Александра II-го, дали въ самомъ нелѣпомъ сочетаніи странную пѣсню, недавно записан-

ную въ Архангельской губерніи гг. Ончуковымъ и Григорьевымъ. Въ ней поется, что въ «непоказанное время царя требуютъ въ сенотъ».

Царь не долго снарежался,
На емскихъ царь отъѣзжалъ,
Да не кому царь не сказалъ,
Только вѣску брату¹⁾ далъ
Во коляску братъ садился,
Ко сеноту подъѣзжалъ,
Да пухову шляпу снялъ,
Да часовымъ чесь воздавалъ:
Ужъ вы здраствуйте, ребята,
Сенаторская стража:
Не видали-ли, робята,
Не прошелъ-ли офицеръ?
Они другъ на друга взглянуть,
Говорять, что не прошелъ.
Одинъ парень чернобровой,
Чёрнымъ глазикомъ повёлъ:
«Государь въ сенотъ зашолъ».
А Костя саблю обнажалъ,
Да часовымъ головки снялъ,
Да единого²⁾ съ собой взялъ;
Трои двери проломалъ,
Да до четвертыхъ доступалъ,
Да онъ четверты проломалъ.
Да на колѣняхъ царь стоитъ,
Передъ нимъ полковникъ ходитъ:
— Поскорѣй царь подпишись,
Да не долга твоя жись».

1) т. е. В. К. Константину Николаевичу.

2) т. е. того черноброваго парня, который выдалъ тайну.

Сенаторы всѣ стоятъ,
Да царю смертію грозятъ ¹⁾.

Пѣсня не описываетъ дальнѣйшихъ поступковъ царскаго брата Кости, но слѣдуетъ думать, что онъ богатырски расправился съ сенаторами и спасъ царя.

Вотъ въ какую фантастическую и нелѣпую форму облеклись слухи доходившіе на сѣверъ о событіяхъ царствованія Александра II-го. Мы догадываемся, что дѣло идетъ именно объ этомъ императорѣ, такъ какъ въ одномъ вариантѣ онъ прямо названъ Александромъ; намъ ясно, что подъ Костей слѣдуетъ предполагать В. К. Константина Николаевича. Но вѣроятно такое же вполне историческое лицо скрывается подъ былиннымъ удалцомъ Костей Новоторжениномъ ²⁾, который б. м. и повліялъ на снабженіе Константина Николаевича богатырскими приѣмами и силою; однако мы едва ли когда нибудь, за давностью лѣтъ, узнаемъ это историческое лицо. Если В. К. Константинъ сдѣланъ богатыремъ, если онъ ломаетъ двери, рубить головы, то едвали удивительнѣе, что жившая въ XVI вѣкѣ нелюбимая народомъ «Пятигорка» Марья Темрюковна стала богатыршей, ея братъ Кострюкъ — борцомъ-нахвальщикомъ, а иногда даже переодѣтой женщиной, что казацкій самозванецъ Петръ сталъ коварнымъ сыномъ Ильи Муромца Петромъ-царевичемъ, что царскій шуринъ Никита Романовичъ сталъ богатыремъ — даже оборотнемъ, что коварная Марина получила въ эпосѣ соотвѣтствующую ея свойствамъ роль и проч. и проч. Повидимому, трудно указать предѣлъ народной фантазіи и «поэтизації» историческихъ лицъ и событій. Какъ характерны въ этомъ отношеніи хотя бы слѣдующіе стихи, выхваченные нами изъ печорской былины о Василии Игнатьевѣ!

1) Ончуковъ, Печорск. былины № 15 Срв. Григорьевъ, Поморскія былины Ч. I, № 132, стр. 416, 417. Та же пѣсня была записана еще въ 1888 г. М. Хрулевымъ въ Мосальскомъ уѣздѣ Калужской г. и доставлена въ Этнографическій Отдѣлъ г. В. Ласкинымъ.

2) Кирѣевскій V 16; Рыбниковъ I 387; Бѣломор. былины стр. 263—265, 268.

Гнѣдые туры говорятъ своей матушкѣ:
«Гнѣдая турица златорогая!
Мы были туры и во Чаховѣ,
Во Чаховѣ были мы, во Ляховѣ
Идѣмъ нынѣ изъ города изъ Кіева....»

И далѣе рассказываютъ, что

Подыматця сабака злодѣй Скурла царь,
Со зѣтемъ собака онъ со Кыршакомъ,
Да съ сыномъ собака со Кончальничкѣмъ¹⁾....

Здѣсь Чаховъ и Ляховъ (Чахи и Ляхи) сохранились какъ остатокъ эпической формулы очень отдаленнаго періода²⁾; Скурла-царь получилъ имя отъ Скуратова-Малюты, слѣдовательно XVI вѣка, въ «Кончальничкѣ», названномъ въ другомъ вариантѣ Коньшакомъ³⁾, мы видимъ знаменитаго половецкаго хана Кончака, а вся эта былина, какъ мы старались уяснить въ одной статьѣ⁴⁾, основана въ концѣ концовъ на сказаніи о Батыевомъ нашествіи. Какая пестрая галерея историческихъ именъ и отголосковъ разныхъ эпохъ!

Однако такое смѣшеніе эпохъ, оправдывающее, съ одной стороны, наши предположенія и объясненія, съ другой стороны, можетъ вызывать и нѣкоторыя возраженія. Насъ могутъ спросить, почему «казачество» Ильи Муромца, его выходки противъ князя Владимира, якшаніе съ голями; разгромъ кабаковъ и проч. объясняется нами, какъ осадокъ именно Смутнаго времени. Развѣ не могли эти пласты наслоиться позже во второй половинѣ XVII-го вѣка или даже въ XVIII-мъ, какъ отложеніе, напр., бунтовъ Разина, стрѣльцовъ или даже пугачевщины?

1) Ончуковъ. Печор. был. № 87 стр. 344, 345.

2) См. Извѣст. Отд. русс. яз. и словесн. И. А. Н. 1904 г. т. IX, кн. I-я, стр. 15 и 16.

3) Тамъ же № 18, стр. 70.

4) См. Очерки стр. 305—327.

Вѣдь разгромъ дворянскихъ усадебъ и кабаковъ, волжское разбойничество представляютъ явленія столь же типичныя во всѣхъ бунтахъ XVII и XVIII в., какъ и въ Смутное время. Эти возраженія мы можемъ, кажется, устранить положительнымъ образомъ, припомнимъ инвентарь нашего былевого сѣвернаго эпоса олонецкаго и архангельскаго — и условія, при которыхъ сохранялась въ этихъ краяхъ былинная традиція. Мы видѣли, что въ собственныя *богатырскія* былины историческія черты въ именахъ и деталяхъ содержанія проникали изъ историческихъ пѣсенъ, такъ какъ для сказателей тѣ и другія старины отличаются одинаковой достовѣрностью или «историчностью».

Просмотрѣвъ инвентарь собственно историческихъ пѣсенъ центральной Россіи, зашедшихъ на сѣверъ въ Олонецкую и Архангельскую губерніи, мы убѣдимся, что туда въ значительномъ числѣ и въ періодѣ неслишкомъ отдаленномъ отъ времени ихъ сложенія зашли пѣсни изъ цикла Ивана Грознаго и Смутнаго времени. Первые, какъ мы иногда указывали, носятъ слѣды того же Смутнаго времени и должны были быть занесены на сѣверъ еще въ теченіе первой половины XVII-го вѣка. Въ этомъ столѣтіи сюда проникли напр., пѣсни о взятіи Казани, о Иванѣ Грозномъ и сынѣ, о Ермакѣ, о Кастрюкѣ и Маріи Темрюковнѣ, о Гришкѣ-разстрижкѣ, о Скопинѣ-Шуйскомъ, а также нѣкоторыя былины объ Ильѣ, отмѣченныя слѣдами Смуты, погулявшія уже въ средѣ казаковъ и разнузданнаго простонародія. Изъ другихъ историческихъ пѣсенъ, сложенныхъ во вторую половину XVII в. зашло на сѣверъ замѣчательно мало. Въ этомъ отношеніи отдаленная провинціальная глушь значительно отстала отъ центральной Россіи. Отъ царствованія Алексѣя Михайловича дошли до Олонецкихъ «сказателей» пѣсни «о боярской думѣ»¹⁾ и о взятіи Азова²⁾, но ихъ знаютъ лишь немногіе сказатели. Что касается

1) У Гильфердинга «Земскій Соборъ» № 154 (=Рыбниковъ III, 46), и № 161; Рыбниковъ II 40, III 47.

2) Гильфердингъ № 37.

пѣсенъ о Разинѣ, которыя отзываются характеромъ казацкой вольницы, то просмотръ ихъ редакцій убѣждаетъ насъ въ томъ, что онѣ занесены на сѣверъ случайно, не въ XVII в. а гораздо позже, быть можетъ только въ XIX-омъ. Такъ въ пѣснѣ о сынѣ Стеньки въ Астрахани³⁾ упоминаются не только губернаторъ, но и штабъ-офицеры, а относительно одной можно прямо заподозрить ея волжское происхожденіе; пѣвшій ее «сказитель» Захаровъ, по разпросамъ Гильфердинга, оказался человѣкомъ «волокиднымъ», много разъ ѣзжавшимъ и побывавшимъ на Волгѣ, откуда онъ вѣроятно и занесъ пѣсню о Разинѣ съ весьма поздними деталями. Такого же характера пѣсня о сынѣ Разина нашлась на Печорѣ¹⁾ и на Пинегѣ²⁾. Пѣсни о похоронахъ Стеньки Разина записаны въ Архангельской губерніи г.г. Марковымъ³⁾ и Григорьевымъ⁴⁾. Къ XVII-му вѣку относится архангельская пѣсня объ осадѣ Соловецкаго монастыря при Алексѣѣ Михайловичѣ⁵⁾, но она касается событія случившагося въ томъ же краѣ и была тамъ же сложена. Такимъ образомъ трудно предположить, что разинскія пѣсни и немногочисленные на сѣверѣ, и зашедшія по всѣмъ признакамъ туда случайно и поздно, могли дать былинамъ объ Ильѣ ту окраску казацкой вольницы, которую мы отмѣтили выше и считаемъ осадкомъ смутнаго времени. Немало было занесено, особенно солдатами, историческихъ пѣсенъ XVIII и XIX вв. въ сѣверный былинный районъ, но, какъ поздніе и случайные гости, онѣ оставались въ сторонѣ и не оказали вліянія на тотъ старый и прочный репертуаръ «старинушекъ», который, перемѣшиваясь въ горнилѣ народнаго творчества, ярко окрашенъ доселѣ типическими чертами

1) Ончуковъ, № 30.

2) Григорьевъ, №№ 58, 103.

3) Бѣломорскія былины, № 59.

4) Архангельскія былины и историческія пѣсни, т. I, № 102.

5) Бѣломорскія былины №№ 40 и 90. См. мои замѣтки къ сибирскимъ вариантамъ въ «Извѣстіяхъ Отд. р. яз. и слов. И. А. Н.», 1904, т. IX, кн. I, стр. 46—49.

XVII-го вѣка и особенно его бурнаго начала. Эта буря, промчавшаяся по всей западной, центральной, южной и восточной Россіи, настолько всколыхала всѣ народные слои, что волны этого потока достигли сѣверныхъ окраинъ, гдѣ до сихъ поръ сказатели поютъ о Гришкѣ Отрепьевѣ, Маринкѣ, Скопинѣ-Шуйскомъ и другихъ герояхъ смуты, переплетая ихъ со «старинками» о грозномъ царѣ Иванѣ Васильевичѣ и «ласковомъ» князѣ Владимірѣ стольно-Кіевскомъ.

Всев. Миллеръ.

1834



